

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)**

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 9

**ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
И АФРИКАНИСТИКА**

2024 – 1

Издается с 1972 года
Выходит 4 раза в год
индекс серии 9.2

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии
«Востоковедение и африканистика»:

*В.С. Мирзеханов – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, главный редактор,
А.В. Гордон – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, зам. главного редакто-
ра, Д.В. Михель – д-р филос. наук, ИНИОН РАН, ответственный
секретарь, Д.М. Бондаренко – д-р ист. наук, член-корреспондент
РАН, ИАфр РАН, Т.К. Кораев – канд. ист. наук, ИСАА МГУ*

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика» // Information and analytical journal «Social Sciences and Humanities: Domestic and Foreign Literature». Series 9: «Oriental and African Studies». До 2021 г. выходил под названием: Реферативный журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика». Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ISSN 2219-8822

DOI: 10.31249/rva/2024.01.00

Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77-80876 от 21.04.2021

СОДЕРЖАНИЕ

ФОРМАЦИИ. ЦИВИЛИЗАЦИИ. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Алексанян Л.М. Латиноамериканский вектор международного сотрудничества ЕАЭС (на примере МЕРКОСУР)	5
---	---

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ

Кудаяров К.А. Университетские и академические аналитические центры Центральной Азии	20
---	----

АФРИКА. БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

Демидов К.Б. Африканский средний класс: перспективы и предыстория	39
---	----

Пряжникова О.Н. Неформальные практики в контексте урбанизации в Африке. Рец. на кн.: Power and Informality in Urban Africa: Ethnographic Perspectives / Ed. by Stark L., Björnsdotter Teppo A. / The Nordic Africa Institute. – London, New York, Oxford, New Delhi, Sydney : Zed, 2022	56
---	----

Бибикова О.П. Формирование арабо-мусульманского города на бывших византийских землях. Пример Дамаска	62
--	----

ЮЖНАЯ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Михель Д.В., Михель И.В. Санитарные улучшения в современной Индии (1947–2020)	84
---	----

Мозиас П.М. «Теневой» банкинг в Китае	125
---	-----

Филиппов Д.А. Дискуссии в Японии относительно ядерной политики страны на текущем этапе	159
--	-----

CONTENTS

FORMATIONS. CIVILIZATIONS. GLOBALIZATION

- Aleksanyan L.M. Latin American Vector of International Cooperation of the EAEU (the Case of MERCOSUR) 5

CENTRAL ASIA AND THE CAUCASUS

- Kudayarov K.A. University and Academic Analytical Centers of Central Asia 20

AFRICA. NEAR AND MIDDLE EAST

- Demidov K.B. African Middle Class: Perspectives and Origins 39
Pryazhnikova O.N. Informal practices in the context of urbanization in Africa. Book review: Power and Informality in Urban Africa: Ethnographic Perspectives / Ed. by Stark L., Björnsdotter Teppo A. / The Nordic Africa Institute. – London, New York, Oxford, New Delhi, Sydney : Zed, 2022. – XIV, 246 p. 56
Bibikova O.P. The Formation of an Arab-Muslim City on the Former Byzantine Lands. The Example of Damascus 62

SOUTH, SOUTHEAST AND EAST ASIA

- Mikhel D.V., Mikhel I.V. Sanitation Improvements in Modern India (1947–2020 s) 84
Mozias P.M. Shadow Banking in China 125
Filippov D.A. Contemporary Discussions in Japan Regarding its Nuclear Policy 159

ФОРМАЦИИ. ЦИВИЛИЗАЦИИ. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

АЛЕКСАНЯН Л.М.* ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ ВЕКТОР МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ЕАЭС (НА ПРИМЕРЕ МЕРКОСУР)

Аннотация. Данная статья посвящена изучению латиноамериканского вектора международного взаимодействия ЕАЭС. Проанализирована социально-экономическая ситуация в государствах евразийского интеграционного объединения и латиноамериканских странах. Особое внимание уделено изучению торгово-экономического сотрудничества между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Южноамериканским общим рынком (МЕРКОСУР). Подчеркивается, что фундаментом наращивания этого диалога стали взаимодополняемость экономик двух объединений и стремление стран-участниц к диверсификации внешнеэкономических связей. Сделан вывод о том, что потенциал торгово-экономического сотрудничества ЕАЭС–МЕРКОСУР огромен и используется не в полной мере.

Ключевые слова: ЕАЭС; МЕРКОСУР; торгово-экономическое сотрудничество; Латинская Америка и Карибский бассейн.

ALEKSANYAN L.M. Latin American Vector of International Cooperation of the EAEU (the Case of MERCOSUR)

Abstract. This article is devoted to the Latin American vector of international cooperation of the EAEU. The socio-economic situation in the states of the Eurasian Economic Union and Latin American

* Алексанян Лариса Мгеровна – кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

countries is carefully analyzed. Special attention is paid to the study of trade and economic cooperation between EAEU and MERCOSUR. It is emphasized that the basis for the building this dialogue is the complementarity of the economies of the two blocks and the desire of the participating countries to diversify their foreign economic relations. The author concludes that the potential of trade and economic cooperation between the EAEU and MERCOSUR is enormous and is not fully used.

Keywords: EAEU; MERCOSUR; trade and economic relations; Latin America and the Caribbean.

Для цитирования: Алексанян Л.М. Латиноамериканский вектор международного сотрудничества ЕАЭС (на примере МЕРКОСУР) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 1. – С. 5–19. – DOI: 10.31249/RVA/2024.01.01

Социально-экономическая ситуация в государствах ЕАЭС и латиноамериканских странах

Социально-экономические показатели стран – участниц ЕАЭС и сообщества государств Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) указывают на привлекательность этих регионов с точки зрения перспектив торгово-экономического сотрудничества. Так, государства ЕАЭС и латиноамериканские страны в совокупности распоряжаются огромными человеческими и природными ресурсами. На территории ЕАЭС проживает 2,3% населения планеты (184 млн человек) и сосредоточено 25% основных видов полезных ископаемых, 40% мировых запасов природного газа, 25% леса, 25% каменного угля, 20% нефти, 11% пресной воды и т.д. [12, с. 230]. На территории ЛАКБ проживает 8,2% человечества мира (656 млн человек), а также сосредоточено 18% мировых запасов нефти, 30% черных и легирующих металлов, 25% цветных металлов, 30% пресной воды и т.д. ВВП двух регионов пропорционален размерам их рынка труда, что свидетельствует о сопоставимой трудоемкости и технологичности двух регионов [28, р. 23].

Несмотря на то что в 2020 г. ЕАЭС столкнулся с экономическими трудностями в связи с распространением коронавирусной инфекции, в 2021 г. региональная экономика смогла адаптировать-

ся к функционированию в условиях пандемии и обеспечить экономический рост до 4,6%. ВВП Беларуси, Казахстана и России достигли допандемического уровня, а в Армении и Кыргызстане темпы роста увеличились до 5,7 и 3,6% соответственно [7, с. 5]. В целом, в 2021 г. ВВП ЕАЭС составил 2,0668 трлн долл. [9], 86% которого принадлежали России, 9,5% – Казахстану, 3,3% – Беларуси. Доли Армении и Кыргызстана в ВВП Союза были небольшие (0,67 и 0,42% соответственно). Ситуация несколько изменилась в 2022 г. из-за нарастания геополитической напряженности в регионе, связанной с эскалацией экономических санкций в отношении России и Беларуси. Совокупный ВВП стран – участниц ЕАЭС за январь–сентябрь 2022 г. сократился на 1,2% по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. При этом наблюдалось сокращение в объеме ВВП России и Беларуси на 1,6 и 4,8% соответственно. Параллельно в Армении, Казахстане и Кыргызстане за этот период прирост ВВП составил 12,6, 3 и 7,2% соответственно [8, с. 3].

Несмотря на замедление экономического роста в регионе в январе – декабре 2022 г. сохранилась положительная динамика некоторых макроэкономических показателей. В частности, во всех странах ЕАЭС был отмечен рост производства продукции сельского хозяйства (9,4%); объема выполненных строительных работ (5%); пассажирооборота (3,2%). Рост промышленного производства был отмечен в Кыргызстане (11,4%), Армении (7,9%) и Казахстане (1,1%); грузооборота – в Кыргызстане (5,4%), Армении (5%) и Казахстане (1%); оборота розничной торговли – в Кыргызстане (10,6%), Армении (4%) и Казахстане (2,1%) [8, с. 1]. Также было зарегистрировано увеличение объема взаимной торговли на 11,9%.

В странах Союза (кроме Казахстана) сохранились положительные тенденции на рынке труда, несмотря на расхождение экономической динамики [1, с. 18]: за период январь – декабрь 2022 г. численность безработных снизилась на 18,7%, составляя 1% численности рабочей силы [14].

В экономике ЕАЭС важную роль играет промышленное производство (30,7%), в частности, обрабатывающая (63%) и горнодобывающая промышленность (28,9%). В Армении и Кыргызстане развита добыча металлических руд, Беларуси – добыча сы-

рой нефти и природного газа, Казахстане и России – добыча сырой нефти и газа, металлических руд, угля и лигнита, а также представляются технические услуги в области горнодобывающей промышленности [16].

После пандемии COVID-2019 экономика стран Латинской Америки и Карибского бассейна восстановилась в значительной степени [29]. В 2021 г. экономический рост региона составил 6,5%, достигнув 5,56 трлн долл. Согласно данным, предоставленным Всемирным банком [25], почти во всех странах региона наблюдался экономический рост, однако лишь 15 стран смогли восстановить уровень допандемической активности. Среди крупных государств только Мексике и Аргентине¹ удалось преодолеть уровень 2019 г., обеспечив экономический рост на 4,7 и 10,4% соответственно. С сокращением ВВП столкнулись Гаити (−1,8%), Венесуэла (−3,9%), Барбадос (−0,2%) [26] и т.д. Таким образом, разброс по темпу роста / снижения ВВП в 2021 г. был колоссальным [11].

В первой половине 2022 г. восстановление экономики региона продолжилось устойчивыми темпами. В 2022 г. экономика региона в целом выросла почти на 4%, в том числе ВВП Бразилии – на 3,1, Мексики – 3,1, Аргентины – 4,6%. В том же году занятость значительно увеличилась (занятность в Бразилии, Чили, Колумбии, Мексике и Перу превысила допандемический уровень), а сектор услуг оправился от ущерба, нанесенного пандемией [21]. Кроме того, значительно восстановилась также обрабатывающая промышленность, что привело к увеличению производства выше допандемического уровня (за исключением Мексики). При этом восстановление экономики латиноамериканских стран сопровождалось растущим инфляционным давлением [27, р. 4]. Инфляция в регионе, особенно в Бразилии, Чили, Колумбии, Мексике и Перу, достигла уровня, невиданного более чем за десятилетие, в основном из-за высоких цен на продукты питания и энергоносители, хотя ценовое давление также повлияло на базовую инфляцию, от-

¹ Крупнейшим игроком латиноамериканского региона является Бразилия, которой принадлежит 32,9% общего ВВП (по данным 2021 г.). Крупными игроками являются также Мексика и Аргентина, доля которых в ВВП ЛАК составляет 21,6 и 10,21% соответственно (по данным 2021 г.). Эти страны, являющиеся лидерами по территории и численности населения среди латиноамериканских стран, во многом определяют экономическое направление региона.

раждающую устойчивый внутренний спрос. По прогнозам, представленным Международным монетарным фондом, инфляция в данном регионе останется высокой в течение некоторого времени, достигнув 9,5% к концу 2023 г. [27, р. 12]. С другой стороны, прогнозируемое снижение мировых цен на продукты питания и энергоносители в 2023 г. может способствовать снижению общей инфляции примерно на 1,6% в 2023–2024 гг.

Основной вклад в ВВП всех латиноамериканских стран вносит третичный сектор экономики, доля которого составляет 60,6% ВВП региона по сравнению с 54% ВВП ЕАЭС. Самая высокая доля сферы услуг в общей структуре ВВП наблюдается в странах Карибского бассейна (выше 80%), которые сосредоточены на туризме. Сильным сектором услуг выделяются также Аргентина, Чили, Мексика, Колумбия и Уругвай. Данный сектор включает туризм, программное обеспечение ИКТ, логистику, розничную торговлю, творческие услуги, спортивные услуги и услуги биотехнологии [28, р. 27].

Важную роль в экономике Латинской Америки и Карибского бассейна играет также промышленность, в том числе горнодобывающая, доля которой достигает 23,3%. На долю Чили и Перу в 2017 г. приходилось 28 и 12% мирового производства меди соответственно. В том же году на регион ЛАКБ приходилось 20 и 54% мирового производства золота и серебра [28, р. 28]. Мексика, Аргентина и Венесуэла имеют крупнейшие нефтегазовые и горнoperерабатывающие компании [15].

На фоне роста ВВП уровень безработицы в регионе остается высоким (особенно среди молодежи), а уровень жизни населения – низким, что обусловлено, в первую очередь, высокой долей иностранного капитала и масштабной коррупцией. Согласно отчету регионального бюро Международной организации труда для стран Латинской Америки и Карибского бассейна, на рынок труда региона воздействуют глобальные кризисы, а также высокая инфляция, влияющая на уровень заработной платы [24]. Сложность и неопределенность рынка труда объясняются также расширением неформального сектора (до 50% и выше) и качеством занятности.

Изучение макроэкономических показателей Латиноамериканского региона и ЕАЭС указывает на потенциал экономической взаимодополняемости этих регионов и перспективность активиза-

ции торгово-экономических отношений между региональными странами. Как государства ЛАКБ, так и страны – участницы ЕАЭС нуждаются в новом устойчивом векторе внешнеторговой политики, получении доступа к новым рынкам сбыта товаров. С этой точки зрения потенциал рынка латиноамериканских стран огромен и пока не используется государствами ЕАЭС в должной мере. По статистическим данным, предоставленным Евразийской экономической комиссией, удельный вес торговли с латиноамериканскими странами составляет 2,1% внешнеторгового оборота ЕАЭС. В целом в 2021 г. товарооборот между этими регионами составил 16,9 млрд долл., продемонстрировав рост на 54,4%, при этом экспорт Союза вырос в 2,2 раза, а импорт на 17,3% [3]. В структуре совокупного экспорта обоих регионов доминируют сырьевые товары, а в импорте – товары обрабатывающей промышленности [17]. Торговый баланс для стран ЕАЭС традиционно имел отрицательную тенденцию. Однако в 2021 г. экспорт Союза превысил импорт с Латинской Америки, составив 8,7 и 8,3 млрд долл. соответственно. Действия стран – участниц ЕАЭС по расширению сотрудничества с отдельными государствами Латинской Америки указывает на значимость рынка этого региона [4, с. 6]. Основным торговым партнером ЛАКБ выступает Россия, которой принадлежит львиная доля товарооборота между двумя регионами (свыше 75%). Основными торговыми экономическими партнерами этой страны выступают Бразилия, Эквадор, Аргентина, Мексика, Венесуэла. Сближению РФ и стран ЛАКБ способствовала экономическая взаимодополняемость, разделяемая сторонами заинтересованность в диверсификации внешних связей [18, с. 212]. Вторым крупным партнером Латинской Америки по ЕАЭС является Республика Беларусь, которая активно развивает торгово-экономические отношения с Бразилией, Колумбией, Эквадором, Аргентиной и Мексикой. Несмотря на диверсифицированный характер импорта Беларусь из латиноамериканских стран, экспорт Республики, за исключением калийных удобрений, несущественен. Список продолжает Казахстан, экспортная специализация которого, как и в случае России, устойчива, но сконцентрирована на сырьевых товарах (нефтепродукты, сера) и продукции низкого уровня переработки (удобрения) [2]. Доля Армении и Киргизстана в общем объеме товарооборота ЕАЭС и Латинской Америки незначительна.

Латиноамериканский вектор международного сотрудничества ЕАЭС (на примере МЕРКОСУР)

Особый интерес представляет взаимодействие ЕАЭС с латиноамериканскими интеграционными сообществами (Генеральный секретариат Андского сообщества, Латиноамериканская экономическая система, Секретариат по экономической интеграции в Центральной Америке, Южноамериканский общий рынок), с которыми заключены Меморандумы о взаимопонимании, способствующие развитию и расширению рамок сотрудничества между евразийской интеграцией и латиноамериканским регионом. Кроме экономического измерения, такое взаимодействие объясняется стремлением ЕАЭС в плане укрепления своей международной легитимности.

Взаимодействие между ЕАЭС и Южноамериканским общим рынком (МЕРКОСУР)

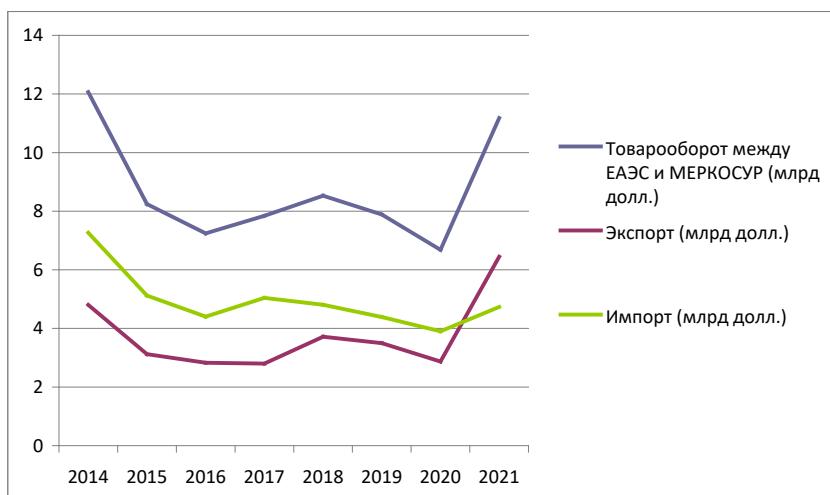
Одним из приоритетных направлений международного взаимодействия ЕАЭС считается МЕРКОСУР (Южноамериканский общий рынок) – крупнейшее интеграционное объединение Латиноамериканского региона. Этот блок, включающий в себя Аргентину, Бразилию, Уругвай и Парагвай, выделяется своими макроэкономическими показателями и является одним из крупнейших экономических блоков мира. По данным 2021 г., предоставленным Всемирным банком, население стран – участниц МЕРКОСУР составляет порядка 270 млн человек, суммарный ВВП – 2,2 млрд долл. [23], а накопленный объем прямых иностранных инвестиций приближается к 800 млрд долл. [20]. В 2021 г. внешнеторговый оборот стран Южноамериканского общего рынка достиг 734 млрд долл., а в 2022 г. – 865 млрд долл. [22]. При этом объем товарооборота между ЕАЭС и МЕРКОСУР в 2021 г. составил 11,2 млрд долл., обеспечив 66,3% всего товарооборота Союза с Латиноамериканским регионом [3]. Взаимодополняемость экономик МЕРКОСУР и ЕАЭС, с одной стороны, стремление стран-участниц двух блоков к диверсификации внешнеэкономических связей – с другой, способствовали развитию торгово-экономических отношений между двумя интеграционными объединениями. Невозможно не согласиться с мнением, что «торгово-экономическое сотрудничество целесообразно рассматривать как инструмент поиска точек соприкосновения между двумя крупными региональными игроками» [5, с. 81].

Правовой основой взаимодействия МЕРКОСУР–ЕАЭС является «Меморандум о торгово-экономическом сотрудничестве», подписанный между ЕЭК и МЕРКОСУР в 2018 г. в городе Монтевидео. Этот документ стал отправной точкой на пути к наращиванию широкоформатного диалога по таможенному администрированию, техническому регулированию и стандартизации, цифровизации экономики, санитарным и фитосанитарным мерам, энергетике, транспорту, грузоперевозкам [6, с. 2] и т.д. В целях координации сотрудничества в рамках данного документа было принято решение о создании Совместного комитета по торгово-экономическому сотрудничеству, включающего в себя представителей ЕЭК, государственных органов стран – участниц ЕАЭС и МЕРКОСУР.

Торгово-экономические отношения между ЕАЭС и МЕРКОСУР развиваются на прагматической основе. Страны – участницы этих интеграционных объединений не конкурируют на мировых рынках товаров и дополняют друг друга в данном плане. Однако, несмотря на огромный потенциал внешнеторгового сотрудничества ЕАЭС–МЕРКОСУР, торговые отношения между государствами – членами этих блоков слабо развиты. Об этом свидетельствует тот факт, что объем внешней торговли между ЕАЭС и МЕРКОСУР составляет 1,3% общего товарооборота Союза со странами вне ЕАЭС [3], а на страны евразийского интеграционного объединения приходится всего 1,5% в общем товарообороте МЕРКОСУР (по данным 2021 г.) [22]. Слабо развитые торговые отношения между ЕАЭС и МЕРКОСУР объясняются, в первую очередь, тарифными и логистическими барьерами, усиливающейся конкуренцией Китая в регионе и противодействием со стороны США.

За последние шесть лет товарооборот между ЕАЭС и МЕРКОСУР достиг максимального уровня в 2021 г., обеспечив темп роста на 167% по сравнению с 2020 г. и 143% по сравнению с 2019 г. (рис. 1). Сальдо торгового баланса ЕАЭС с МЕРКОСУР традиционно сложилось отрицательным для Союза, однако в 2021 г. экспорт ЕАЭС превысил импорт из стран МЕРКОСУР в размере 1,7 млрд долл., составив 6,4 и 4,7 млрд долл. соответственно (рис. 1).

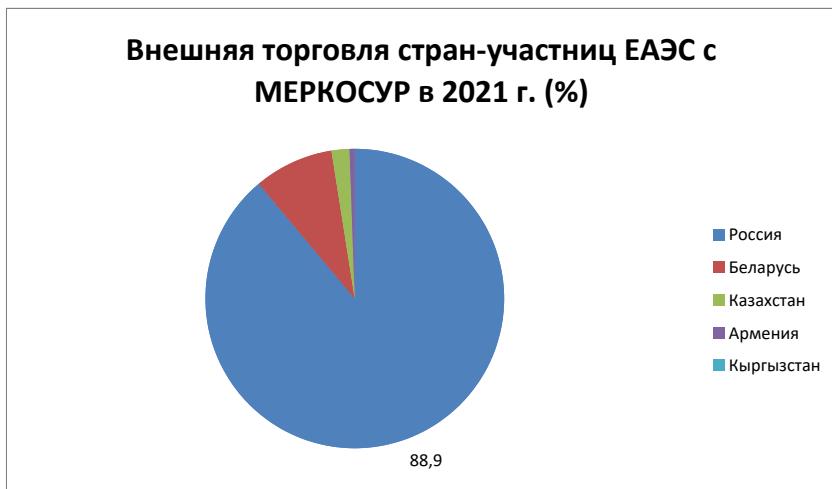
Латиноамериканский вектор международного сотрудничества ЕАЭС (на примере МЕРКОСУР)

**Рисунок 1. Внешняя торговля между ЕАЭС и МЕРКОСУР
(млрд долл.) 2014–2021 гг.**

Составлен автором согласно статистическим данным, предоставленным Евразийской экономической комиссией. Источник: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extral/Pages/default.aspx

Львиная доля товарооборота между ЕАЭС и МЕРКОСУР принадлежит России, в 2021 г. она составила 9,9 млрд долл. (88,9% всего оборота). За последнее десятилетие «товарооборот между Россией и странами МЕРКОСУР стал подвержен заметным перепадам, главным образом, из-за внутренних экономических трудностей, как в РФ, так и в Южной Америке, а также под влиянием резких изменений цен на мировом рынке сырьевых и продовольственных товаров, составляющих основу взаимной торговли» [20]. Второе место в данном списке торговых партнеров МЕРКОСУР занимает Беларусь (8,5%), далее Казахстан (2%), Армения (0,5%) и Кыргызстан (0,1%) (рис. 2).

**Рисунок 2. Внешняя торговля стран – участниц ЕАЭС
с МЕРКОСУР в 2021 г. (%)**

Составлен автором по статистическим данным, предоставленным Евразийской экономической комиссией. Источник:
<http://www.eurasiancommission.org/>
[ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extr/Pages/2021/12_180.aspx](http://act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extr/Pages/2021/12_180.aspx)

Основными товарами, поставляемыми из МЕРКОСУР на территорию Евразийского экономического союза, являются соевые бобы, мясо крупного рогатого скота, табачное сырье, продукция химической промышленности, металлы и изделия из них, машины, оборудование и транспортные средства и т.д. В качестве основных импортируемых товаров из ЕАЭС на территорию МЕРКОСУР выступает продукция химической промышленности (около 95%), в частности минеральные удобрения, нефть и нефтепродукты, сера почти всех видов, каменный уголь, каучук синтетический и т.д. В целом, такая картина указывает на то, что товарная структура взаимной торговли слабо диверсифицирована.

Экономическое сотрудничество ЕАЭС и МЕРКОСУР выражается также в области инноваций и технологий. Страны этих объединений заинтересованы в развитии таких направлений двустороннего сотрудничества, как морские исследования, исследова-

ния в области биоэкономики, возобновляемые источники энергии, атомная энергетика и т.д. [10].

В научно-технологической сфере взаимодействие ЕАЭС–МЕРКОСУР осуществляется в большей степени на двустороннем уровне между отдельными странами – участниками этих объединений. С этой точки зрения особенно выделяется активное взаимодействие России и Бразилии, «научно-технические потенциалы которых в значительной мере взаимодополняемы» [19]. Страны – лидеры двух организаций еще в 2006 г. подписали Соглашение о взаимной охране технологий в связи с сотрудничеством в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях. Успешно запущены такие двусторонние проекты, как: совместное предприятие бразильской компании Marcopolo с КамАЗ; приобретение АОА «Северсталь» 25% акций бразильской добывающей компании «СПГ-Минерасао», владеющей лицензиями на разработку восьми железорудных месторождений в Бразилии; сотрудничество российской компании «АВИСМА» с бразильской авиастроительной компанией «Эмбраер» в рамках поставок титановых полуфабрикатов [10] и т.д. Следует отметить, что Россия является эксклюзивным поставщиком титана для «Эмбраер» и обеспечивает 100% ее потребности.

Экономические лидеры двух объединений заинтересованы в сотрудничестве в области атомной энергетики. В последние годы наблюдается заметная активность в данной сфере. В 2017 г. было подписано соглашение о завершении строительства третьего блока бразильской АЭС «Анgra». В том же году российская компания Uranium One Inc. выиграла международный тендер на поставку 400 т природного урана для бразильской корпорации Industries Nucleares do Brasil [19]. К тому же бразильская сторона проявляет интерес к российским технологиям строительства и обслуживания больших и малых АЭС [13]. Сотрудничество по данному направлению предусматривается Меморандумом о взаимопонимании, подписанным между Росатомом и компанией – оператором атомных электростанций Eletrownuclear в 2021 г. Перспективным направлением двустороннего российско-бразильского сотрудничества является взаимодействие в спутниковой навигации. На территории Бразилии установлены четыре наземные станции российской глобальной навигационной системы [19].

Подводя итог, следует отметить, что заинтересованность Бразилии и России в развитии двусторонних отношений в научно-технической сфере и переходе от «классического» товарооборота к многостороннему экономическому взаимодействию способствовала обеспечению сравнительно высокого уровня межгосударственного и межкорпоративного сотрудничества. Однако, несмотря на серьезные успехи в данной сфере, «имеющийся значительный потенциал не реализован в полной мере и с достаточной продуктивностью, не хватает совместных мегапроектов, недоработаны конкретные деловые круги обеих стран» [19]. Эта ситуация объясняется также отсутствием необходимой активности по повышению инвестиционной привлекательности регионов.

Заключение

Евразийский экономический союз, как международная организация региональной экономической интеграции, расширяет географию своей деятельности, имея цель развивать международные связи с различными регионами мира. В рамках данной политики страны – участницы ЕАЭС особое внимание уделяют отношениям со странами Латинской Америки и Карибского бассейна, сотрудничество с которыми в средне- и долгосрочной перспективе обусловлено экономическими интересами и укреплением международной легитимности Союза. С другой стороны, латиноамериканские страны также заинтересованы в наращивании активных торгово-экономических отношений с государствами ЕАЭС с целью диверсификации внешнеэкономических связей.

Потенциал торгово-экономического сотрудничества ЕАЭС–МЕРКОСУР огромен, однако не реализован в полной мере. Пока взаимодействие между двумя интеграционными объединениями не отличается большой активностью. Однако в условиях меняющейся глобальной экономики расширение и усиление взаимоотношений между ЕАЭС и МЕРКОСУР приведет к повышению устойчивости национальных экономик их членов. Углублением экономического сотрудничества ЕАЭС со своим латиноамериканским партнером станет подписание соглашения ЗСТ+ (Зона свободной торговли), предполагающего глубокую интеграцию с акцентом на снижение нетарифных барьеров, улучшение режима торговли услугами и

инвестициями, меры активизации торговли, создание специальных условий для отдельных проектов и т.д. [10].

Список литературы

1. Аналитический доклад «О макроэкономической ситуации в государствах – членах Евразийского экономического союза и предложениях по обеспечению устойчивого экономического развития». – Москва : Евразийская экономическая комиссия, 2023. – 48 с.
2. Большие расстояния, большие перспективы: сотрудничество ЕАЭС и стран Латинской Америки и Карибского бассейна выходит на новый уровень // Евразийская экономическая комиссия – 2021. – 7 января. – URL: https://eec.eaeu.eu/nion.org/news/bolshie-rasstoyaniya-bolshie-perspektivy-sotrudnichestvo-eaes-i-stran-latinskoj-ameriki-i-karibskogo-bassejna-vyходит-na-novyj-uroven-/?phrase_id=220687/ (дата обращения: 9.08.2023).
3. Внешняя торговля со странами вне ЕАЭС // Евразийская экономическая комиссия. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Pages/default.aspx (дата обращения: 23.10.2023).
4. Воловик Н. Перспективы торгово-экономического сотрудничества Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с Южноамериканским общим рынком (МЕРКОСУР). – URL: https://papers.ssm.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3641369 (дата обращения: 16.08.2023).
5. В поисках новой архитектуры многополярности: международное сотрудничество ЕАЭС. – URL: <https://globalcentre.hse.ru/news/368817793.html> (дата обращения: 23.10.2023).
6. Меморандум о сотрудничестве по торгово-экономическим вопросам между Евразийской экономической комиссией и Южноамериканским общим рынком (МЕРКОСУР). – URL: <file:///C:/Users/Asus/Downloads/%D0%9C%D0%95%D0%A0%D0%9A%D0%9E%D0%A1%D0%A3%D0%A0+%D1%80%D1%83%D1%81.pdf> (дата обращения: 16.09.2023).
7. Об итогах и перспективах социально-экономического развития государств – членов Евразийского экономического сотрудничества и мерах, предпринятых государствами-членами в области макроэкономической политики // Евразийская экономическая комиссия. Годовой доклад за 2021. – Москва, 2022. – 63 с. – URL: https://ecc.eaeunion.org/upload/medialibrary/d19/Annual_report_2021.pdf (дата обращения: 13.09.2023).
8. Об основных социально-экономических показателях Евразийского экономического союза. Январь–декабрь 2022 // Евразийская экономическая комиссия. Аналитический обзор. – 2023. – 21 февраля. – 39 с. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Analytics/inicators2022_12.pdf (дата обращения: 14.09.2023).
9. Статистический ежегодник Евразийского экономического союза. 2022 // Евразийская экономическая комиссия. – Москва, 2022. – URL:

- http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2022.pdf(дата обращения: 13.09.2023).
10. Сысоева А. ЕАЭС, МЕРКОСУР и интеграция // РСМД. – 2019. – 28 января. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/eaes-merkosur-i-integratsiya/> (дата обращения: 13.09.2023).
 11. Толмачев М.Н., Никифорова Е.В., Цыпин А.П. Экономическое развитие стран латиноамериканской ассоциации интеграции: тенденции и перспективы // Экономическая статистика. – 2021. – Т. 18, № 6. – С. 49–59.
 12. Худякова О.Ю., Политова Я.В. Анализ социально-экономических показателей ЕАЭС // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности : сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «ИРОК» : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство АЛЕФ», 2022. – С. 229–238.
 13. Чиркин С.А. Россия и МЕРКОСУР – естественные торгово-экономические партнеры в условиях нового мирохозяйственного порядка // Инновации и инвестиции. – 2022. – № 5. – С. 30–35.
 14. О безработице в Евразийском экономическом союзе. Январь 2023 года // Евразийская экономическая комиссия. – 2023. – 14.03. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Express_Uneemployment/expressunemp202301.pdf (дата обращения: 11.09.2023).
 15. Экономическая база Латама: на чем живет глобальный рынок Южной Америки // РБК. – 2022. – 15.07. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/62d1445a9a7947708d3e28d4> (дата обращения: 14.09.2023).
 16. Экономические индикаторы. Статистика Евразийского экономического союза. Январь–сентябрь 2022 г. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/publications/newsletters_collections_booklets/economic_indicators.php (дата обращения: 11.08.2023).
 17. Эксперты предложили новые пути развития торговли ЕАЭС и Латинской Америки // ЕВРАЗИЯ. ЭКСПЕРТ. – 2021. – 29 июня. – URL: <https://eurasia эксперт/novye-puti-razvitiya-torgovli-eaes-i-latinskoy-ameriki/> (дата обращения: 16.08.2023).
 18. Яковлев П.П. Россия и Латинская Америка: константы и переменные торгово-экономических отношений // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14, № 3. – С. 209–226.
 19. Яковлев П.П. Россия и Бразилия в парадигме стратегического партнерства // Перспективы. Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. – URL: https://www.perspektivy.info/rus/desk/rossija_i_brazilija_v_paradigme_strategicheskogo_partnerstva_2022-11-23.htm (дата обращения: 16.08.2023).
 20. Яковлев П.П. МЕРКОСУР: позади 30 лет. Что впереди? // Российский внешнеэкономический вестник. – 2021. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/merko sur-pozadi-30-let-chto-vperedi> (дата обращения: 16.08.2023).

Латиноамериканский вектор международного сотрудничества ЕАЭС (на примере МЕРКОСУР)

21. Adler G., Chalk N., Ivanova A. Latin America Faces Slowing Growth and High Inflation Amid Social Tensions // IMF. – 2023. – Feb 1. – URL: <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2023/02/01/latin-america-faces-slowing-growth-and-high-inflation-amid-social-tensions> (дата обращения: 12.09. 2023).
22. Direction of Trade Statistics // International Monetary Fund. – URL: <https://data.imf.org/regular.aspx?key=61013712> (дата обращения: 16.08.2023).
23. GDP (current US\$) – Brazil, Argentina, Uruguay, Paraguay // The World Bank. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=BR-AR-UY-PY> (дата обращения: 16.09.2023).
24. Labour Overview 2022 for Latin America and the Caribbean // International Labour organization. – URL: http://www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/news/WCMS_867540/lang--en/index.htm (дата обращения: 14.09.2023).
25. Latin America and Caribbean // The World Bank Data. – URL: <https://data.worldbank.org/country/ZJ> (дата обращения: 12.09.2023).
26. Latin America and the Caribbean // The World Bank. – URL: <https://data.worldbank.org/region/latin-america-and-caribbean> (дата обращения: 12.09.2023).
27. Regional Economic Outlook. Western Hemisphere // International Monetary Fund. – 2022. – Oct. 46. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/REO/WH/Issues/2022/10/13/regional-economic-outlook-western-hemisphere-october-2022> (дата обращения: 12.09.2023).
28. The Eurasian Economic Union & Latin America and the Caribbean: A Transcontinental Partnership / Eurasian Economic Commission, ECLAC. – 2021. – 113 p.
29. The World Bank in Latin America and the Caribbean // The World Bank. – URL: <https://www.worldbank.org/en/region/lac/overview> (дата обращения: 12.09.2023).

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ

КУДАЯРОВ К.А.* УНИВЕРСИТЕТСКИЕ И АКАДЕМИЧЕСКИЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. В данной статье автор предпринял попытку продемонстрировать потенциал университетских и академических «фабрик мысли» стран Центральной Азии. Подчеркивается, что имеющаяся инфраструктура и экспертная среда являются, в некоторой степени, недооцененными со стороны местных властей и используются лишь в научно-образовательных целях. При этом обзор аналитических центров Кыргызстана и Таджикистана показал, что университетская среда является наиболее подходящей и успешной для развития экспертной аналитики.

Ключевые слова: Центральная Азия; Казахстан; Кыргызстан; Узбекистан; Таджикистан; университетские «фабрики мысли»; академические аналитические центры.

KUDAYAROV K.A. University and Academic Analytical Centers of Central Asia

Abstract: In this article, the author tried to demonstrate the potential of university and academic “think tanks” of Central Asian countries. It is emphasized that the existing infrastructure and expert environment are somewhat underestimated by the local authorities and are used only for scientific and educational purposes. At the same time, a review of analytical centers in Kyrgyzstan and Tajikistan showed that the university environment is the most suitable and successful for the development of expert analytics.

* Кудаяров Каныбек Акматбекович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований Института научной информации по общественным наукам РАН.

Keywords: Central Asia; Kazakhstan; Kyrgyzstan; Uzbekistan; Tajikistan; university “think tanks”; academic analytical centers.

Для цитирования: Кудаяров К.А. Университетские и академические аналитические центры Центральной Азии // Социальные и гуманистические науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 1. – С. 20–38. – DOI: 10.31249/RVA/2024.01.02

Под аналитическими центрами следует понимать публичные организации, осуществляющие исследовательскую, прогнозную и консультационную деятельность по государственным, коммерческим или некоммерческим контрактам, преимущественно в области политического производства и оценки результатов и возможных последствий политических решений [2].

Согласно «Атласу аналитических центров «Большой Евразии» (Т. 1) [1], в 2022 г. в Центральной Азии (ЦА) находилось 74 «фабрики мысли». Из них 24 – в Кыргызстане, 28 – в Казахстане, 13 – в Таджикистане и девять – в Узбекистане.

Таблица 1

Основные количественные характеристики аналитических центров стран Центральной Азии

Страна	Распределение по категориям (2022)				
	2022	Академический	Государственный	НГО	Университетский
Узбекистан	9	0	3	6	0
Таджикистан	13	1	2	5	5
Казахстан	28	2	9	17	2
Кыргызстан	24	0	3	15	6

Практически все мозговые центры ЦА находятся в столицах республик (Ташкенте, Душанбе и Бишкеке), за исключением Казахстана, где «фабрики мысли» помимо г. Астана, широко представлены в г. Алматы (9). Также имеется крупный аналитический центр в г. Туркестан (Международный казахско-турецкий университет им. Ходжи Ахмеда Ясави).

Особенностью подавляющего большинства центральноазиатских аналитических центров (АЦ) является их «нейтральность»

в отношении некоторых, особенно значимых для государства и неоднозначных тем (например, безопасности или актуальных политических процессов). Альтернативная информация и резко противоречащие официальным оценкам исходят преимущественно не из аналитических центров, а от оппозиционных политических сил, независимых информационных агентств и новостных интернет-порталов, которые, как правило, находятся за пределами страны или региона [7].

«Мозговые центры» Казахстана и Кыргызстана отличаются широким сотрудничеством с западными НПО, оказывающими значительное влияние на развитие аналитической индустрии этих государств. К примеру, представительства Фонда Сороса по-прежнему функционируют только в Казахстане и Киргизии (в Туркменистане его никогда не было, а в Узбекистане и Таджикистане они были закрыты, соответственно, в 2004 и 2022).

Покинув одни страны региона, Фонд усилил свое присутствие в других, открыв в 2021 г. в Кыргызстане две новые программы – «Демократическое управление» и «Искусство и культура», которые дополнили уже действующие (программа «Общественное здравоохранение», правовая программа, образовательная программа, информационная программа, программа «Развитие СМИ») [8].

Помимо вышеназванных отличий, необходимо подчеркнуть, что в Казахстане и Кыргызстане русский язык является официальным языком, который довольно широко представлен в СМИ, интернет-пространстве, а также в общественно-политической и культурно-образовательной сферах деятельности этих государств.

И, наконец, тематика исследований АЦ двух республик в значительной степени посвящена евразийской интеграции и вопросам коллективной безопасности, что обосновывается членством Казахстана и Киргизии в ЕАЭС и ОДКБ.

Среди аналитических центров региона особого внимания заслуживают «мозговые центры», находящиеся при университетах. Они представлены как в государственных и межгосударственных вузах, так и в частных высших образовательных заведениях республик ЦА. Несмотря на то что в регионе имеется 13 таких центров, основная их масса находится в Кыргызстане и Таджикистане – 11. С той лишь разницей, что в Таджикистане они созданы на базе двух

*Университетские и академические аналитические центры
Центральной Азии*

университетов – Российско-Таджикского (Славянского) университета (РТСУ) и Таджикского национального университета (ТНУ), а в Кыргызстане университетские аналитические центры представлены в рамках частного Международного университета «Ала-Тоо» (МУА), частного Американского университета в Центральной Азии (АУЦА), Кыргызско-Турецкого университета «Манас» (КТУ «Манас»), Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина (КРСУ), а также частного некоммерческого Университета Центральной Азии (УЦА).

При этом в Таджикистане все пять АЦ можно назвать государственными (и межгосударственными), в то время как в Кыргызстане таковых – 2, один из которых, – КТУ «Манас», – вошел в Топ-1000 лучших вузов мира [12] (по версии QS (Quacquarelli Symonds) World University Rankings), а второй – КРСУ. Из пяти вузов Кыргызстана, располагающих АЦ, три – вошли в Московский международный рейтинг «Три миссии университета» [9] (КТУ «Манас», КРСУ, АУЦА). Таким образом, можно утверждать, что университетские аналитические центры Кыргызстана имеют довольно высокий потенциал для дальнейшего развития.

Кыргызско-Турецкий университет «Манас» и его научно-исследовательские центры

КТУ «Манас» является государственным высшим образовательным учреждением, созданным на основе межправительственного договора между Кыргызской и Турецкой республиками в 1995 г. На сегодняшний день в вузе обучается 6150 человек, из которых 14,3% являются иностранными студентами. Основное финансирование университета осуществляется турецкой стороной. В 2023 г. Кыргызско-Турецкий университет «Манас» вошел в число лучших вузов мира по таким критериям, как: академическая репутация; репутация работодателя; соотношение преподавателей и студентов; количество цитирований по факультетам; соотношение международных / иностранных преподавателей (с местным контингентом ППС); соотношение количества иностранных студентов (с местными студентами); международная исследовательская сеть; результаты трудоустройства (выпускников). Наиболее высокие баллы были присуждены университету по критерию: «со-

отношение международных / иностранных преподавателей (с местным контингентом ППС)» – 89,5 балла из 100, а также, исходя из оценки соотношения количества иностранных студентов (с местными студентами), – 29,2.

При КТУ «Манас» существует три научно-исследовательских центра (НИЦ): Центр исследований тюркской цивилизации, Центр изучения Центральной Азии и Центр исследований биоразнообразия и биотехнологий. Проекты данных центров финансируются из местного киргизского и турецкого бюджетов, а также средств международных доноров. К примеру, на научно-исследовательские проекты (в 2017/2018 уч. г.) в общей сложности было израсходовано более 160 тыс. долл. США [18], а на содержание самого вуза (по крайней мере, в 2017 г.) турецкая сторона выделила более 20 млн долл. США [15]. Для сравнения в 2015 г. на финансирование всей системы высшего образования республики правительство Кыргызстана выделило более 46 млн долл. [10].

Итак, рассмотрим подробнее данные центры. *Центр исследований тюркской цивилизации* начал свою деятельность в 2002 г. Основной целью Центра является организация научных исследований, посвященных тюркской цивилизации, и координация кратко- и долгосрочных научных проектов по изучению тюркской цивилизации. Центр уделяет внимание ознакомлению научного сообщества с результатами научных исследований, связанных с тюркской цивилизацией, определению места тюркской цивилизации в рамках мировой цивилизации. *Центр изучения Центральной Азии* нацелен на достижение статуса одного из сильнейших научно-исследовательских учреждений региона по изучению тюркской цивилизации. Административный аппарат аналитического центра состоит из шести человек, в том числе и одного представителя из Кыргызстана. Публикации Центра выходят на страницах «Journal of Turkic Civilization Studies» [13] (Журнала исследований тюркской цивилизации) – периодического издания, выходящего два раза в год на турецком, кыргызском, русском и английском языках. Периодически материалы Центра также издаются на страницах журнала «MANAS Sosyal Araştırmalar Dergisi» (Журнала социальных исследований «Манас»). Среди проектов, реализованных данной организацией, стоит выделить следующие: Влияние уровня благосостояния и бедности государственных служащих на образ

жизни: пример Бишкека (2020); Составление «Тематического справочника об эпосе «Манас»; Практика языкового планирования и языковая политика в Кыргызстане; История, структура общества, культура и экономика Хакасии; Изучение строительных технических терминов и составление словаря на турецком, русском, английском и киргизском языках и другие работы.

Центр регулярно проводит различные мероприятия, в число крупнейших из них входят Международный конгресс гуманитарных наук тюркского мира, Международный педагогический конгресс «Тюркский мир», Международный конгресс тюркской цивилизации и т.д.

Следующий НИЦ – Центр исследований Центральной Азии (*ORASAM*) – был основан решением попечительского совета Кыргызско-Турецкого университета «Манас» от 30 ноября 2010 г. с целью проведения и содействия исследованиям в политической, стратегической, социальной, экономической и культурной сферах, связанных с центральноазиатским регионом и прилегающими к нему государствами.

В рамках ORASAM систематически проводятся семинары [11], научно-исследовательские работы и практические проекты. Например, семинары на тему «Кыргызско-турецкие отношения», «Пограничные вопросы Кыргызстана с соседними странами», «Проект “один пояс, один путь” и Кыргызстан».

В дополнение к проектным исследованиям были выпущены такие книги, как «Отражение Кыргызско-Турецкого университета «Манас» в кыргызской прессе», «Сотрудничество в странах Тюркского совета после 25-летнего опыта» и «Образование общего гражданства в тюркском мире», подготовленные для представления Тюркскому совету.

На базе ORASAM с 2018 г. выпускаются новостные еженедельные и ежемесячные бюллетени, аналитические бюллетени, ежегодные доклады, ежегодные сборники статей «Исследования Кыргызстана» [19] и многое другое.

Систематически анализируются СМИ Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Турции, Туркменистана и Узбекистана, а наиболее актуальные новости стран размещаются на четырех языках на веб-сайте ORASAM и на страницах Центра в соцсетях Instagram, Facebook и Twitter.

Центр исследования биоразнообразия и биотехнологий занимается: проведением исследований в области биотехнологий и биоразнообразия; сохранением экосистем и существующей экоструктуры, пригодной для жизни и устойчивой природной среды; поддержанием отношений между человеком и природой.

Несмотря на наличие трех научно-исследовательских центров при КТУ «Манас», только ORASAM соответствует критериям, предъявляемым к организациям, относящим себя к аналитическим центрам.

*Кыргызско-Российский (Славянский) университет
им. Б.Н. Ельцина и Институт стратегического анализа и прогноза*

Университет открыт в 1993 г. в соответствии с Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Кыргызской Республикой и Российской Федерацией. Стратегическими и тактическими целями КРСУ являются развитие университета в качестве ведущего вуза на образовательном пространстве Центральной Азии, нацеленного на интеграцию в единое образовательное пространство стран ЕАЭС и дальнего зарубежья и решение социально значимых проблем региона в таких областях, как: русский язык на пространстве Центральной Азии; межкультурный и межрелигиозный диалог; устойчивое экономическое развитие; малая энергетика и гидроэнергетика.

В 2003 г. на базе КРСУ был образован *Институт стратегического анализа и прогноза* (ИСАП), являющийся одним из специализированных научно-исследовательских подразделений университета. Основной задачей ИСАП является комплексный экспертный анализ приоритетных проблем современности в их стратегическом контексте и перспективе, выявление общих тенденций развития политической обстановки в стране и других государствах региона, а также доведение результатов исследований до уровня прикладных выводов и рекомендаций, адресованных для высших органов законодательной и исполнительной власти страны [3].

Сфера научной деятельности ориентирована на стратегические аспекты внешней политики, общественно-политические и социальные процессы в современном Кыргызстане, исследования в области идеологии и религии, экономической безопасности.

*Университетские и академические аналитические центры
Центральной Азии*

Основные публикации ИСАП посвящены тематике религиозного экстремизма и вопросам евразийской интеграции.

Помимо ИСАП, при КРСУ имеется семь научно-исследовательских и научно-образовательных центров. Они выполняют важную работу по развитию таких направлений, как: экономические и демографические исследования; изучение проблем народонаселения; исследования и решения научных и инженерных задач в области фотоники и гальванопластики; разработка и внедрение методов контроля сооружений при сейсмических и техногенных воздействиях; исследования в области физики атмосферы и изменения климата, взаимодействия внутренних и внешних геосфер; исследование и разработка нанотехнологий; исследования в области передовых технологий в горном деле.

*Американский университет в Центральной Азии,
Лаборатория социальных инноваций в Кыргызстане (SILK),
Центр изучения окружающей среды и развития,
Тянь-Шаньский аналитический центр*

Американский университет в Центральной Азии (АУЦА) был основан в 1993 г. Он представляет собой международное, мультидисциплинарное сообщество в лучших традициях американского образования в сфере гуманитарных наук. Он является первым университетом в регионе, выдающим аккредитованные степени США в сфере гуманитарных наук, через партнерство с Бард коллежем в Соединенных Штатах Америки.

Лаборатория социальных инноваций в Кыргызстане (SILK) является инициативой факультета социальных наук Американского университета в Центральной Азии. Основная цель SILK – участие в социально значимых проектах в Кыргызстане и разработка инновационных решений социальных проблем. SILK – это платформа, на которой преподаватели разрабатывают и реализуют проекты исследований и гражданского участия по очень широкому спектру тем.

В 2022 г. Лаборатория открыла бесплатный курс «Инновационные инструменты для градостроителей и дизайнеров» совместно с ОФ «Городские инициативы» и «Пешком». На данный момент SILK занимается составлением альтернативного путеводителя по

г. Бишкек и связанной с ним разработкой веб-сайта и мобильного приложения.

Другой, не менее важной структурой в рамках АУЦА, является Центр окружающей среды и развития (ЦОР). Это научно-исследовательский институт, который продвигает научно обоснованную политику, ведущую к устойчивому развитию. Миссия ЦОР заключается в обеспечении надежной научной базы для устойчивого экономического развития. Основными сферами деятельности ЦОР являются: зеленая экономика; устойчивое развитие; управление природными ресурсами; энергетические ресурсы; водные ресурсы; городские исследования и защита окружающей среды.

К числу наиболее значимых проектов Центра, реализованных в последние годы, относится проект «Источники загрязнения воздуха в городах Кыргызстана». В рамках данного исследования были определены основные загрязнители крупнейших городов республики – Бишкека и Оша. Было установлено, что помимо автомобильных выхлопов и сжигания угля сжигаются отходы швейной промышленности и автомобильные шины. Авторы проекта рекомендуют сократить количество индивидуальных транспортных средств в пользу общественных, стимулировать ввоз в республику гибридных и электромоторных машин, наладить производство текстильной продукции с использованием отходов швейной продукции и утеплять дома частного сектора [10].

ЦОР также на регулярной основе проводит мероприятия местного и республиканского масштаба. Например, Центр совместно с Международным университетом «Ала-Тоо» и Кыргызским национальным университетом им. К.И. Скрябина в рамках «Альянса вузов Кыргызской Республики за зеленую экономику и устойчивое развитие» (АВЗУР) в 2022 г. провели международную конференцию «Вопросы зеленой экономики и устойчивого развития в Кыргызской Республике». А годом ранее ЦОР провел конференцию на тему «Качество воздуха в Бишкеке и пути решения проблемы» в рамках «Дней зеленой экономики в Кыргызской Республике – 2021». На данном мероприятия были представлены презентации результатов исследований четырех вузов страны (АУЦА, Академии ОБСЕ в Бишкеке, УЦА, КРСУ), посвященные влиянию изменения климата на качество воздуха в Бишкеке. Были даны ре-

*Университетские и академические аналитические центры
Центральной Азии*

комендации по внедрению принципов «зеленых» городов в кварталах городской застройки [5].

И, наконец, Тянь-Шаньский аналитический центр (ТАЦ) является инновационной, некоммерческой организацией, которая работает над исследованиями, анализом и осуществлением приемлемых и эффективных политических решений для стран и сообществ Центральной Азии. ТАЦ специализируется на критических областях политики стратегического развития, защиты прав человека, программ устойчивого развития. Центр стремится работать в тесном сотрудничестве с международными организациями, фондами, центральными и местными органами власти, НПО и другими организациями и группами активистов гражданского общества для определения и введения передовых форм государственного управления в практику путем данного сотрудничества. Наряду с этими усилиями проекты ТАЦ предоставляют преподавательскому составу и студентам АУЦА возможность заниматься актуальными исследованиями в области политики и взаимодействовать с другими исследователями и разработчиками государственной политики.

Центр работает в рамках таких программ, как: миграция и социальная защита; устойчивое развитие и окружающая среда; права человека и верховенство закона; демократическое управление.

*Российско-Таджикский (Славянский) университет и его
аналитические центры*

А теперь перейдем к рассмотрению Российско-Таджикского (Славянского) университета (РТСУ) и его «мозговых центров».

РТСУ был создан в г. Душанбе в 1996 г. постановлениями правительства Республики Таджикистан и Российской Федерации. В организационно-правовом плане университет является межгосударственным образовательным учреждением высшего профессионального образования.

Основными задачами РТСУ являются: содействие развитию научного и кадрового потенциалов обоих государств путем привлечения для работы в университете ученых и специалистов Республики Таджикистан и Российской Федерации; поддержка в сохранении, развитии и взаимообогащении культур, языков,

исторических и национальных традиций народов обоих государств.

При РТСУ имеются научно-исследовательские, научно-образовательные и информационно-аналитические институты и центры, относящиеся к аналитическим центрам. В их числе: Центр геополитических исследований (ЦГИ), Междисциплинарный информационно-аналитический центр региональных исследований и Научно-исследовательский институт проблем миграции (НИИ Миграции).

Следует сказать, что одной из особенностей аналитических центров Таджикистана, созданных на базе университетов, является то, что они тесно взаимосвязаны. При этом они могут быть совершенно разными по своему экспертному потенциалу. Например, Центр геополитических исследований (ЦГИ) РТСУ имеет мощный кадровый состав, в который входит около 100 экспертов. Другой think tank, представленный Междисциплинарным информационно-аналитическим центром региональных исследований (ЦИРМ) РТСУ, имеет в своем штате 30 сотрудников, многие из которых также работают в ЦГИ РТСУ. А третий центр – НИИ Миграции, располагает штатом всего в пять человек. Полагаем, что практика «перетекания» экспертного состава из одного центра в другой и наличие общей университетской базы и инфраструктуры позволяют оперативно и слаженно работать в различных направлениях, имея возможность перераспределять ресурсы и задачи. Эти особенности позволяют нивелировать слабости одного центра за счет аккумулирования потенциала другого. Одним словом, складывается ощущение, что ЦГИ является крупным аналитическим центром РТСУ, в распоряжении которого имеется два «придатка» в лице двух других центров.

Таджикский национальный университет и Центр региональных и сравнительных исследований

Таджикский национальный университет (ТНУ) был создан Постановлением Совета Министров СССР от 21 марта 1947 г. Спустя 50 лет, указом Президента Республики Таджикистан (РТ) (от 15 февраля 1997 г.) в целях повышения эффективности высшего образования и упорядочения структуры высшей школы в РТ –

Университетские и академические аналитические центры Центральной Азии

Таджикскому государственному университету был представлен статус автономного, самоуправляемого высшего учебного заведения. С тех пор он стал именоваться Таджикским государственным национальным университетом.

ТНУ как ведущий образовательный и научный центр Республики Таджикистан способствует развитию образования, исследований и технологий. Миссия университета состоит в формировании и развитии национального человеческого капитала – конкурентоспособных и востребованных специалистов на национальном и международном рынках труда, – и в содействии в достижении стратегических целей национальной экономики путем передачи и приумножения знаний. Целью ТНУ является трансформация классического университета в исследовательский университет [16].

На базе ТНУ были созданы такие аналитические центры, как Центр региональных и сравнительных исследований (ЦРСИ) и Общественная организация «Тахлил».

ЦРСИ был создан при инициативе и поддержке факультета международных отношений приказом ректора ТНУ от 1 сентября 2020 г. Основное направление деятельности ЦРСИ – изучение и исследование актуальных проблем региона Центральной Азии и подготовка молодых кадров из числа бакалавров и магистрантов ТНУ. В настоящее время представлен первый научно-исследовательский проект ЦРСИ «Сравнительное изучение геополитических процессов в Центральной Азии, Южной Азии и Юго-Восточной Азии в современных условиях».

Общественная организация «Тахлил» была создана на базе Экспертного и аналитического центра Таджикского национального университета, группой исследователей, экспертов, представляющих различные сферы науки и общества, имеющих богатый опыт аналитической и исследовательской работы как в государственных, так и негосударственных исследовательских, научных, образовательных учреждениях.

Основная цель «Тахлил» – способствование развитию научных и экспертных фундаментальных исследований современных процессов и тенденций, происходящих как в Таджикистане, так и в государствах региона.

Общественная организация занимается проведением анализа, мониторингом и экспертизой в области политического, социально-экономического и информационного развития, а также сфере безопасности; подготовкой экспертных заключений и аналитических материалов в области внешней и внутренней политики, трансграничного сотрудничества и развития сотрудничества с государствами Центральной Азии по политическим вопросам и вопросам безопасности.

Среди партнеров «Тахлил» значатся местные органы исполнительной власти, в том числе Генеральная прокуратура Республики Таджикистан, МВД РТ, Комитет по делам религии, упорядочению традиций и обрядов при Правительстве РТ, Центр исламоведения при Президенте Республики Таджикистан, Центр стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан и другие организации.

Казахстанско-Немецкий университет, Международный казахско-турецкий университет им. Ходжи Ахмеда Ясави

В Казахстане имеется всего две университетские «фабрики мысли», к которым относятся научно-исследовательский институт международного и регионального сотрудничества Казахстанско-Немецкого университета и Международный казахско-турецкий университет им. Ходжи Ахмеда Ясави. Последний также входит в QS World University Rankings, занимая позицию в ряду между местами 701–750 [14]. В общей сложности, десять вузов Казахстана вошли в данный мировой рейтинг, а по версии Московского международного рейтинга «Три миссии университета», 11 университетов республики попали в Топ-1800 лучших высших учебных заведений мира. Это наилучший результат среди стран Центральной Азии. Если судить по этому показателю, то получается, что вузы Казахстана имеют большие возможности по развитию университетских «мозговых центров». Однако, видимо, этого не происходит по причине их невостребованности. Как полагают некоторые казахстанские эксперты, это связано с тем, что зависимость от руководства вуза в определенной степени «сковывает» аналитическую деятельность сотрудников университетских АЦ, выражаясь в виде наличия негласной цензуры на аналитическую продукцию.

Университетские и академические аналитические центры Центральной Азии

Казахстанско-Немецкий университет (Deutsch Kazachische Universität, DKU) был основан в 1999 г. по частной инициативе общественного фонда «Казахстанско-Немецкое сотрудничество в области образования» с целью подготовки специалистов по немецкому стандарту. По сей день DKU является единственным немецким вузом в Центральной Азии.

Вуз работает в рамках Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Федеративной Республики Германия о дальнейшем сотрудничестве по развитию Казахстанско-Немецкого университета в г. Алматы, заключенного 3 сентября 2008 г.

Университет готовит востребованных специалистов со знанием двух иностранных языков, способных применять на практике преимущества немецкого образования для достижения карьерного и научного роста, и тем самым способствует устойчивому развитию Центральной Азии путем интеграции образования и науки.

В 2015 г. на базе DKU был создан *Научно-исследовательский институт международного и регионального сотрудничества* (НИИМиРС). Данный институт занимается организацией научных исследований по проблемам внешней и региональной политики Республики Казахстан (РК), государств Центральной Азии, Европейского союза, а также стран Азии. Деятельность Института состоит в изучении внешней политики и проблем международного сотрудничества РК и зарубежных стран, в том числе проблем социально-экономического взаимодействия, использования водных и энергетических ресурсов, транспортно-коммуникационных, аграрно-продовольственных, экологических, культурно-гуманитарных вопросов, а также миграционной политики.

Одним из наиболее развитых и рейтинговых вузов страны является *Международный казахско-турецкий университет им. Ходжи Ахмеда Ясави (МКТУ)*, который был создан в 1991 г. по инициативе Н.А. Назарбаева на основе межправительственного соглашения между Казахстаном и Турцией в целях подготовки современных высококвалифицированных специалистов из молодежи тюркоязычных стран. Он располагается в духовном центре тюркского мира – г. Туркестан и является первым вузом, получившим статус международного высшего учебного заведения.

В университете работают 71 доктор наук, 252 кандидата наук, 100 PhD докторов. Из них 5% – это зарубежные преподаватели из Турции и других стран. Образовательную основу МКТУ составляют десять факультетов. При университете выпускается журнал «Вести Международного казахско-турецкого университета имени Ходжи А. Ясави».

Планируется создать «Центр академического превосходства Yassawi», который будет включать три направления развития – медицинское, биотехнологическое и экологическое. Центр станет базой практической подготовки будущих специалистов и ядром развития научного потенциала молодых ученых. В центре будут сосредоточены научно-исследовательские лаборатории по диагностике и лечению заболеваний на базе клинико-диагностического центра университета.

В отличие от своего кыргызстанского партнера, КТУ «Манас», обучение ведется как на платной, так и на бесплатной основе. МКТУ, вошедший в QS World University Rankings, набрал 49,9 балла в категории «соотношение преподавателей и студентов», а также 21,7 балла – соотношение иностранных студентов (к местным). По другим показателям университет набрал меньшее количество баллов.

На этом мы завершаем рассмотрение университетских «фабрик мысли». Полагаем, что их количество могло быть значительно больше, если бы в них была заинтересованность со стороны государств региона. Например, в Узбекистане отсутствие университетских «мозговых центров» объясняется пока не реализованными полностью планами государства по целенаправленному развитию форсайт-центров на базе академической инфраструктуры вузов.

Как известно, методы форсайта (от англ. foresight – «предвидение») используются для предсказания / определения различных вариантов / сценариев будущего (в какой-либо исследуемой сфере). В отличие от методов традиционного прогнозирования, направленных на угадывание будущих событий / трендов и т.д., форсайт-методы заключаются в рассмотрении всех возможных вариантов развития, среди которых выбираются наиболее приемлемые. На основе отобранных вариантов ведется разработка стратегии, которая позволяет достичь желаемого результата. Ориентированность на долгосрочное стратегическое прогнозирование

Университетские и академические аналитические центры Центральной Азии

является другим, не менее важным отличием форсайта от традиционных прогностических методик.

В Казахстане формирование специализированных учреждений, занимающихся форсайт-исследованиями, началось еще в середине 2010-х годов. Начиная с 2016 г. форсайт-центры создаются как на базе уже имеющихся в Казахстане аналитических центров и вузов (например, при Казахстанском институте общественного развития «Рухани жаңғыру», при Восточно-Казахстанском техническом университете имени Д. Серикбаева и т.д.), так и путем создания необходимой инфраструктуры «с нуля». Сейчас использование форсайт-методологии уже не является редкостью для Республики Казахстан.

Академические «фабрики мысли» Центральной Азии

Академические аналитические центры в Центральной Азии представляют большую редкость. Таких «мозговых центров» в регионе всего три – Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова), Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстана (ИПФР) и Институт экономики и демографии Академии наук Республики Таджикистан (ИЭиД АН РТ).

Говоря об *Институте востоковедения им. Р.Б. Сулейменова*, следует сказать, что он является ведущим научно-исследовательским центром Казахстана и стран Центральной Азии в области востоковедения. Одним из основных видов деятельности организации является профессиональная подготовка востоковедов. Институт ведет проект по интеграции науки и образования, предусматривающий совместную подготовку магистрантов и докторантов по таким специальностям, как: «Востоковедение», «Тюркология», «История», «Регионоведение» и «Международные отношения» с КазНУ им. аль-Фараби, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, КазНПУ им. Абая, КазУМОиМЯ им. Абылай-хана, Южно-Казахстанским государственным педагогическим университетом.

ИПФР был образован в 1958 г. с целью осуществления фундаментальных, прикладных и научно-аналитических разработок

актуальных проблем мировой и отечественной философии, политологии, религиоведения, культурологии и социологии. Институт призван содействовать развитию демократического процесса, становлению основных институтов гражданского общества в Казахстане, развитию философской, политической, духовной и гуманистической культуры общества. В рамках деятельности ИПФР проводится анализ, мониторинг и прогнозирование социально-политической ситуации в Республике Казахстан.

Краткий обзор академических центров региона завершается рассмотрением *Института экономики и демографии Академии наук Республики Таджикистан*, считающегося основным научным центром подготовки кадров высшей квалификации страны в области экономической науки. Организация фокусирует свое внимание на проблематике определения научно-обоснованных перспектив комплексного развития и рационального размещения производительных сил Таджикистана. ИЭиД АН РТ является единственным научным учреждением Республики Таджикистан, которое занимается системными теоретическими и методологическими вопросами развития экономической науки, истории, теории и методологии рыночных преобразований [17].

Заключение

Университетские аналитические центры Центральной Азии, несмотря на свою малочисленность, являются мощнейшими «фабриками мысли» региона, зарекомендовавшими себя как надежные поставщики аналитической продукции. Они преимущественно представлены в виде научно-исследовательских и научно-образовательных центров, играющих также важную роль в развитии университетской науки, продвигая ее на общереспубликанском и региональном уровнях.

Включение многих из них в мировые рейтинги лучших вузов мира является подтверждением наличия огромного научно-исследовательского, а вместе с ним и экспертно-аналитического потенциала республик региона.

При этом также очевидно, что республиканские власти (особенно в Казахстане и Узбекистане) не заинтересованы в развитии «мозговых центров» на базе имеющихся университетов, поскольку

они делают основной упор на развитие других видов аналитики, представленных в виде форсайт-исследований, нацеленных на средне- и долгосрочный анализ и прогнозирование.

Академические аналитические центры, единично представленные в Казахстане (развитие востоковедческой науки и исследований в области философии, политологии, религиоведения, культурологии и социологии) и Таджикистане (исследования в области экономики), сконцентрированы на проведении фундаментальных и прикладных исследований и являются неотъемлемыми частями национальных академий наук. Усиление взаимодействия между университетскими и академическими «фабриками мысли» способно всерьез продвинуть также качество экспертно-аналитической продукции.

Список литературы

1. Атлас аналитических центров «Большой Евразии». Том 1: справочник / под ред. А.В. Кузнецова ; ИНИОН РАН, Центр междисциплинарных исследований. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – 340 с.
2. Аналитические центры в Центральной Азии: между наукой, обществом и властью. – URL: https://cabar.asia/wp-content/uploads/2020/05/Policy-Brief_ru_web.pdf (дата обращения 10 апреля 2023).
3. Институт стратегического анализа и прогноза // Кыргызско-Российский (Славянский) университет имени Б.Н. Ельцина. – URL: https://www.krsu.edu.kg/Institute_for_strategic_analysis_and_forecast (дата обращения 13 апреля 2023).
4. История университета // Университет Ахмеда Ясави. – URL: <https://www.eurasian-research.org/our-university/?lang=ru> (дата обращения 16 марта 2023).
5. Конференция «Качество воздуха в Бишкеке и пути решения проблем» в рамках Дней зеленой экономики в КР – 2021 // American University of Central Asia. – URL: <http://ced.auca.kg/?p=1363> (дата обращения 13 апреля 2023).
6. КТУ «Манас» в цифрах // Кыргызско-Турецкий университет Манас. – URL: https://www.manas.edu.kg/ru/about_manas/kmu_at_a_glance (дата обращения 10 апреля 2023).
7. Кудаяров К.А. Аналитические центры Казахстана и Узбекистана // Вестник РГТУ. Серия Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. – 2022. – № 4. – С. 60–72.
8. Кудаяров К.А. Аналитические центры Кыргызстана // Социальные и гуманистические науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 3. – С. 62–77.
9. Кудаяров К.А. Аналитические центры Таджикистана // Социальные и гуманистические науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 4. – С. 52–69.

10. Огава К., Токтогулова Н., Ибраева Э. Анализ финансирования образования в Кыргызской Республике. Заключительный отчет [Электронный ресурс]. – Бишкек, 2017. – 85 с. – URL: <https://edu.gov.kg/media/files/733abffc-b43d-46fd-9f83-27b68c0ee167.pdf> (дата обращения 9 апреля 2023).
11. Отчет о поступлении и расходовании средств бюджета Кыргызско-Турецкого университета «Манас» за 2017 год [Электронный ресурс] // Кыргызско-Турецкий университет Манас. – URL: <https://manas.edu.kg/docs/otchet-budget-ru.docx> (дата обращения 10 апреля 2023).
12. Политика исследований Таджикского национального университета на 2021–2025 гг. [Электронный ресурс] / Таджикский национальный университет. – Душанбе, 2021. – 19 с. – URL: <https://tnu.tj/wp-content/uploads/2021/12/politika-issledovanij.pdf> (дата обращения 8 апреля 2023).
13. Рэнкинг // Московский международный рейтинг вузов «Три миссии университета». – 2023 г. – URL: <https://mosiur.org/ranking/> (дата обращения 10 апреля 2023).
14. Сабырбеков Р.А. Источники загрязнения воздуха в городах Кыргызстана. Аналитический отчет. – Бишкек : Центр окружающей среды и развития АУЦА (ЦОР), 2018. – 29 с.
15. Центр исследований Средней Азии Кыргызско-Турецкого университета Манас // Кыргызско-Турецкий университет Манас. – URL: <https://orasam.manas.edu.kg/index.php/ru/meropriyatiya> (дата обращения 11 апреля 2023).
16. About Kyrgyz-Turkish Manas University // Kyrgyz-Turkish Manas University. – URL: <https://www.topuniversities.com/universities/kyrgyz-turkish-manas-university> (дата обращения 15 марта 2023).
17. Journal of Turkic Civilization Studies. – URL: https://tuau.manas.edu.kg/images/dergi/0_JTCS_3_1_Tam_say%C4%B1.pdf (дата обращения 15 марта 2023).
18. Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University. – URL: <https://www.topuniversities.com/universities/khoja-akhmet-yassawi-international-kazakh-turkish-university> (дата обращения 10 марта 2023).
19. Kirgizistan araştırmaları [Исследования Кыргызстана]. – URL: <https://orasam.manas.edu.kg/index.php/ru/izdaniya/knigi/4042-kirgizistan-ara-tirmalari-2020> (дата обращения 13 апреля 2023).

АФРИКА. БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

ДЕМИДОВ К.Б.* АФРИКАНСКИЙ СРЕДНИЙ КЛАСС: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРЕДЫСТОРИЯ

Аннотация. Западная наука рассматривает африканский средний класс как главного актора будущей демократизации континента. В действительности его фиктивный характер ставит под сомнение как его собственные перспективы, так и возможности положительных преобразований в каждой отдельной стране, где на деле требуется трезвое изучение особенностей развития. Намечавшееся исчезновение среднего класса в мировом масштабе превращает подобную переоценку в один из главных факторов успеха.

Ключевые слова: Африка; Запад; Европа; колониализм; средний класс.

DEMIDOV K.B. African Middle Class: Perspectives and Origins

Abstract. African middle class is considered in western science to be “a good class for good government” as the main figurehead for democratization. In fact, it has a fictitious character (as lacking real homogeneity) being a by-product of western colonization and social engineering. Hollowing-out of western middle class now in progress casts a grim shadow on prospects of that group as such world-wide.

Keywords: Africa; West; Europe; colonization; middle class.

Для цитирования: Демидов К.Б. Африканский средний класс: перспективы и предыстория // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 1. – С. 39–55. – DOI: 10.31249/RVA/2024.01.03

* Демидов Константин Борисович – ведущий редактор Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

Значение среднего класса в мировой истории (в частности, истории колониализма) все еще остается подлинной *terra incognita* – и это несмотря на то, что, по всей видимости, сам он уже постепенно уходит в небытие. Рассуждая о том, насколько колониализм пронизывает все ткани западного общества, а также о том, как мало еще осознана подлинная подоплека западной культуры XVIII–XX вв., Э. Сайд пишет о романе с географическим названием «Мэнсфилд Парк»: «Само это место Джейн Остин угодно было сделать центром той дуги коммерческих интересов и предприятий, которая в своей протяженности охватывала целое полушарие, два океана и четыре континента» [15, с. 112].

Хотелось бы обратить внимание на еще один феномен подобной «неосознанности»: и английский средний класс – главный герой произведений Остин – и африканский средний класс не что иное, как интегральная часть «цивилизации среднего класса», сформировавшей, в том числе, и тот жизненный уклад, те привычки и те устремления, согласно которым западные ученые причисляют значительные слои населения Африки именно к этой группе, несмотря на отсутствие других показателей.

Попытки Запада найти в Африке «своих» отнюдь не случайны; колониализм как феномен мировой истории, по моему убеждению, обусловлен, прежде всего, мировоззрением и жизненными практиками европейского среднего класса, теперь стремящегося отыскать историческое оправдание тому, что было содеяно в Африке.

Будучи продуктом идеологического конструирования, средний класс окружающую реальность расценивает в той мере, в какой феномены последней совпадают с элементами заложенной в сознание конструкции. В этом разгадка таких, казалось бы, разнородных феноменов, как фрейдизм с его борьбой «идеологизированного» сознания с «физиологизированным» подсознанием, восприятие современным Западом России сквозь призму тех «заданностей», «как должно быть», которые на самом Западе присутствуют лишь в воображении его элиты, а не в социальной реальности.

Заглавие данной статьи, конечно, следует воспринимать с оговорками; каждая из стран Африки обладает особенностями, накладывающими отпечаток на ее развитие, в том числе и на гене-

зис среднего класса. И все же некоторые обстоятельства позволяют говорить и в этом случае о возникновении некой общности, во всяком случае, общности устремлений и жизненных практик.

Философия негритюда утверждает значимость цвета кожи – сугубо внешнего маркера – для объединения целого континента. Идеологический аспект проблематики среднего класса в Африке приобретает особую важность уже ввиду того обстоятельства, что он представляется порождением европейского класса, который и сам выступает в определенной степени идеологической конструкцией. Пример мистификации – редакционная статья «Средний класс в Африке» сетевого журнала Webeconomy, которая преисполнена фантастического оптимизма относительно перспектив африканского процветания. Так, по данным банка «Ренессанс капитал», в 2060 г. население Африки составит более миллиарда человек, причем 42% из них по уровню доходов будут принадлежать к среднему классу. Развитие на континенте таких розничных сетей, как Walmart, свидетельствует о высокой вероятности экономического бума. В настоящее время располагаемый доход африканского среднего класса (от 1460 до 7300 долл. в год) обеспечивает устойчивый спрос на товары и услуги. Потребительские расходы перевоживают небывалый взлет – от 860 млн в 2008 г. до 1,4 млрд в 2020 г. [16].

Подчеркивается активность частного сектора в африканской экономике, быстрое развитие сферы телекоммуникаций, создающей экономические возможности для молодежи (разработка приложений для мобильных устройств). Упоминается о решении компании Seacom соединить Африку и Европу оптоволоконным кабелем, что стало катализатором 6 млрд долл. инвестиций (причем 76% акций у африканских инвесторов). Упоминается о появлении в Нигерии «Нолливуда» – созвездия кинематографических студий и фирм. Наконец, упоминается о привлекательности Африки для потенциальных инвесторов, о ее включенности в зону свободной торговли, объединяющей 26 стран с совокупным доходом в 1 трлн долл. [16].

Несколько более осторожен в своих оценках британский журналист Дж. Холл. В своей статье «Возышение африканского среднего класса» он, ссылаясь на данные Африканского банка развития, указывает на рост благосостояния африканцев. Так, по

уровню доходов в 2010 г. 34% из 326 млн населения континента могли быть отнесены к среднему классу (в 2000г. этот показатель составлял 27%). Размеры одного лишь нигерийского ВВП с 2000 по 2011 г. увеличились в 4 раза – с 46 млрд до 247 млрд долл. США. Особенно высоки показатели роста среднего класса в Северной Африке: в Тунисе он составляет 90% населения, в Марокко и Египте – 85%. Однако Дж. Холл оговаривается, что в большинстве африканских стран средний класс не чувствует себя уверенно [20].

А. Дэниэл, Х. Мельбер и Ф. Столл, ставя вопрос о возможности анализировать феномен африканского среднего класса, также предостерегают против европоцентризма. По их мнению, если речь идет о среднем классе африканских стран, то он едва ли сможет стать «локомотивом» развития на континенте. «Начиная с 2010-х годов экономисты стали продвигать идею среднего класса как “необходимого” элемента в развитии глобального Юга. Даный нарратив был подхвачен Африканским банком развития, который озабочился созданием ауры экономического успеха, которая могла бы опрокинуть представление об Африке как о “потерянном континенте”, устоявшееся на глобальном Севере» [19].

Примечательно, что авторы отмечают «нarrативный» характер явления – полезная фикция должна, по мнению банков, привлечь в Африку потенциальных инвесторов. Следует, однако, иметь в виду, что «провальные» настроения по отношению к Африке также не что иное, как нарратив; многие африканские страны уже давно могут многих поразить своими экономическими успехами [19].

С целью создать привлекательный образ континента, изобретатели нового нарратива озабочились поиском внутренней силы, способной обеспечить стабильность. На эту роль был выдвинут средний класс как способный стать «хорошой опорой для хорошего правительства». При этом принадлежность к среднему классу определялась «главным образом уровнем ежедневного дохода и расходов», недостает эмпирической базы в отношении «финансовой стабильности, обеспеченной занятости или надежного предпринимательства» [19].

Авторы считают, что обоснование возможности для африканского среднего класса стать лидером демократизации конти-

нента оказывается недостаточным. Плохо изучены такие определяющие для среднего класса черты, как образ жизни или политическая ориентация. Не выдерживает критики предположение, что «средний класс одной страны будет наделен ровно таким же политическим сознанием, ценностными ориентирами и взглядом на мир, как и средний класс всех прочих стран» [19].

Авторы отмечают «органическую» уникальность европейского среднего класса – будучи продуктом конкретных обстоятельств, он едва ли может служить ориентиром и моделью для других стран, где подобные обстоятельства отсутствуют. Дело в том, что с развитием капиталистической индустрии в Европе распространился феномен нуклеарной семьи, работники превратились в квалифицированных специалистов, имеющих одно, строго определенное рабочее место, а их домашние получили доступ к разнообразным публичным и частным системам жизнеобеспечения.

Ссылаясь на оценки «Нестле», американские журналисты Дж. Мориц и Дж. Пробин полагают, что африканский средний класс весьма незначителен. 68% африканских семей не имеют автомобиля, 43% – холодильника, 18% – стиральной машины, 15% – пылесоса, 20% – горячей воды [26]. Не способствуют формированию среднего класса скованность традицией и племенные пережитки.

Ч. Петрелла (Американский университет) и А. Логинз (Миллз коледж) [31] ставят под сомнение само представление о «среднем классе» как о чем-то едином, утверждая, что это «созданная белыми фикция». Речь, прежде всего, идет о США, однако сама постановка вопроса симптоматична – тем более что с исторической точки зрения средний класс во многом был именно продуктом сознательного социального конструирования. Петрелла и Логинз ссылаются на заявление, сделанное в 1908 г. В. Тафтом, будущим президентом США, об отсутствии у небелых людей «затратков, позволяющих создать консервативные, наделенные самоуважением сообщества, обладающие способностью к самоуправлению». Данный пассаж, стоящий в ряду подобных откровений западных политиков начиная с XVIII в., увязывает социальные возможности с идеями расовой неполноценности, которые и по сей день оказывают огромное влияние на всю структуру международных отношений.

В доказательство того, насколько эти идеи определяют внутренний строй американской жизни, Петрелла и Логинз ссылаются на доклад американского Института политических исследований «Путь к нулевому благополучию. Выходящие из американского среднего класса в результате имущественных различий по расовому признаку» (2017), в котором показано, что черный средний класс от белого отделяет имущественная пропасть (в частности, за последние 30 лет благосостояние черных снизилось на 10%, в то время как у белых оно росло); многие федеральные программы, позволяющие получить разнообразные преференции, для черных либо затруднены, либо недоступны.

Казалось бы, какое отношение могут иметь проблемы афроамериканского среднего класса к тому, что происходит на Африканском континенте. Однако, если учесть, что Запад опирается на представление о росте благополучия значительных масс населения при принятии западной системы, а значит, о неуклонном расширении среднего класса [13], можно сделать вывод, что западные модели в расовом варианте уже не будут казаться столь привлекательными и единственно верными. Западную демократическую систему не станут более расценивать в Африке как тот велосипед, который просто не имеет смысла заново изобретать; следовательно, Африка будет рассматривать иные альтернативы.

Это тем более вероятно, что средний класс Запада переживает в настоящее время кризис: статья А. Сэмьюэлса и Б. Ласкомба «Экономика в порядке. Средний класс в бешенстве», опубликованная в журнале «Тайм» (май 2022 г.), приводит факты беспрецедентного упадка американского среднего класса, однако не говорит о причинах данного явления. А дело в том, что исторически средний класс Запада сформировался в результате появления нового нарратива – он был продуктом Реформации и индустриальной революции, точнее – того этапа, который начался уже в XV в. и который можно было бы назвать «экономикой тотального расчета и ранжирования»: она появилась в результате распространения научного мировоззрения и возникших на основе последнего новых методов и подходов [34].

Активность среднего класса, пиком которой стала эпоха буржуазных революций, повлекла за собой колоссальные изменения. Лишь позднее верхи научились использовать средний класс

как демпфер, позволявший им эффективно контролировать общественное недовольство, а также как средство освоения остального мира – именно в колонии отправляли недовольных.

«Механика» среднего класса – та совокупность установок и привычек, которая обуславливает его активность, – с научной точки зрения пока изучена довольно плохо (что и проявилось в рассуждениях западных ученых об африканском среднем классе), и это несмотря на то обстоятельство, что в литературных произведениях с поразительной точностью ставится диагноз целой эпохи – эпохе среднего класса – и выявляются если не причины, то, во всяком случае, основные признаки общественных недугов.

Поразительно точный диагноз, например, можно отыскать в «Холодном доме» Ч. Диккенса, где в главе «Телескопическая филантропия» описывается пребывание героев у некой миссис Джеллиби, погруженной в свой «африканский проект» по культивированию кофе и обучению туземцев в Бориобула-Гха на левом берегу Нигера, а также переселению на берега африканских рек лишнего населения Англии. Глаза миссис Джеллиби «все время были устремлены куда-то вдаль. Казалось, будто они видят только то, что находится не ближе Африки!». Поэтому она не затрудняла себя домашним хозяйством, уборкой, уходом за собой и своими заброшенными детьми [6, с. 48].

Как же могло возникнуть подобное «телескопически-филантропическое» мировоззрение? Ответ можно отыскать в «Саге о Форсайтах» Дж. Голсуорси: об одном из главных героев, фермере по происхождению, а в настоящем – буржуа, он пишет: «Постанавливая под все жизненные отношения их точную денежную стоимость, Джемс кончил тем, что привык смотреть на мир исключительно с точки зрения денег. Деньги стали для него светочем жизни, средством восприятия мира, чем-то таким, без чего он не мог познавать действительность» [4, с. 70]. Таким образом, речь идет о новом, коммерциализованном восприятии мира: «Что же обретет человек, если он спасет свою душу, но потеряет свое имущество? Именно эти слова ...следует считать девизом среднего класса» [4, с. 66].

Результаты подобной жизненной программы оказываются вполне очевидными. Говоря о брате Джемса, Голсуорси демонстрирует шокирующий цинизм его деятельности, причем почему-

то незаметный для окружающих: «Днем ему посчастливилось привести план использования на Цейлонских золотых приисках одного племени из Верхней Индии – заветный план, который удалось наконец пратащить несмотря на все трудности, так что теперь он чувствовал вполне заслуженное удовлетворение. Добыча на его приисках удвоится, а опыт показывает, как Николас постоянно твердил, что каждый человек должен умереть, и умрет ли он дряхлым стариком у себя на родине или молодым от сырости на дне рудника в чужой стране, это, конечно, не имеет большого значения, принимая во внимание тот факт, что перемена в его образе жизни пойдет на пользу Британской империи» [4, с. 61].

Мир, измеряемый деньгами, превращается в механизм, бесчеловечное функционирование которого просто не может быть понято – по крайней мере, обычным человеческим разумом. Третий из братьев – Джолион – «сидит, окруженный унылым комфортом, марионетка в руках великих сил, которые не знают снисхождения ни к семье, ни к классу, ни к верованиям, и, как автоматы, грозно движутся вперед к таинственной цели» [4, с. 54].

Культ единообразия, приличия, нормы, который средний класс привнес со своим появлением на исторической арене, отмечен Г. Манро, британским автором начала XX в., указавшим на «тот факт, что люди весьма склонны, руководствуясь чувством долга, идти на поступки, которые они никогда не предприняли бы просто ради удовольствия. Не стоит труда обнаружить тысячи и тысячи респектабельных представителей среднего класса, которые, будучи застигнутыми в турецкой бане, со всей искренностью станут убеждать вас, что это доктор предписал им посещение турецких бань; однако же если вы в ответ скажете им, что вы сами отправились в баню просто потому, что это вам нравится, они вздрогнут на вас в болезненном недоумении – настолько фривольным покажутся им движущие вами побуждения. Подобным образом всякий раз, когда из Малой Азии приходят известия об армянской резне, люди склонны думать, что это было совершено “по приказу”, исходящему от того или иного источника, – никому не приходит в голову, что людям просто нравится время от времени убивать своих соседей» [27, с. 138].

Показательно, что еще реже среднему классу приходит в голову, что данные приказы отдаются правительствами их стран –

как это было с Британской империей, умело использовавшей противоречия между торговцами – турецкими и армянскими в Турции, греческими и еврейскими в Российской империи, – превращая их в политические действия, обладающие колоссальным взрывным потенциалом.

Средний класс с его практичностью и сметкой способствовал выработке методик, которые поддерживали колониальный режим. Как отмечают чехословацкие путешественники по Африке И. Ганзелка и М. Зикмунд, «англичане, проникнув в колонии, стараются сохранить господство над ними, комбинируя целый ряд методов: подкуп, суеверия и несознательность порабощенных племен, интриги и расовую дискриминацию, все более и более подчеркивающую и обостряемую, и только в самую последнюю очередь – грубое насилие» [3, т. 2, с. 196]. Как ни парадоксально это звучит, в основе мировоззрения, вызвавшего к жизни подобные практики, лежал пафос изменения мира к лучшему, однако неумолимая социальная механика обусловила его перерождение.

Важно подчеркнуть, что в значительной мере средний класс сформировался под влиянием приверженности определенному мировоззрению, привычкам, обиходу, – М. Вебер в «Протестантской этике» приводит тому весьма красноречивые примеры, показывая, в какой мере буржуазность была революционно другим стилем жизни, «иной повадкой» – что влекло за собой «тотально» новое отношение к окружающей реальности. Показателен следующий отрывок из этого произведения: «Однако каждый человек независимо от его социального положения, который хотел стать полноправным членом этого демократического общества, должен был не только принять все условности буржуазного society, включая требования очень строго соблюданной мужской моды, но должен был также по всем правилам заверить общество в том, что ему пришлось пройти баллотировку и вступить в одну из достаточно зарекомендовавших себя организаций – сект, клубов и обществ (характер организации не имел никакого значения) – и получить посредством испытания и проверки апробацию в качестве джентльмена. Тот, кому это не удавалось, не был джентльменом; тот, кто этим пренебрегал – как большинство немцев, – вступал на тернистый путь, и прежде всего в деловой сфере» [2, с. 281].

Речь идет об Америке XVIII в. – причем последние слова могут служить пояснением к карьерным перипетиям Д. Трампа (антиафриканские эскапады которого – дань этосу его избирателей); более важно, однако, то, что расизм (как и родственные ему по духу фашизм и нацизм) в данном контексте приобретает совершенно иное звучание, становясь логичным следствием из постулатов буржуазного мировосприятия. Характерно, что в самой Англии того времени, где аристократия держала средний класс в узде, настолько заостренного отношения к «иным» (в том числе и чернокожим) все же не наблюдалось.

Сохранение «рудиментов» феодализма в Великобритании обуславливает ее особенности. Крушение институтов феодального общества в Европе начиная с XVI в. повлекло за собой мировоззренческую ломку. Старый, прежний мир (воплощенный в фигуре дворянина и рыцаря) вдруг стал представляться нелепым, несообразным – как тут не вспомнить Сервантеса, в произведении которого данная несообразность приобретает гротескный – и даже героический – характер.

Постепенно восприятие верхов как воплощенной нелепицы сменилось сознанием необходимости ее устраниния – наиболее острые формы это приобрело во Франции, проделавшей путь от критики дворянской спеси (*morgue*) во времена Монтескье [22, с. 85] до лозунга «аристократов – на фонари» (*les aristocrates a la lanterne!*) Великой французской революции.

Там, где верхи проявляли большую конструктивность, средний класс удалось приручить. Наибольших успехов в деле создания удобного среднего класса удалось добиться Англии, где «акционерное сознание» превратило общество в прекрасный инструмент колониальной экспансии: «Акционерное общество великолепно соответствовало социальной структуре аристократического – однако коммерчески ориентированного – века, поскольку земельный магнат, отнюдь не превращаясь в это отвратительное нечто – “торговца” – встретится в Правлении с представителем Сити и, действуя с ним сообща, дополнит собственное политическое влияние его деловой хваткой».

В настоящее время функции контроля над обществом и внешней экспансии все более переходят в руки ТНК – средний класс из орудия контроля превращается в объект контроля и его

благополучием можно пренебречь. Все это не может не волновать африканский средний класс, который во многом все еще ориентируется на Запад.

Африканскому среднему классу следовало бы учитывать и то, что буржуазное мировоззрение – вовсе не данность (в природном смысле), но в значительной мере выдумка, фикция – которая, кстати сказать, и сделала возможной колониальную экспансию. Речь идет о возникновении особого психического пространства, которое создала буржуазия. Вера в тотальность законов, побудившая, в частности, Монтескье к созданию «Духа законов», сочеталась с распространением механистического, «машинного» мировосприятия (тот же Монтескье говорил о себе как о «машине» [22, с. 77].

Мыслители стран Востока и Африки, вдохновлявшиеся, например, Кантом [10, с. 689], не осознавали, что и Кант, и Ньютон и другие европейские мыслители и учёные того времени пали жертвой возобладавшей тенденции к единобразию – в частности, отсюда представления об однородности пространства; данный характер господствовавшего тогда мировоззрения блестяще отмечен в классической философской работе В.Ф. Эрна «От Канта к Круппу».

Один из наиболее впечатляющих примеров активности среднего класса – деятельность Наполеона, волонтиаризм которого едва ли подлежит сомнению. Навязывание окружающей реальности фантомов собственного воображения – пожалуй, наиболее характерная его черта. Так, Египет для Наполеона был прежде всего проектом, существующим в его сознании [15, с. 135], – подобный характер, следует отметить, был присущ и его походу в Россию.

Африканскому среднему классу, только начинающему вырабатывать собственный стиль жизни, необходимо учитывать опыт Европы, где «линия развития городской буржуазии» в цивилизационном процессе носила весьма выраженный характер. Как отмечает Н. Элиас, «охота и убийство зверей еще оставались дозволенным и даже повседневным развлечением господ, а разделка туши за столом еще относилась к тому зрелищу, которое не достигало порога чувствительности. Вместе с постепенным подъемом буржуазных слоев со свойственными им социальными функциями... разделка туш переносится “за кулисы” общественной жизни» [17, с. 298]. Элиас подчеркивает не просто социальные, но психи-

ческие аспекты проблематики – равно как и особость буржуазии в этом отношении: «При всей зависимости трансформации поведения и изменения психических функций от общих перемен в целостной структуре западного общества, схема этих изменений у далеких от двора буржуа отличается от схемы, характерной для придворных...» [17, с. 335].

Уже долгое время ведется полемика, кто был носителем рационализации в европейском развитии. По нашему убеждению, дело в том, что и рациональность, и общий стиль жизни буржуа постепенно приобретали особый характер – а именно, характер а-природный и часто антиприродный. Так, например, высокородные герои романа «Опасные связи» Ш. Де Лакло в своих извращениях стремятся «помогать природе» [5, с. 42] ; Маркиз де Сад пытается природным способом – «в обстановке спальни воскресить статус суверенного феодала-деспота» [11, с. 137] – и использует природу потому, что «преступление является духом природы» [11, с. 79]; в этой связи весьма показательна склонность современного нобилитета как к запредельным извращениям (см. произведения современного британского писателя и представителя высшей аристократии Сент-Обина), так и к «защите природы», явленной, например, в создании и опеке WWF.

Анти-природный пафос европейского среднего класса часто носил иррациональный характер. Как отмечает современный итальянский исследователь Ф. Моретти, буржуа так и «не выдавил из себя хищника и не преодолел иррационализма» [12, с. 56]. Примечательно, что рационализм среднего класса имел оборотную сторону: «безумное расхождение между гораздо более рациональным и гораздо более иррациональным управлением обществом» [12, с. 254]. Это наглядно проявилось в эпоху мировых войн, которые, кстати сказать, психологическую подпитку получали именно от националистических средних классов Европы. Национализм и национальное государство – в значительной мере именно творения среднего класса, воплощение его идей.

В результате подобной активности европейских средних классов возникло совершенно особое мировоззрение волонтеристского типа; так, Дж. Оруэлл отмечает, что для националистического взгляда на мир характерна «убежденность, что прошлое

может быть изменено» [30, с. 15], – с целью обоснования «превосходства собственной властной группировки» [30, с. 9].

Подобное мировоззрение базировалось на осознании того, что «свояя» группа – сообщество «своих» – обладает рядом признаков, отделяющих это сообщество от всех «прочих»; утилизирование данных особенностей приводило к ханжеству и фанатизму [30, с. 7–11]. Интересно отметить, что в современной Англии – с ее ка-жущимся медиавсевластием среднего класса – сохраняется пренебрежительное отношение к Уэльсу как исторически «уравнительной демократии мелких фермеров... с небольшой прослойкой среднего класса» [33, с. 131].

Все это ярко свидетельствует о том, что буржуазное сознание «идеологизировано», иначе говоря, ограничено набором общих для всех членов группы постулатов и догм, признаваемых истинными независимо от того, насколько они расходятся с реальностью. Едва ли подобные особенности могут быть обнаружены у африканского среднего класса / классов – да и едва ли они вообще в Африке «ко двору».

Прекрасной иллюстрацией того, насколько подобный взгляд на мир и подобный образ действий внутренне присущи европейскому среднему классу, говорит, в частности, роман «Эмма» Дж. Остин – главная героиня так увлечена выстраиванием идеологической иерархии и помещением (в своем сознании, прежде всего) каждого из членов местного буржуазного «мирка» на надлежащее (с ее точки зрения) место, что на исследование реальности у нее просто не остается сил; в результате все ее начинания позорно проваливаются.

Современная Европа поразительно напоминает данную героиню. Это блестящим образом продемонстрировал Д. Мюррей в своей книге «Странная смерть Европы», [28] где показано, как идеологически обусловленные просчеты – в частности, в политике поощрения иммиграции из африканских стран в расчете на присоединение новоприбывших к культуре европейского среднего класса – ставят европейские социумы на грань пропасти.

Итак, стремление покорить, подчинить окружающий мир связано с изобретением средними классами государственной машины – с ее пафосом подчинения, основанным на машинном принципе строгой и не поддающейся изменению субординации

узлов механизма. Данный пафос, противопоставляющий пространство высококвалифицированного труда миру природы с присущим ей (с точки зрения буржуа) хаосом, побуждал колонизаторов рассматривать Африку как «необработанный материал». Так, губернатор Кейптауна Дж. Грей заявлял, что африканцы могут быть лишь полезными слугами Запада и потребителями производимых там товаров, а Ливингстон считал, что не следует допустить развития в Африке собственной индустрии; поэтому там необходимо построить лишь ремесленные школы [13].

Большое значение имеют и самоидентификация африканского среднего класса, его поиски объединяющей идеи. Ту роль, которую в Европе сыграла «национализация» религии – превращение ее в неотъемлемое свойство и собственность народа-носителя, – в африканских странах вполне могут взять на себя идеи негритюда. Именно средний класс наиболее выказывает готовность вооружиться этой идеологией, чтобы создать общее для всей Африки «выдуманное сообщество», в основу которого будет положен политизированный – вновь изобретенный – комплекс идей, мнений, жизненных установок и практик, который позволит африканскому среднему классу выступить в роли хранителей нации.

Однако Африка обладает такими особенностями, что образование там чего-то подобного европейскому среднему классу едва ли представляется возможным. Так, идентичность здесь часто носит избирательный характер – об этом свидетельствуют, в частности, мемуары видного чиновника Южного Судана С. Вонду, отец которого, когда это было выгодно, одевался в европейское платье, становясь неким подобием «буржуа», а потом переодевался в традиционный костюм, чтобы принять участие в местных ритуалах [35]. Жесткую, «институционализированную» идентичность (придав ей расовый характер) удалось привить племенам хуту и тутси бельгийцам в Руанде [25, с. 337] – что закончилось межэтнической войной на уничтожение.

Постмодернизм африканскому среднему классу вполне в состоянии сослужить неплохую службу; доказательство тому – карнавал Ньоро (Уганда), весьма быстро превратившийся в прибыльное коммерческое предприятие. Это, конечно же, много лучше, нежели тот модерн, который принес в Африку европейский средний класс с присущей ему маниакальной «принципиальностью»:

«Над всей картиной обитаемого разорения стоял несмолкаемый рев воды с ближайших речных водопадов. Еще я увидел множество людей, черных и обнаженных, которые ползали среди гор земли, как муравьи.... Вдруг справа затрубили в рог, оттуда побежали чернокожие рабочие. Тяжелый и глухой взрыв сотряс землю, из-за утеса повалил дым, и на этом все кончилось. Каменистый склон ничуть не изменился. Здесь явно шло строительство железной дороги. Вот только утес никому не мешал, а кроме бессмысленных взрывов, никакой другой работы почему-то не велось» [9; 30]. О том, что данная абсурдная картина – отнюдь не преувеличение, свидетельствуют многочисленные мемуары и, не в последнюю очередь, упомянутая книга Ганзелки и Зикмунда.

Список литературы

1. Ариги Дж. Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век. – Москва : Институт общественного проектирования, 2009. – 456 с.
2. Вебер М. Избранные произведения. – Москва : Прогресс, 1990. – 805 с.
3. Ганзелка И., Зикмунд М. Африка грез и действительности. Т. 2. – Прага : Апратия, 1962. – 394 с.
4. Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах. Т. 1. – Москва : Левша, 1992. – 480 с.
5. Де Лакло Ш. Опасные связи. – Москва : Эксмо, 2019. – 640 с.
6. Диккенс Ч. Холодный дом. – Санкт-Петербург : Азбука, 2020. – 1020 с.
7. Дитлевсен Т. Юность. – Москва : No Kidding Press, 2021. – 168 с.
8. Корбен А., Холл К., Роже-Анри Г. История частной жизни. Т. 4. От Великой французской революции до I Мировой войны. – Москва : НЛО, 2022. – 670 с.
9. Конрад Дж. Сердце тьмы. – Москва : АСТ, 2021. – 448 с.
10. Крымский А.Е. История новой арабской литературы. – Москва : Наука, 1971. – 794 с.
11. Маркиз де Сад и ХХ век. – Москва : Культура, 1992. – 256 с.
12. Моретти Ф. Буржуа между историей и литературой. – Москва : Издательство Института Гайдара, 2014. – 264 с.
13. Пикетти Т. Краткая история равенства. – Москва : АСТ, 2023. – 384 с.
14. Померанц К. Великое расхождение. Китай, Европа и создание современной мировой экономики : пер. с англ. яз.. – Москва : Дело, 2017. – 592 с.
15. Саид Э. Ориентализм : пер. с англ. яз. – Москва : Гарраж, 2021. – 560 с.
16. Средний класс в Африке. – URL: <https://webeconomy.ru/index.php?page=cat&cat=mcat&mcat=152&type=news&p=4&newsid=951> (дата обращения: 24.10.2023).
17. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. – Москва : Университетская книга, 2001. – 381 с.

18. Alqahtani M. Millennial Neo-Negritude and Negritude in the Twentieth and the Twenty-First Century // International Journal of English, Literature and Social Science. – 2019. – Vol. 4 (4). – P. 967–975.
19. Daniel A., Melber H., Stoll F. African “Middle Class” is Unique But Not Homogeneous // LSE. – 2023. – 13.08. – URL: <https://blogs.lse.ac.uk/africaatlse/2023/07/13/africas-so-called-middle-class-is-unique-but-not-homogenous/> (дата обращения: 24.10.2023).
20. Hall J. The Rise of African Middle Class // African Review. – 2013. – 31.05. – URL: <https://www.africanreview.com/finance/economy/the-rise-of-the-african-middle-class> (дата обращения: 24.10.2023).
21. Jacquemot P. Les classes moyennes, changent-elles la donne en Afrique. Realites, enjeux et perspectives // Afrique contemporaine – Paris, 2012/ – N 4 (244). – P. 17–31.
22. Lagarde A., Michard L. XVIIIe siècle. Les grand auteurs français du programme. – Paris : Bordas, 1970. – 416 p.
23. Lawuo Z.E. The Beginnings of Development of Western Education in Tanganyika: The German period // The Educational Process. Theory and Practice, With a Focus on Tanzania and Other Countries / Abel G.M., Ishumi, Mmari G.R. (eds.). – Dar es Salaam : University of Dar es Salaam, 1976. – P. 47–65.
24. Lopez R.S. The Commercial Revolution in the Middle Ages, 950–1350. – Cambridge : Cambridge University Press, 1971. – 196 p.
25. Mamdani M. Saviors and Survivors. Darfur, Politics and the War on Terror. – New York : Pantheon Books, 2009. – 398 p.
26. Moritz J., Probyn J. Insight into the Lives of Africa’s Middle Class // How We Made It in Africa. – 2017. – 30.05. – URL: <https://www.howwemadeitinAfrica.com/insight-lives-africas-middle-class/58715#:~:text=About%20a%20third%20of%20the,31%25%20are%20self%2Demployed.&text=Less%20than%2042%25%20of%20middle,a%20built%2Din%20kitchen%20 sink> (дата обращения: 24.10.2023).
27. Munro H.H. The Collected Short Stories of Saki. – London : Wordsworth, 2015. – 498 p.
28. Murray D. The Strange Death of Europe. Immigration, Identity, Islam. – London : Bloomsbury, 2018. – 384 p.
29. Nissim L. Ethno-Religious Fundamentalism and Theo-Ethnocratic Politics in Israel // Studies in Ethnicity and Nationalism. – 2014. – Vol. 14 (1). – P. 20–35.
30. Orwell G. Nationalism of Nations. – London : Penguin, 2018. – 52 p.
31. Petrella Ch., Loggins A.H. “Middle Class” is a White Racial Construct // Black Perspectives. – 2018. – 16.04. – URL: <https://www.aaihs.org/middle-class-is-a-white-racial-construct/> (дата обращения: 24.10.2023).
32. Rodney W. How Europe Underdeveloped Africa. – London : Bogle-L’Ouverture Publications, 1972. – 316 p.
33. Trevelyan G.M. Illustrated English Social History: 3. – London : Pelican, 1973. – 336 p.

34. De Vries J. The Economy of Europe in an Age of Crisis, 1600–1750. – Cambridge : Cambridge University Press, 1976. – 300 p.
35. Wondu S. From Bush to Bush. Journey to Liberty in South Sudan. – Nairobi : Kenway, 2011. – 259 p.

ПРЯЖНИКОВА О.Н.* НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В КОНТЕКСТЕ УРБАНИЗАЦИИ В АФРИКЕ. Рец. на кн.: Power and Informality in Urban Africa: Ethnographic Perspectives / Ed. by Stark L., Björnsdotter Teppo A.; The Nordic Africa Institute. – London; New York; Oxford; New Delhi; Sydney: Zed, 2022. – XIV, 246 p.

Аннотация. В рецензируемой монографии раскрывается ряд тем, связанных с распространением неформальных практик, возникающих на фоне урбанизации и трансформации городов в странах Африки южнее Сахары. Они дают возможность бедным горожанам поддерживать существование в условиях недостаточно эффективной политики в сфере развития городов, которая зачастую игнорирует потребности социально уязвимых групп населения городов.

Ключевые слова: урбанизация; страны Африки южнее Сахары; африканские города; неформальные практики; неформальная экономика.

PRYAZHNIKOVA O.N. Informal practices in the context of urbanization in Africa. Book review: Power and Informality in Urban Africa: Ethnographic Perspectives / Ed. by Stark L., Björnsdotter Teppo A. / The Nordic Africa Institute. – London, New York, Oxford, New Delhi, Sydney : Zed, 2022. – XIV, 246 p.

Abstract. The book covers a number of topics related to the spread of informal practices that arose in the context of urbanization and urban transformation in sub-Saharan Africa. They provide an opportunity for poor urban dwellers to survive in the face of insufficient urban development policies that often ignore needs of the socially vulnerable urban population.

* Пряжникова Ольга Николаевна – научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН.

Keywords: urbanization; Sub-Saharan Africa; African cities; informal practices; informal economy.

Для цитирования: Пряжникова О.Н. Неформальные практики в контексте урбанизации в Африке. [Рец.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканстика. – 2024. – № 1. – С. 56–61. Рец. на кн.: Power and Informality in Urban Africa: Ethnographic Perspectives / Ed. by Stark L., Björnsdotter Teppo A. ; The Nordic Africa Institute. – London ; New York ; Oxford ; New Delhi ; Sydney : Zed, 2022. – XIV, 246 p. – DOI: 10.31249/RVA/2024.01.04

Одной из ключевых черт, определяющих характер урбанизации в африканских странах, является ее ярко выраженный неформальный характер, в значительной степени влияющий на экономическое и социальное развитие городов. Тема неформальности урбанизации на континенте нашла свое отражение в ряде монографий иностранных исследователей, вышедших в последние годы. Так, исследования, вошедшие в книгу «Переосмысливая городские проблемы в Африке. Совместное производство знаний с Юга» [3], затрагивают взаимосвязи таких явлений, как соотношение формального и неформального в африканских городах, с одной стороны, и развитие инфраструктуры и особенности городского управления – с другой. В коллективной монографии «Африканские города и коллаборативное будущее: городские платформы и столичная логистика» (издание серии «Глобальные городские трансформации» (Global Urban Transformations), выходящей под эгидой Манчестерского университета) [1], освещаются различные проявления неформальности в городе, практики, формирующие неформальный сектор в африканских городских поселениях, а также проблема модернизации неформальных поселений.

Рецензируемая монография «Власть и неформальность в городах Африки: этнографические перспективы» продолжает развитие темы неформальности и урбанизма на Африканском континенте. Авторы представленных в издании исследований рассматривают практики и способы «организации» элементов неформального в городах Африки и исследуют городскую неформальность как феномен, воспроизводящийся посредством механизма экономического структурирования, связывая его прежде всего с проблемами бедности и неравенства. Главы монографии расширяют представ-

ление о причинах и последствиях неравенства возможностей различных акторов влиять на процессы трансформации городской среды в области градостроительства, архитектуры. Данные проблемы рассматриваются через призму этнографических исследований особенностей урбанизации в странах Африки к югу от Сахары, а именно: в Анголе, Буркина-Фасо, Эфиопии, Гане, Мали, Танзании и Уганде. В качестве методологических подходов авторы использовали глубинные интервью и включенное наблюдение (*participant observation*), а также метод анализа визуальных материалов (*visual method*).

Ряд исследований, вошедших в издание, затрагивают тему ущемления интересов бедных жителей города, чьи потребности не учитываются в достаточной степени официальными лицами при принятии решений в сфере планирования городской среды. По мнению авторов, с точки зрения поддержки бедных слоев населения необходимо при планировании новой застройки сохранять элементы города, которые могут не соответствовать международным стандартам или идти вразрез с требованиями «рыночной выгоды», но которые дают возможность бедным горожанам проживать в дешевом жилье и сохранять рабочие места.

С. Майллия (S. Myllylä) и С.Я. Тесфамариам (S. Ya. Tesfamariam) с коллегами, рассматривая особенности управления трансформацией городских пространств в Аддис-Абебе (Эфиопия), отмечают, что, несмотря на номинальную передачу властных полномочий по планированию застройки на местные уровни управления (что должно в большей степени способствовать удовлетворению потребностей местных жителей), фактически в распоряжение местных органов власти не поступают соответствующие данным задачам финансовые ресурсы, а у чиновников отсутствуют навыки, необходимые в сфере модернизации городских территорий. В результате наиболее социально уязвимые горожане остаются без адекватной помощи в меняющемся городском ландшафте, лишаясь доступного для них жилья, которое идет под снос, и без возможности высказать свое мнение и отстаивать свои интересы в ходе преобразований городских кварталов – мест их проживания [2, р. 186–187, 209–210].

Результаты нескольких исследований, вошедших в монографию, демонстрируют, что элементы неформальности в устройстве

городской жизни, несмотря на очевидные недостатки, могут делать жизнь бедных горожан более комфортной. В исследовании Т.Р. Лаппи (T.R. Lappi) освещается тема «внутренней экономики трущоб», сформированной женщинами-микроторговцами в бедном районе Дар-эс-Салама (Танзания). Их мелкоторговые операции в большинстве случаев не приносят никакой реальной прибыли, но позволяют поддерживать минимальные доходы на покрытие непредвиденных расходов для беднейших слоев населения, что позволяет им «оставаться на плаву» и хоть немного поддерживает материальный уровень жизни наиболее уязвимых горожан [2, р. 111].

Э. Дансо-Уиреду (E. Danso-Wiredu) и А.А. Поку (A.A. Poku) отмечают, что бедные жители Аккры (Гана) активно участвуют в неформальной экономической деятельности, дающей им рабочие места и приносящей доход. Неформальная экономика обеспечивает относительно легкий доступ на рынок труда молодым людям с низким уровнем образования и отсутствием квалификации. Так, например, молодые мужчины занимаются сбором мусора и металломолом и сдают его в пункты переработки отходов, а молодые женщины переносят грузы на голове, что считается более доступным способом доставки, чем какие-либо другие, так как пешие носильщики могут легко маневрировать, идя по оживленным улицам среди людей, и не зависят от перегруженности транспортных магистралей в центральных деловых районах города [2, р. 79]. Таким образом, в условиях отсутствия рабочих мест для неквалифицированной молодежи люди адаптируются к обстоятельствам и создают «свои собственные» рабочие места, чтобы выжить [2, р. 93].

Последствия добычи природных ископаемых в странах Африки южнее Сахары раскрываются в монографии через призму механизмов, связывающих африканских работников и акторов глобальных капиталистических процессов. К. Ланзано (C. Lanzano) описывает ситуацию на месторождении золота в Буркина-Фасо, где местная золотодобывающая компания GoldMin, которая фактически не занималась добычей руды сама, но предоставляла на контролируемой ей территории такую возможность неформальным рабочим. В обмен на «организационное» прикрытие их деятельности рабочие должны были продавать добывшее золото только GoldMin. Таким образом, компания используя неформальную рабочую силу могла

максимизировать свою прибыль в условиях монополизированного контроля покупки добытой золотой руды [2, р. 39].

С. Багайоко (S. Bagayoko) затрагивает проблемы неформальных старателей в Мали, которые не были допущены к работе на объекте, управляемом иностранной золотодобывающей компанией. В результате они самостоятельно добывали золотую руду за периметром контролируемой этой компанией территории. Автор подчеркивает, что такие практики неформальной добычи полезных ископаемых жителями африканских поселений имеют серьезные отрицательные последствия. Они провоцируют деградацию окружающей среды, создают опасность для здоровья работников ввиду несоблюдения стандартов безопасности труда. Кроме того, неформальный труд связан с отсутствием у неформальных старателей и членов их семей доступа к базовым социальным услугам и зачастую не позволяет им выбраться из нищеты. Выход из сложившейся ситуации автор видит в проведении государственной политики, направленной на расширение возможностей беднейших слоев населения к получению формальной занятости и альтернативных кустарной добыче золота источников дохода [2, р. 72].

Оба исследования особенностей золотодобычи в Буркина-Фасо и Мали отражают тот факт, что неформальная экономика кустарной добычи золота во многом опирается на уязвимое положение рабочей силы. Работники несут риск физических повреждений, получая нерегулярный доход. Вместе с тем в обеих описанных ситуациях речь идет о способности неформальных рабочих к самоорганизации, отмечается наличие у них технического опыта и навыков, обеспечивающих стабильную добычу золотой руды.

Неформальная деятельность старателей в описанных кейсах привлекла в зоны добычи полезных ископаемых многочисленных участников неформальной экономики: покупателей золота, мелких продавцов, предлагающих старателям товары и услуги, водителей мототакси, плотников, сварщиков и поваров. В результате в зонах добычи полезных ископаемых в условиях фактически сельской местности возникали своеобразные центры «городской» экономики. Так, в Мали (как и в других африканских странах) неформальные поселения вокруг разрабатываемых месторождений изначально возникают как временные и впоследствии превращаются в поселения, которые существуют на протяжении многих лет [2,

р. 70]. Эти процессы сопровождаются становлением неформальных гибридных моделей управления «на местах», в которых за действован широкий круг акторов, занимающихся определением функциональной составляющих местных пространств, выработкой правил безопасности и стабильного взаимодействия участников неформальной экономики, посредничеством в согласовании правил (заработка платы, арендных платежей и т.д.) и урегулированием возможных конфликтов с местными жителями [2, р. 37].

Таким образом, исследования, вошедшие в монографию, представляют обширный эмпирический материал, описывающий то, как жители африканских городов, испытывающие трудности в поиске средств для существования, не пассивно адаптируются к городским реалиям, а активно влияют на них посредством своей повседневной деятельности в неформальной сфере. Красной нитью через все главы книги проходит тема необходимости участия всех социальных групп горожан в определении политики трансформации города и городской жизни, отвечающей их основным потребностям и интересам.

Использование авторами этнографического подхода дает возможность читателю сформировать наиболее полное видение и понимание особенностей неформальных практик, формирующих уникальный характер урбанизации на Африканском континенте. Этому также во многом способствует то, что в издание вошли как публикации ученых, работающих за пределами континента, так и местных африканских авторов, что позволяет «изнутри» взглянуть на то, как маргинализированные горожане используют тактику неформальной деятельности, формируя особую социально-экономическую среду городов Африки.

Список литературы

1. African Cities and Collaborative Futures. Urban Platforms and Metropolitan Logistics / Ed. by Keith M., de Souza Santos A.A. – Manchester : Manchester University Press, 2021. – XVII, 190 p.
2. Power and Informality in Urban Africa: Ethnographic Perspectives / Ed. by Stark L., Björnsdotter Teppo A. ; The Nordic Africa Institute. – London ; New York ; Oxford ; New Delhi ; Sydney : Zed, 2022. – XIV, 246 p.
3. Reframing the Urban Challenge in Africa. Knowledge Co-production from the South / Ed. by Marrengane N., Croese S. – New York : Routledge, 2021. – XXIII, 222 p.

БИБИКОВА О.П.* ФОРМИРОВАНИЕ АРАБО-МУСУЛЬМАНСКОГО ГОРОДА НА БЫВШИХ ВИЗАНТИЙСКИХ ЗЕМЛЯХ. ПРИМЕР ДАМАСКА

Аннотация. Столица Сирии – один из древнейших городов на Земле. Именно здесь, по преданию, Каин убил Авеля, Ной построил первую после Великого потопа стену, а апостол Павел принял крещение. Арабский историк XII в. Ибн Асакир утверждал, что первой стеной, построенной после Всемирного потопа, была стена Дамаска – соответственно, постройку города он относил к IV тысячелетию до нашей эры, когда, по тогдашним представлениям, произошел потоп. Ученые считают, что среди древних городов мира Дамаск, возможно, самый старый из постоянно населенных.

Ключевые слова: Дамаск; Гута; Via Recta; Муавия; Аль-Валид; династия Омейядов; Айюбиды; крестоносцы.

BIBIKOVA O.P. The Formation of an Arab-Muslim City on the Former Byzantine Lands. The Example of Damascus

Abstract: The capital of Syria is one of the oldest cities on Earth. It was here that Cain killed Abel, Noah built the first wall after the Great Flood, and the Apostle Paul was baptized. Arab historian of the XII century. Ibn Asakir claimed that the first wall built after the Flood was the wall of Damascus – accordingly, he attributed the construction of the city to the IV millennium BC, when, according to the then ideas, the flood occurred. Scientists believe that among the ancient cities of the world, Damascus is perhaps the oldest of the permanently inhabited.

* Бибикова Ольга Павловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заместитель редактора журнала «Россия и мусульманский мир», Институт научной информации по общественным наукам РАН.

Формирование арабо-мусульманского города на бывших византийских землях. Пример Дамаска

Keywords: Damascus; Via Recta; Muawiya; Al-Walid; Umayyad dynasty; Ayyubids; Ghouta; Crusaders.

Для цитирования: Бибикова О.П. Формирование арабо-мусульманского города на бывших византийских землях. Пример Дамаска // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 1. – С. 62–83. – DOI: 10.31249/RVA/2024.01.05

*По мнению самого Пророка
Дамаск – «Краса и Рай Востока»,
Он драгоценный изумруд,
Вокруг пески, как солнце жгут.
Дворцы, театры и мечети,
и римских древних улиц сети,
Ему уже шесть тысяч лет,
Его прекрасней в мире нет.*
Т. Фролова

В марте 635 г. византийское войско после поражения от арабов на равнине Мардж-ас-Суффара¹ (к востоку от Дамаска) укрылось за стенами Дамаска. Через 6 месяцев осады, в сентябре 635 г., гарнизон города, во главе с зятем императора Византии, сдался. У арабов в то время еще не было осадных орудий, но они вяли его измором и воспользовались предательством горожан, открывших им ворота города². Существует версия, что византийский епископ по имени Иоанн сообщил осаждавшим о наличии подземного хода.

Переговоры с осаждавшими вел Серджун ибн Мансур, отец Иоанна Дамаскина³, который при византийской оккупации служил в должности «великого логофета», т.е. казначея, а также местного епископа. Условия сдачи города уже были отработаны арабами на других городах. В договоре было написано: «Во имя Аллаха, ми-

¹ Мардж-ас-Суффара – желтый луг (араб.).

² Существует версия, что ворота города открыл именно Серджун ибн Мансур, заручившись обещанием мусульман не разрушать христианские церкви.

³ Иоанн Дамаскин, или Юханна ад-Димашки (имя при рождении: Мансур ибн Серджун ат-Таглиби) (675–753), известен как крупнейший систематизатор христианского вероучения.

лостивого, милосердного. Это – то, что Халид ибн аль Валид¹ дает жителям Дамаска, если он вступит в город. Он им дает гарантию неприкосновенности их жизни, их имущества, их церквей и городских стен. Ни одно из их жилищ не будет разрушено или заселено (мусульманами). В этом им – завет Аллаха, покровительство его посланника, да благословит его Аллах, да приветствует халифов и верующих. Пока жители Дамаска будут платить джизью², с ними, кроме добра, ничего не будет сделано». Эти слова договора приводят знаменитый мусульманский историк Аль-Балазури³ [11, с. 358].

Любопытно, что налог, введенный арабскими завоевателями в бывших византийских владениях, был в 6 раз меньше, чем сирийцы платили при прежней византийской власти. Окончательно размеры налогов сложились позднее и были строго регламентированы.

Известно, что некоторые города добровольно открывали арабам ворота своих городов. Только Иерусалим и Кесария еще надеялись на помощь византийского императора. И действительно император Ираклий (575–641) поспешил собрать войско. В ответ арабы оставили занятые ранее города и выступили против византийцев, зажав их между двумя реками – Ярмук и ее притоком Ар-Рукгад.

Решающее сражение произошло 20 августа 636 г., но поднявшаяся в тот день пыльная буря не оставила византийским воинам шанса на победу.

Уже осенью арабские воины вернулись в Дамаск. За это время знатные горожане покинули город, перебравшись в основном в Иерусалим, так что пришельцы смогли поселиться в оставленных жилищах в самом центре города.

На завоеванных арабами землях – как отмечал Ф. Хитти – «жители Сирии как народ не теряли своего национального характера, родного языка и семитской религии и никогда всецело не

¹ Халид ибн аль Валид (592–642) – сподвижник Пророка Мухаммада, успешный военачальник.

² Джизья – подушная подать, которой облагались мужчины-иноверцы. Женщины, старики, инвалиды, нищие, рабы, монахи (до начала VIII в.) и христиане, воевавшие в мусульманской армии, были от нее освобождены.

³ Аль-Балазури (820–892) – арабо-мусульманский историк, автор исторического сочинения «Китаб футух ал-булдан» («Книга завоевания стран»).

Формирование арабо-мусульманского города на бывших византийских землях. Пример Дамаска

отождествляли себя с греко-римским образом жизни... Сирийским народным массам VII в. арабские мусульмане, пожалуй, должны были казаться более близкими и этнически, и лингвистически, и, возможно, религиозно, чем ненавистные византийские господа» [11, с. 360]. Уже вскоре вся Сирия оказалась под властью мусульман. Это во многом стало возможным благодаря тому, что Византия, истощенная войной с Персией, длившейся 26 лет – с 602 по 628 г., – уже не могла содержать достаточно войск на подвластных территориях.

Первоначально арабы оставили византийскую систему управления, так как у пришедших из Аравии не было опыта администрации. Теперь Сирия была разделена на четыре *джунда* (военный округ). Одним из них был Дамаск. Сначала джундом Дамаск руководил Абу Убайда¹. Однако в 639 г. в стране началась эпидемия чумы, унесшая Абу Убайду и его преемника Язида ибн Абу Суфьяна². Следующим правителем стал Муавия (602–680), младший брат Язида, под властью которого Сирия в течение 20 лет процветала и смогла достичь лидерства среди бывших византийских городов, став столицей арабского государства династии Омейядов.

Муавия происходил из рода Бану Умайя, который враждовал с Пророком еще при жизни Мухаммада в Мекке. По мнению некоторых западных исламоведов (В.Ф. Маделунг), после смерти Язида в условиях эпидемии чумы просто не из кого было выбрать нового наместника. Поэтому выбор пал на Муавию. К тому же он был «одним из семнадцати грамотных»³ представителей рода Бану Умайя племени Курейш и занимал должность писца. Еще при халифе Абу Bakре (573–634) он проявил себя талантливым военачальником, участвовал в завоевании Сирии. Став губернатором Сирии, Муавия оказался весьма рачительным администратором.

¹ Абу Убайда (583–639) – мусульманский военачальник, политический деятель.

² Язид ибн Абу Суфьян (ум. в 639 г.) – государственный деятель, мусульманский военачальник.

³ Грамотность ставила Муавию в привилегированное положение. Изначально писцы находились около Пророка, записывая его высказывания; впоследствии они становились важными государственными чиновниками, занимали высокое положение в администрации.

Он упорядочил финансовую систему, навел порядок в армии и даже организовал военно-морские экспедиции на Кипр и Родос. При халифе Усмане (правившем в 644–656 гг.), который, будучи в родстве с Муавией, покровительствовал ему, Муавии удалось присоединить к своим владениям новые территории.

16 июня 656 г. халиф Усман был убит. По сравнению со своим предшественником, халифом Умаром (584–644), прозванным Ас-Сиддик – «честнейший», Усман опирался исключительно на своих родственников, которые были отменными взяточниками. Однако именно при нем был кодифицирован Коран.

Встал вопрос о том, кто будет следующим халифом. Больше всего шансов было у Али, двоюродного брата и зятя Пророка. В Куфе (Ирак) еще при Усмане сформировалась оппозиция, требующая передачи власти Али, как ближайшему родственнику Пророка Мухаммада. Но против Али выступил Дамаск, где правил Муавия, который почувствовал себя настолько сильным, что решил на месть за гибель Усмана.

Рассматривая ситуацию ретроспективно, можно определить ее как противостояние Сирии (Дамаск) и Ирака (Куфа). 26 июля 657 г. на правом берегу среднего течения р. Евфрат на равнине Сиффин началась битва между сирийцами и войском Али. Она длилась три дня, потери сирийцев почти в 2 раза превышали потери их соперников, но конфликт закончился неустойчивым компромиссом, так как сирийцы схитрили: воины Муавии призвали к третейскому суду, подняв на копьях листы Корана.

Затянувшиеся судебные проволочки только запутывали сложившуюся ситуацию. К тому же в армии Али начался разброд, так как агенты Муавии намеренно распространяли среди солдат слухи о причастности Али к гибели Усмана. В свою очередь, сподвижники Али обвиняли его в нерешительности, и 24 января 661 г. Али был убит в результате заговора недовольных его позиций.

Несколько ранее, весной 658 г., сирийцы присягнули Муавии на верность как халифу. После смерти Али Муавия назвал Дамаск своей резиденцией. В других городах, Мекке и Медине, все еще помнили о ссоре рода ибн Суфьян с родом Курейш, откуда происходил Пророк, и не признавали Муавию.

Формирование арабо-мусульманского города на бывших византийских землях. Пример Дамаска

Ирак выступил против нового халифа, поддержав Хасана¹, старшего сына Али и Фатимы (дочери Пророка). Но Муавия послал Хасану письмо с предложением указать сумму², за которую тот согласен отказаться от своих прав. Кроме того, Муавия, которому в тот момент было 58 лет, якобы обещал 38-летнему Хасану сделать его своим преемником³. Хасан согласился, но умер через 8 лет – в 670 г., и это предоставило потомкам Муавии возможность наследовать после него власть. Существует поздняя версия, что Хасан был отравлен.

В 661 г. Дамаск, древняя столица арамеев, был объявлен столицей нового мусульманского государства – халифата Омейядов, империи, впоследствии раскинувшейся от Испании до Индии. В 711–718 гг. произошло вторжение арабов на Пиренейский полуостров. Большая его часть попала под власть арабских завоевателей.

Дамаск расположен в плодородном оазисе Гута, у юго-восточного подножья скалистой горы Касьюн, высота которой 1151 м.

Этимология названия города до сих пор не ясна. Впервые о Дамаске – T-ms-ḳw – упоминается в географическом списке времен фараона Тутмоса III (XV в. до н.э.). Во многих древних текстах можно обнаружить название города: на арамейском языке Dammašq (арам. ܕܻܷܸܶܰ), на библейском иврите Dammeṣeq (др.-евр. דַמְשָׁק). Город также упомянут по-аккадски в Амарнском архиве, датированном XIV в. Арамейский вариант – ܕܻܷܸܶܰ – роднит название города со словом «жилище». Греческое название – Δαμασκός, – заимствованное из сирийского Darmsūq, переводится как «хорошо орошенное место» [6]. Более поздние версии, вероятно фантастические, связывают название города с местом убийства Каином

¹ Аль-Хасан ибн Али ибн Аби Талиб (625–670) – старший внук Пророка Мухаммада. В шиизме признан вторым имамом после своего отца.

² Хасан сам обозначил сумму пожизненной субсидии в 5 млн дирхемов и пенсию для младшего брата размером в 2 млн дирхемов. [11, с. 373].

³ Существует несколько версий договора Муавии и Хасана, отражающих разные толкования сложившейся ситуации, в том числе сплетни и оговоры враждующих сторон.

Авеля на горе Касьюн, которая возвышается над городом. Современное арабское название – Димашк – можно интерпретировать как «пролитая (или проросшая) кровь». Второе, достаточно популярное название – Шам, которым называют и всю Сирию, связано с именем Сима, сына Ноя.

На протяжении тысячелетий в плодородном оазисе Гута всегда кипела жизнь. Ее непрерывность обеспечивала река Барада, берущая начало в Антиливанских горах (Джабаль аш-Шарки), благодаря которой можно было орошать сады, выращивать злаки, фрукты, овощи, оливки. В западной части Гуты находился источник Фиджех, обеспечивающий город питьевой водой. Кроме того, с ноября по февраль город получал около 180 мм осадков, так как дождевая вода вместе со снегом с Антиливанского хребта пополняла грунтовые воды.

В разное время город находился под властью фараонов Египта (в XV в. до н.э.), в X–VIII вв. он был столицей Дамасского царства и уже тогда был центром транзитной торговли оружием и «шерстью блистательной белизны», поступавшей от бедуинов из пустыни [7]. Затем последовательно Дамаском владели Ассирия, Ново-Вавилонское царство, Израильское царство, держава Ахеменидов, империя Александра Македонского и эллинистическое государство Селевкидов. Греки и римляне оставили свой след в истории Дамаска, перестроив часть города на свой вкус. Тогда Дамаск подвергся перепланировке в соответствии с Гипподамовым планом, по которому пространство города заняли равные прямоугольные кварталы. Были также организованы площади, отводимые под общественные здания и рынки. Новый градостроительный план объединил близлежащие поселения в пределах одной территории размером 1500 на 750 м с семью воротами, выходящими на дороги, ведущие в разные города.

В 64 г. до н.э. римский полководец Гней Помпей, завоевав Сирию, сделал ее провинцией Римской империи. Во II в. при императоре Адриане Дамаск получил статус метрополии. Римляне сделали город базой для обеспечения продовольствием имперских войск, находящихся поблизости. Кроме того, здесь было налажено оружейное производство. Именно в Дамаске во II в. н.э. родился замечательный римский архитектор и инженер Аполлодор (по происхождению сирийский грек), построивший мост длиной более

Формирование арабо-мусульманского города на бывших византийских землях. Пример Дамаска

1 км через Дунай, а также форум и колонну Траяна в Риме [5]. В местечке Шахба (87 км от Дамаска) в семье крестьянина родился будущий римский император Марк Юлий Филипп (200–249), известный как «Филипп-Аравитянин». Он хотел превратить свой родной город в точную копию самого Рима. Город так и не был достроен, поскольку строительство прекратилось сразу после смерти Филиппа [15, р. 318].

Фрагменты греческих, а также римских построек до сих пор можно обнаружить в разных городах Сирии, особенно на юге страны. В частности, в Дамаске остатки колоннады сохранились перед Большой мечетью в районе базара Хамидийе¹.

Впоследствии именно «монументальность и долговечность каменных построек позднеримского Дамаска обусловили сохранность римского плана города буквально до наших дней» [3, с. 171]². Следы греческой планировки до сих пор видны в Старом городе. В частности, улица Мидхат-паша, названная в честь одного из последних наместников Османской империи, это та самая Прямая улица (по-латыни *Via Recta*), упомянутая в Библии (Деяния апостолов, главы 1–15), старый *Декуманус Максимус*, главная римская дорога, идущая через город с востока на запад.

Вплоть до 637 г., Сирия находилась в составе Византии. Тогда здесь укрепилось христианство, хотя первые христиане появились в Дамаске уже в I в. н.э. В Библии Дамаск упомянут 15 раз. Здесь произошел нравственный переворот в душе Савла (позднее апостола Павла), который, будучи в тот момент воинствующим фарисеем, пришел в город, чтобы бороться с последователями учения Христа. Но по пути в Дамаск «внезапно осиял его свет с неба» [8: Деяния апостолов, 9: 1–9]. Дальнейшие события сыграли огромную роль в его обращении в христианство и в распространении христианства в мире. В Дамаске сохранился дом святого Анания (древнее подземное сооружение, ныне церковь), где Савл при-

¹ Четыре 12-метровые колонны с коринфскими капителями, которые поддерживают фрагмент фронтона с полукруглой аркой, до сих пор стоят около улицы Баб аль-Барид.

² Гипподамов план основан на регулярной прямоугольной планировке, где центр города формируется на пересечении улиц Декуманус и Кардо Максимус. В Дамаске именно Прямая улица (*Via Recta*, позднее Мидхат-паша) была проложена как Декуманус.

нял крещение. Позднее ему пришлось бежать из города. Его единомышленники спустили его в корзине через окно закрытых в тот момент ворот Баб-Шарки (ныне Баб-Булос).

Как мы уже отмечали, накануне арабского завоевания большинство жителей Дамаска исповедовали христианство. В то время население говорило по-арамейски и по-арабски, а на базаре говорили по-персидски. Греческий язык, который активно внедрял император Ираклий, так и не успел здесь прижиться.

После того как Дамаск вошел в состав Арабского халифата (август 636 г.), началось освоение византийского наследия. Муавия приблизил к себе знатных христиан, часть которых служила в византийской администрации. Толерантности правителя способствовал и факт его женитьбы на Майсун бинт Баадал, дочери воюда крупного сирийского племени кальбитов, которое исповедовало христианство [2, с. 111].

В тот период христиане по-прежнему составляли большинство населения халифата. При власти арабов они, так же как и другие иноверцы (например, иудеи), должны были платить подушный налог, от которого были освобождены мусульмане. В свою очередь мусульмане платили обязательный налог на благотворительность (*закят*). Существовали и непостоянные (ситуативные) налоги.

Система сбора налогов во многом повторяла опыт византийцев. Переняв опыт прежней власти, Муавия учредил канцелярию (*диван*), организовал почтовую службу (*аль-барид*). Финансами занимался Сарджун (Сергий), отец которого Мансур ибн Сарджун еще при византийском правлении отвечал за доходы Дамаска. Уже скоро благодаря собранным налогам удалось удвоить жалованье воинам и даже осуществить успешные кампании по захвату новых территорий, которые в свою очередь приносили доход.

Муавия избегал конфликтов с арабскими племенами, ориентированными на Медину, где оставались родственники Пророка. Тем не менее после смерти Мухаммада арабская историография сочла его врагом ислама, ибо, позволив немусульманам – христианам и иудеям – исповедовать свою религию, он, по мнению Медины, пытался секуляризировать ислам и даже внедрял многие византийские порядки, что противоречило племенным арабским

Формирование арабо-мусульманского города на бывших византийских землях. Пример Дамаска

традициям. Действительно, унаследовав Дамаск с его византийским стилем жизни, разработанной административной системой, Омейяды приложили немало усилий по дальнейшему развитию города, что позволило Дамаску долгое время сохранять первенство среди бывших византийских городов в Сирии.

Особо надо отметить отношение Муавии к иноверцам и новообращенным. Известно, что после землетрясения в 639 г. Муавия распорядился отремонтировать христианский собор в городе Эдесса. О.Г. Больщаков пишет, что «атмосфера веротерпимости, которую питало сохранявшееся убеждение, что каждому народу посыпается свой пророк с подобающим ему вероучением, в сочетании с умеренной налоговой политикой не принуждала христиан и иудеев к массовому переходу в ислам» [2, с. 176–177].

Любопытно, что, учитывая возможные распри, Муавия еще при жизни заставил своих приближенных, в том числе наместников новых сирийских провинций, присягнуть своему сыну Язиду, введя, таким образом, наследственный принцип передачи власти. Многие возникающие проблемы с наместниками он решал денежными подачками.

В период правления Муавии родственники Пророка Мухаммада в Медине не оспаривали власть Дамаска. Язид, придя к власти, потребовал от внука Пророка Хусейна ибн Али принести ему клятву верности. Но Хусейн считал, что Язид неправомерно наследовал власть своего отца, ибо Муавия обещал сделать наследником его родного брата Хасана. Конфликт закончился 10 мухаррама 61 г. хиджры (10.10. 680 г. н.э.) битвой при Кербеле, где войска Язида встретились с отрядом Хусейна. После нескольких дней окружения и жестокой битвы Хусейн и его отряд погибли. Гибель потомка Пророка в битве при Кербеле стала поводом для нового очернения образа дамасских халифов.

После смерти Муавии государство Омейядов стало слабеть. Язид, сын Муавии, которого обвиняли в гибели внука Пророка, скончался уже в 683 г., не достигнув 39 лет. За ним проследовала череда омейядских халифов, правивших короткий срок.

Для понимания роли Дамаска в эпоху Омейядов интересен период правления халифа аль-Валида II (705–715), сына Абдул-

Малика, а также его брата Хишама (724–743). В этот период государство Омейядов переживало лучшие времена, превзойдя тем самым даже Римскую империю на пике ее развития. Правители проводили арабизацию государственного управления, начали чеканить монету и активно занимались строительством культовых зданий. В частности, в Иерусалиме в 691 г. была построена мечеть «Купол скалы» (*Масджид Куббат ас-Сахра*), ныне третья почитаемая святыня после Мекки и Медины.

Внутри Дамаска также проходили масштабные преобразования. Еще при захвате Дамаска арабскими войсками под предводительством Халида ибн аль-Валида был подписан документ, гарантировавший неприкосновенность церквей города. Но в 706 г. халиф аль-Валид II предложил христианской общине 40 тыс. дирхемов за самую величественную старинную церковь Иоанна Крестителя, расположенную в центре города. Христиане отказались, и тогда халиф ее отобрал. Есть другая версия этого события: якобы халиф предложил христианам совместно использовать это здание для богослужений [11, с. 389].

На месте этой церкви, еще во времена набатеев¹, был построен храм арамейского бога Хаддада. Под властью Рима он был перестроен и посвящен Юпитеру Дамасскому. В 379 г. при византийском императоре Феодосии античный храм Юпитера был перестроен в христианскую базилику Иоанна Крестителя. Теперь ей предстояло стать мечетью.

Перестройка этого храма в мечеть продолжалась два года. Мусульмане убрали строения, которые окружали здание и загромождали проход к нему. Они создали просторный двор, который позволил тем, кто не смог войти в мечеть, молиться снаружи. Интересно отметить, что после того как было определено направление на Мекку (*киблы*), внутри здания был установлен *михраб* (ниша, фиксирующая направление на Мекку). Сегодня в мечети четыре михраба, на которые при молитве ориентируются представители разных богословско-правовых школ. Для украшения мечети были использованы мрамор и бронза. Византийским мастерам, которых собирали по всей Сирии, были заказаны мозаики, которые

¹ Набатеи – полукочевые семитские племена, образовавшие в III в. до н.э. – 106 н.э. свое государство на части территории современных Иордании, Израиля, Сирии и Саудовской Аравии.

Формирование арабо-мусульманского города на бывших византийских землях. Пример Дамаска

сегодня можно видеть на внешней стене мечети над входом в здание. В украшении мечети были использованы также некоторые архитектурные фрагменты от разрушенных построек прежних эпох.

Внутри мечети находится христианская реликвия – голова святого Иоанна Крестителя, усеченная по прихоти жены тетрарха Галилеи Ирода Антипы (ок. 30 г. н.э.). Она хранится в специальном павильоне внутри мечети, около которого молятся и христиане, и мусульмане.

По приказу аль-Валида башня византийского собора была перестроена в минарет. Интересно, что один из трех ныне существующих минаретов назван именем Исы (Иисуса). Мусульмане считают, что перед Страшным судом Иисус Христос спустится по этому минарету. После этого он войдет в мечеть и воскресит пророка Яхью (Иоанна Крестителя). Минарет Аль-Арус (минарет невесты) построен в виде прямоугольной в основании башни. В 1174–1175 гг. он пострадал во время пожара, но был реконструирован в 1184 г. [12, р. 122]. Третий минарет был пристроен к западной стороне здания в XIV в. и назван аль-Гарбийа (западный).

Новая мечеть была любимым детищем аль-Валида, хотя по его приказу строились мечети и в других городах. На ее строительство было потрачено 11 млн динаров, эта сумма скопилась в казне за семь лет. Будучи уже смертельно больным, султан, рассматривая трофеи, привезенные из аль-Андалуз, выделил из них резные деревянные панно для *минбара* (трибуны, с которой произносится проповедь) Большой мечети.

После того как в 706 г. церковь Иоанна Крестителя была перестроена в мечеть, главным христианским храмом Дамаска стал православный кафедральный собор Святой Девы Марии в квартале Баб Тума¹, также сохранившийся в Старом городе. Позднее Дамаск стал центром епископства, считавшегося вторым по значению в Антиохийской патриархии, основанной еще в 451 г. Здесь же до сих пор находится резиденция Патриарха Антиохийской Православной Церкви.

¹ В 1860 г. в ходе христианских погромов, вызванных османскими реформами, церковь подверглась разрушениям. Спустя три года благодаря усилиям патриарха Иерофея, бывшего в тот период главой Антиохийской патриархии, церковь была восстановлена на средства, полученные от османского правительства (компенсация в 65 тыс. тур. лир), а также помощи от Российской империи.

Интересно отметить, что омейядские халифы предпочитали жить в своих поместьях, расположенных в разных частях государства. Муавия был первым правителем, который построил себе дворец и создал свой двор. Сначала место для дворца было выбрано внутри городских стен, неподалеку от мечети. На этом месте сегодня расположен ювелирный рынок (*сук сага*). Но дворец оказался неудачным, ибо «у византийских послов он вызывал насмешки, они обзывали его мышиной норой (*байт ал-фа'ра*) или скворечником (*байт ал-'сафир*), но он выполнял главную функцию – обоснуй халифа и его окружение от простонародья» [2, с. 168]. Возможно, что строительство дворца в непосредственной близости с базаром, в условиях частых эпидемий, заставило султана задуматься о здоровье своей семьи.

Впрочем, известный востоковед О.Г. Большаков считает, что султаны стремились «жить в районах тех племен, которые поддерживали халифа» [4, с. 55]. Приезжая в Дамаск, султан выбирал своим местожительством цитадель, которая считается самым старым зданием города. Она неоднократно перестраивалась, в том числе внутри нее была построена мечеть. Таким образом, дворца правителя, как непременного столичного атрибута, в городе не было. Зато был огромный базар, до сегодняшнего дня сохранивший за собой не только торговое, но и общественно-политическое значение. Известно, что халиф предпочитал общаться со своими советниками в цитадели, а именитых гостей приветствовал в помещениях Большой мечети.

В период правления династии Аббасидов (750–1258)¹, которые свергли династию Омейядов, город утратил статус столицы. Новые правители перенесли столицу в Багдад, который они основали в 762 г. В Сирии они уничтожали все следы правления Омейядов, вплоть до могил представителей династии.

Но обустраивая в качестве своей столицы Багдад, новые правители во многом перенимали опыт Дамаска. В своем халифате они реорганизовали фискальную систему, провели перепись не-

¹ Аббасиды – династия арабских халифов происходившая от Аббаса ибн Абд аль-Мутталиба (ум. в 653 г.), дяди Пророка Мухаммада.

Формирование арабо-мусульманского города на бывших византийских землях. Пример Дамаска

движимости, занялись стандартизацией городского пространства, потребовав, чтобы ширина улиц была 40 локтей, организовали библиотеки.

Но Дамаск по-прежнему оставался крупным торговым центром. Он продолжал развиваться, тем более что он был важным перевалочным пунктом на пути пряностей, благовоний и других товаров, которые поставляла Аравия.

В 970 г. город перешел под власть Фатимидов¹. Центром государства Фатимидов был Египет, где они основали свою столицу Каир. Затем они приступили к захвату Сирии. При халифе аз-Захире (1021–1036) им удалось укрепиться на части территории Сирии. Власть фатимидского наместника Дамаска не была прочной, поэтому в городе происходили беспорядки, вызванные нежеланием суннитского населения подчиниться шиитской власти. В Дамаске, выстроенным в основном из кирпича-сырца и дерева, часто бывали пожары. Население начало формировать отдельные кварталы (*хара*) с закрывающимися на ночь воротами. Взаимная неприязнь заставила шиитов обособиться в окраинных районах. Они предпочитали жить среди своих единоверцев, сунниты сосредоточились в районе Большой мечети, христиане – на северо-востоке, иудеи – на юго-востоке Старого города. Таким образом, внутри каждого квартала возникал маленький город со своей мечетью, церковью или синагогой. Горожане стали строить свои дома фасадом внутрь двора, скрывая за глухими стенами частную жизнь.

В конце XI в. Гута была разорена поборами фатимидских солдат, а население города сократилось. Тем не менее новые кварталы по-прежнему возникали за пределами города. Однако к началу эпохи крестовых походов город вернул себе экономическое значение за счет торговли и сельского хозяйства.

В середине XII в. в Дамаске уже была 241 мечеть, в пригородах еще 148 [3, с. 199]. При каждой мечети находилась начальная школа (*куттаба*), где дети постигали азы арабской письменности и ислама, по определенным дням принимал судья. Кроме

¹ Фатимиды – династия, возникшая на волне восстаний сначала в Магрибе, а затем в Египте. Происходит от одной из крупнейших ветвей шиитского ислама – исмаилизма (VIII в.).

того, при мечетях строились благотворительные учреждения (*имарем*), и даже путники могли найти здесь ночлег.

Крестоносцы неоднократно (в 1125, 1129 и 1148 гг.; последний раз – во время Второго крестового похода), но безрезультатно пытались захватить Дамаск. 24 июля 1148 г. отряды крестоносцев, возглавляемые королем Франции Людовиком VII, королем Иерусалима Балдуином III и королем Германии Конрадом III, решили захватить город. Они подошли к городу со стороны садов, где к тому времени созрели персики. И тут случилось непредвиденное: осадив город, франки (так в то время арабы называли крестоносцев) не стали спешить с его штурмом. Время от времени осаждавшие лениво перестреливались с жителями города, но решительных мер не предпринимали. Спустя некоторое время они решили обойти его с другой стороны (тем более что сезон персиков уже закончился), но там стены были выше, да и садов не было. Больше попыток взять город крестоносцы не делали. Можно предположить, что удаленность Дамаска от побережья практически избавила город от нашествия крестоносцев. Рыцари предпочитали держаться ближе к побережью, откуда можно было покинуть Сирию на кораблях. В этот период население Дамаска значительно увеличилось за счет беженцев из Иерусалима, из других захваченных крестоносцами городов.

В 1154 г. Дамаск был взят войсками Нур ад-дина Махмуда Занги (1116–1174)¹. Он сумел восстановить статус Дамаска как суннитской столицы и сделал его центром суннитского возрождения. Разместив здесь свой двор, Нур ад-Дин озабочился организацией мастерских по производству оружия. При нем были восстановлены укрепления, обустроена цитадель, организованы ипподромы для военных тренировок (*Мидан аль-Ахдар* и *Мидан аль-Хаса*), были возведены больницы, бани и караван-сараи. При этом город вышел за пределы своих стен, появились новые пригороды: аль-Укайба, аш-Шагур, Каср аль-Хаджгадж. Кроме того, на склонах горы Касьюон возник новый район, аль-Салихийя, благодаря расселению беженцев из Палестины, до этого оккупированной крестоносцами. В XII в. в городе уже было 35 школ (медресе),

¹ Нур ад-дин Махмуд Занги (1116–1174) – правитель Алеппо / Халеба с 1146 г. и Дамаска с 1154 г. Нур ад-дин одержал ряд значительных побед над крестоносцами.

Формирование арабо-мусульманского города на бывших византийских землях. Пример Дамаска

34 публичные бани (хамам), семь гостиниц (фундуков), две маслодавильни, три мельницы [4, с. 113]. Позднее, в середине XIII в., число бань достигло 70, появились стеклоделательная и бумагоделательная мастерские, а число медресе, включая два медицинских, достигло 66 [4, с. 113–114].

После смерти Нур ад-Дина к власти пришел Саладин (Салах ад-дин аль-Айюби), бывший курдский эмир, ставший визирем, а затем повелителем Египта с 1169 г. Хотя Каир оставался столицей, Дамаск в силу своего стратегического положения по-прежнему был важным центром обороны перед лицом угрозы со стороны крестоносцев. Из Дамаска Саладин неоднократно совершал походы против крестоносцев. В 1187 г. армия Саладина разгромила крестоносцев в решающей битве при Хаттине, захватив Иерусалим и освободив значительные территории Северной Сирии и Верхней Месопотамии. Здесь же, в Дамаске, в 1193 г. он скончался в возрасте 56 лет, предварительно раздав свои личные сокровища, и был захоронен в небольшом мавзолее неподалеку от Большой мечети.

При Айюбидах, потомках Саладина, Дамаск пережил эпоху расцвета искусства и ремесла. Европейские купцы вывозили из Сирии оружие, ковры, ткани и изделия из стекла. В этот период Дамаск застраивается новыми культовыми зданиями.

В XIII в. при мамлюках изменилась архитектура города. Как отмечают российские искусствоведы Н.А. Сидорова и Т.Х. Стародуб, «суровые, скучные на декор, особенно внешний, сооружения Айюбидов сменились строениями с нарядным чередованием кладки цветного камня на фасадах. Минареты, до этого преимущественно квадратные в плане, башнеобразные, получили высокий многогранный ствол с цветными мраморными мозаиками и ярусами балкончиков с изящными решетками и сталактитовыми карнизами» [9, с. 14]. Позднее дома горожан обзавелись деревянными зарешеченными балкончиками (*маирабия*), выступающими, как эркеры, над улицами. Сами балкончики служили своеобразным холодильником – здесь охлаждали сладкие напитки, и, кроме того, за решетками (*шабака*) женщины могли наблюдать за происходящим на улице, не привлекая к себе внимания.

Центром города по-прежнему был не дворец, а рынок, погребски – сук. Рыночный квартал аль-Хамидия (назван позднее в честь османского султана Абдул Хамида II (1842–1918) оконча-

тельно сложился в XIX в., захватив несколько кварталов Старого города. Именно при этом султане часть базара (над улицей Мидхат-паша – ныне *шария Баб Шарки*) была накрыта крышей.

В тот период не было различий между горожанином и крестьянином. Единственное различие заключалось в налогообложении, которое зависело от рода занятой индивида. По словам О.Г. Большакова, «мусульманское право признает только один вид организации людей – религиозную общину; государство лишь форма организации мусульманской общины, государственный аппарат – средство управления ею и покоренными неполноправными общинами иноверцев. Общественные ассоциации не запрещаются (если только они не нарушают норм шариата), но являются частным делом, которое не регулируется правом» [1, с. 322].

Объединяющими союзами стали ремесленные ассоциации, где были общие средства производства и разработанная система реализации продукции. В мусульманских странах Ближнего Востока «ремесло рассматривалось в качестве занятия, имевшего божественное происхождение и являвшееся богоугодным делом» [10, с. 104], однако бывшие бедуины относились к ним с небрежением. Дело в том, что больше всего налогов поступало от крестьян, занятых земледелием. Постепенно ремесленники стали организовываться в цеха, на рынках концентрировались в определенном месте. Более того, при необходимости цех мог выставить военную дружины. Некоторые цеха обзаводились своим шейхом и даже коллективно становились членами суфийских орденов.

Характерно, что на Хамидие сохранилась средневековая система торговых рядов, где каждый базар специализируется на каком-то конкретном товаре: рынок специй, рынок тканей, рынок украшений, рынок медников, кожевников и др.

Базары включают в себя не только торговые ряды, но и мастерские, склады, гостиные для приезжих купцов, кухни и кофейни, а также мечети и бани. Вторые этажи зданий по-прежнему заняты под жилье ремесленников и торговцев. Как отмечали путешественники, «базар был не только торговым центром, но и огромным клубом, и немалая часть арабской культуры родилась если не непосредственно на базаре, то, во всяком случае, в размышлениях на досуге среди базарной суэты». Ибн Асакир (1105–

Формирование арабо-мусульманского города на бывших византийских землях. Пример Дамаска

1176), историк Дамаска, утверждал, что в городе в его время было 40 базаров [3, с. 188].

Торговля считалась благородным занятием, ею занималось большинство населения, при этом существовала определенная иерархия среди владельцев лавок. Например, самым почитаемым и «чистым» занятием считалась торговля тканями. Именно поэтому владельцами таких лавок были султанские чиновники, духовенство, юристы. Был специальный ряд, где продавали бумагу, чернила, т.е. все для переписчиков, а также продавали уже готовые рукописные книги. С распространением грамотности этот товар пользовался спросом. Известны случаи, когда отчаянные книжечки арендовали подобные лавки, с тем чтобы за времена аренды прочитать как можно больше сочинений, представленных в лавке.

Большинство учебных заведений в Дамаске строили частные лица. Это соответствует принципу благотворительности, одному из «пяти столпов ислама»¹, обязательных для каждого верующего. Состоятельные мусульмане строили медресе, хамамы, маристаны² и другие важные для горожан заведения. В Дамаске до сих пор сохранились старинные здания медресе – учебных заведений, построенных в XII–XVI вв.: медресе Азизия (1193), Аземия (1779), Омария (1206), Мардания (1213), Адилия (1222), Рукния (1224), Сахибийя (1245), Муршидия (1252), Бадраийа (1257), Захирийа (1277), Табутлук (1299), Тенгизия (1339), Джакмакия (1421), Сабуния (1464), Сибаия (1515), Синания (1581). Характерно, что медресе одновременно были библиотеками. Кроме того, в Дамаске по-прежнему действуют некоторые бани, построенные в этот же период.

В 1260 г. случилось нашествие войск монгольского хана Хулагу. За два года до этого монголы с особой жестокостью разорили Багдад. Поэтому Дамаск сдался без боя. Тем не менее город подвергся ужасному грабежу и разрушениям. К тому же неприятель увел с собой в Самарканд знаменитых своим мастерством оружейников и стеклодувов.

¹ Пять столпов ислама (*Хамсат аль-аркан аль-ислам*) обязательны для правоверного мусульманина: декларация единобожия (*шахада*), пять ежедневных молитв (*намаз*), пост в месяц Рамадан (*саум*), благотворительный налог (*закят*), паломничество в Мекку (*хадж*).

² Медресе – школа, хамам – баня, маристан – больница (араб. яз.).

Свой поход в Сирию монголы повторили в 1300 г. В Дамаске они устроили такую резню, что, по свидетельству арабского историка аль-Макризи¹, «по улицам кровь текла рекой» [12, с. 13]. Очередное разрушение города совершили войска Тамерлана в 1400 г.

Так же как и ранее в Багдаде, в Дамаске монголы разорили султанские библиотеки, в которых были тысячи рукописей и переводов с греческого и персидского. Средневековые хроники свидетельствовали, что для того чтобы перебраться через не глубокую речку Бараду, монгольские воины засыпали ее рукописными текстами из находившегося неподалеку книжного базара.

Часто случавшиеся эпидемии чумы (в 638–639 гг., 750 г. и в более поздние периоды), а также нашествие монголов подорвали производственные мощности Дамаска. В 1348 г. чума вернулась в город. Дамаск был опустошен, трупы умерших не успевали хоронить. Источники повествуют о совместной молитве мусульман, христиан и иудеев, чтобы отвести от города «черную смерть». Во второй половине XV в. город потерял часть своего товарооборота в пользу Алеппо, который, будучи ближе к Стамбулу и Шелковому пути, процветал.

Когда в 1516 г. Дамаск захватили войска турецкого султана Селима, город переживал не лучший период своей истории. Но турки сделали его главным городом эялета² «Сирия», так как он по-прежнему был торговым центром. Кроме того, отсюда отправлялись караваны с паломниками к святым местам. Именно в Дамаске, последнем городе перед переходом через пустыню, ежегодно формировался огромный караван из десятков тысяч паломников, для которых было построено много ханов (приютов для паломников).

В 1555 г. по приказу османского султана Селима II (1524–1574) в пригороде Дамаска был построен комплекс зданий Такийя-ас-Сулеймания, названный в честь его отца, султана Сулеймана Кануни. Архитектором этого сооружения был непревзойденный

¹ Таки ад-Дин ал-Макризи (1364–1442), ученик и последователь гениального историка и мыслителя мусульманского Средневековья Ибн Халдуна (1332–1406).

² После административной реформы 1864 г. эялеты стали называть *вилайетами*.

Формирование арабо-мусульманского города на бывших византийских землях. Пример Дамаска

османский зодчий Мимар Синан (1489–1588), построивший огромное количество мечетей, мавзолеев, тюбре, мостов и др. Как и во многих других сооружениях Сирии, в архитектуре Сулеймании использован базальт¹.

В конце XIX в., при османском губернаторе Мидхат-паше, Дамаск вновь пережил возрождение. Для расширения территории города рвы, окружающие стены, были заделаны, организованы новые базары, возникло поселение курдов и мусульман-переселенцев, которые обосновались на склонах горы Касьюн, образовав два квартала Мухаджирин (Беженский) и Акрад (Курды). В центре города была проложена трамвайная линия, из источника Айн-аль-Фиге пошла вода через водопровод по всему городу с распределением через общественные фонтаны. В 1863 г. был организован железнодорожный маршрут Дамаск – Бейрут.

В середине XIX в. при содействии русского консульства в Дамаске была организована православная типография. Весомый вклад в возрождение сирийской культуры внесло Российское Императорское Православное Палестинское Общество. В частности, в сотрудничестве с Антиохийским Патриархатом оно создало в Сирии, в том числе и в Дамаске, сеть образовательных учреждений для христианских детей.

Конец османской власти пришел в мае 1916 г., когда, по соглашению Сайкса-Пико², произошел раздел территории Османской империи: Западная и Восточная Сирия отходили Франции, Ирак и Палестина – Британии. В октябре 1918 г. турки покинули Сирию и Ливан. Пост военного губернатора Восточной Сирии получил хиджазский эмир Фейсал аль-Хашими (1885–1933), и было объявлено о создании Сирийского арабского королевства. Но в

¹ Черные базальтовые камни можно встретить в архитектуре по всей территории Сирии. Лавовыми плитами выложены даже дороги. Хомс, Босра, Шахба – практически полностью построены из базальта. Например, в Хомсе из черных базальтовых камней был выстроен почти весь исторический центр. В 75 км к востоку от Дамаска расположено целое лавовое поле Ас-Сафа, которое является центральной частью более крупного массивного лавового поля Харрат-аш-Шам – крупнейшего вулканического поля на арабской тектонической плите.

² Соглашение Сайкса–Пико (16 мая 1916 г.) – соглашение между правительствами Великобритании, Франции, Российской империи и позднее Италии, в котором были разграничены сферы интересов этих стран на Ближнем Востоке на период после Первой мировой войны.

начале 1920-х годов французы, получившие мандат на управление Сирией (мандат действовал до 1943 г.), раздробили Сирию на ряд мелких государств по религиозно-общинному принципу: Дамаск, Халеб / Алеппо, Джебель-Друз, Лatakия.

С провозглашением Арабского королевства в марте 1920 г. и избранием Фейсала королем Сирии Дамаск впервые после столетий османского владычества восстановил свой традиционный статус в качестве столицы. Но уже скоро Дамаск утратил эту роль, поскольку французы предпочли разместить Верховный комиссариат в Бейруте, для них болееpolitически безопасном городе-порте, где проживало больше христиан.

Тем не менее в Дамаске были созданы администрация, кадастровое управление, министерства. На базе юридической и медицинской школ был образован университет. Характерно, что в отличие от университетов Бейрута здесь преподавание велось на арабском языке. Были организованы Национальная библиотека, ставшая хранилищем древних рукописей, а также Сирийский национальный музей.

Статус столицы Дамаск вернул себе лишь в 1946 г. День независимости празднуется 17 апреля, когда из Сирии был эвакуирован последний французский солдат.

Список литературы

1. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. – Ленинград : Наука, 1973. – 390 с.
2. Большаков О.Г. История халифата. Т. 3: Между двух гражданских войн (656–696). – Москва : Восточная литература РАН, 1998. – 382 с.
3. Очерки истории арабской культуры V–XV вв. / Большаков О.Г. (ред.). – Москва : Наука, 1982. – 440 с.
4. Средневековый город Ближнего Востока VII – середина XIII в. / Большаков О.Г. (ред.). – Москва : Наука, 1984. – 344 с.
5. Великий римский зодчий Аполлодор и его шедевры. – URL: <http://www.samcomp.com/velikiy-rimskiy-zodchiy-apollodor-i-ego-shedevryi.html> (дата обращения 3.05.2023).
6. Города мира. Дамаск. – URL: https://world_cities.academic.ru/1223/Дамаск (дата обращения: 30.05.2023).
7. Немировский А.А. Дамасское царство. Древний Восток. – URL: <https://history.wikireading.ru/224700> (дата обращения 09.06.2023).
8. Новый Завет. Псалтирь. – Москва : Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2013. – 472 с.

*Формирование арабо-мусульманского города на бывших
византийских землях. Пример Дамаска*

9. Сидорова Н.А., Стародуб Т.Х. Города Сирии. – Москва : Искусство, 1979. – 232 с.
10. Смилянская И.М. Социально-экономическая структура Ближнего Востока на рубеже Нового времени (на материалах Сирии, Ливана и Палестины). – Москва : Наука, 1979. – 252 с.
11. Хитти Ф. История Сирии. Древнейшее государство в сердце Ближнего Востока. – Москва : Центрполиграф, 2022. – 606 с.
12. Ahmad ibn `Ali al-Maqrizi. Kitab al-Sulik li-ma`rifat duwal al-muluk. – Beirut : Adab va ulum, 1997. – 198 с. – Араб. яз.
13. Degeorge G. La Grande Mosquée des Omeyyades. Damas. – Paris : Imprimerie nationale, 2010. – 271 p.
14. Keenan B. Damascus, Hidden Treasures of the Old City. – London : Thames & Hudson, 2000. – 224 p.
15. Syrie. Mémoire et Civilisation. – Paris : Institut du Monde Arabe/Flammarion, 1993. – 487 p.

ЮЖНАЯ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

МИХЕЛЬ Д.В.* , МИХЕЛЬ И.В. САНИТАРНЫЕ УЛУЧШЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ (1947–2020)**

Аннотация. На протяжении уже более 70 лет одним из главных вопросов, стоящих перед правительством Индии, остается вопрос о санитарных улучшениях. Как во времена Махатмы Ганди и Джавахарлала Неру, так и при Нарендре Моди успехи в сфере санитарии и водоснабжения воспринимаются как важнейшие символы прогресса вообще. В первых трех пятилетних планах развития водоснабжение и санитария увязывались с государственной политикой в сфере здравоохранения. При Индире Ганди произошла корректировка курса развития страны, и санитарные улучшения стали рассматриваться в связи с вопросами инфраструктурного развития. В начале 1980-х годов под давлением экономических трудностей правительство стало трактовать водоснабжение и санитарию как продаваемую социальную услугу. После перехода на неолиберальный курс развития в начале 1990-х годов государство передало инициативу в проведении санитарных улучшений органам местного самоуправления, частному бизнесу и населению. На фоне современного экономического роста Индии удалось добиться существенных успехов в обеспечении населения питьевой водой и

* Михель Дмитрий Викторович – доктор философских наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

** Михель Ирина Владимировна – кандидат философских наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, старший научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

услугами санитарии, но окончательное решение вопроса о санитарных улучшениях все еще откладывается.

Ключевые слова: современная Индия; санитарные улучшения; водоснабжение и санитария; пятилетние планы развития.

MIKHEL D.V., MIKHEL I.V. Sanitation Improvements in Modern India (1947–2020 s)

Abstract. For more than seventy years, sanitation improvements have remained one of the major issues facing the Government of India. Both during the time of Mahatma Gandhi and Jawaharlal Nehru and under Narendra Modi, advances in sanitation and water supply are seen as crucial symbols of progress in general. In the first three five-year development plans, water supply and sanitation were linked to government health policies. Under Indira Gandhi, the country's development course was adjusted, and sanitation improvements began to be seen in conjunction with infrastructure development. In the early 1980 s, under the pressure of economic hardship, the government began to treat water supply and sanitation as a tradable social service. After the shift to a neo-liberal development path in the early 1990 s, the government handed over the initiative in sanitation improvements to local governments, private business and the public. Against the backdrop of modern economic growth, India has made significant progress in the provision of drinking water and sanitation services, but the finalization of sanitation improvements is still delayed.

Keywords: Modern India; sanitation improvements; water supply and sanitation; five-year development plans.

Для цитирования: Михель Д.В., Михель И.В. Санитарные улучшения в современной Индии (1947–2020-е гг.) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 1. – С. 84–124. – DOI: 10.31249/RVA/2024.01.06

В эпоху британского колониального правления Индия утратила положение великой державы. Если в 1700 г. ее доля в мировой экономике была сопоставима с долей всех европейских стран и составляла 24,4%, то в 1950 г. она сократилась до 4,2% [1, р. 641]. «Ярчайший бриллиант в короне Британской империи», как называли Индию в Великобритании, за годы правления британцев

превратился в одну из беднейших стран в мире. Управляя Индией, британцы в основном поощряли развитие экспортно-ориентированного сельского хозяйства, но отказывались развивать в стране тяжелую промышленность. Тем не менее для удовлетворения своих интересов они все же были вынуждены частично модернизировать индийскую экономику. Так, для обеспечения вывоза сельскохозяйственной продукции на мировые рынки в середине XIX в. они начали строительство разветвленной сети железных дорог. При этом в период их правления стали быстро расти города, как на побережье страны – Калькутта (ныне Колката), Бомбей (Мумбаи), Мадрас (Ченнаи), так и в глубине индийского субконтинента – Бангалор и Нью-Дели (его проектирование на территории старого Дели было начато Эдвином Лаченсом в 1912 г.). Кроме того, в интересах более эффективного управления Индией британцы к концу XIX в. стали привлекать все больше этнических индийцев. В стране были построены европейские школы, университеты, библиотеки, больницы, сотни тысяч индийцев освоили английский язык и стали трудиться в системе гражданской администрации.

Когда в 1947 г. Индия обрела независимость, ее население составляло 350 млн человек. Это была одна из самых бедных стран мира и вторая по численности населения после Китая. Перед новым правительством, которое возглавил Дж. Неру (1889–1964), всталая задача вырвать страну из бедности и заложить основы для прочного экономического роста. Правительство Республики Индия приняло специфическую стратегию развития – быструю индустриализацию посредством реализации централизованно подготовленных пятилетних планов, предусматривающих привлечение огромных ресурсов и создание крупных промышленных государственных предприятий. Упор был сделан на развитие тяжелой и химической промышленности, машиностроения, энергетики. При этом правительство Неру отказалось делать акцент на сельском хозяйстве, рассматривая его как признак отсталости экономики. В 1943 г., когда в Индии случился голод, силами индийского сельского хозяйства справиться с ним не удалось [2, р. 18]. Отчетливо сознавая место независимой Индии в современном мире, первый премьер-министр и национальный лидер страны Неру говорил, что Индии, как и Китаю, предстоит учиться у Запада, который сегодня воплощает дух эпохи и обладает способностью к росту [3, с. 466].

Индийские власти были готовы использовать институты, созданные британцами, в интересах новой страны, в том числе уже существующие элементы государственного управления, науку, образование, здравоохранение. На повестке дня стоял и вопрос санитарных улучшений, который был оставлен новой индийской элитой британцами. Однако решить его быстро не удалось. Можно выделить, по крайней мере, три больших периода решения этого вопроса в истории современной Индии: 1) в первые полтора десятилетия ее существования, когда во главе государства всталла команда реформаторов во главе с Дж. Неру; 2) с конца 1960-х и до 1990 г., когда в Индии произошла существенная корректировка курса социально-экономического развития, связанная с фигурами Индиры Ганди и ее преемников, прежде всего Раджива Ганди; 3) с 1991 г. по настоящее время, когда страна перешла на неолиберальный курс развития, что привело к очередной переориентации политики в области санитарных улучшений.

Санитарные улучшения в период реформ правительства Дж. Неру

Вопросы санитарии стояли крайне остро перед основателями независимого индийского государства. Еще в 1919 г. будущий отец современной индийской нации М.К. Ганди произнес памятные слова: «Санитария для нас важнее независимости» [4]. Его ближайший сподвижник и первый премьер-министр независимой Индийской Республики Дж. Неру впоследствии вторил ему: «Когда у каждого из нас появится туалет, я буду знать, что наша страна достигла вершины прогресса» [5]. Когда Неру взял в свои руки бразды управления огромной многонациональной страной, вопросы санитарии и водоснабжения неизменно находились в поле его внимания.

Для решения задач управления правительство Неру использовало как уже созданные еще при британцах управленические структуры, так и создавало новые. Так, в марте 1950 г. Неру образовал комиссию по планированию (Плановую комиссию), в состав которой вошли наиболее влиятельные политики и экономисты его реформаторской команды. Вскоре в недрах комиссии родился Первый пятилетний план социально-экономического развития

(First Five-Year Plan), который был официально представлен в 1951 г. Наряду со стратегиями развития в области промышленности и сельского хозяйства в плане была заявлена и стратегия охраны общественного здоровья. Сначала был опубликован черновой проект этого плана, в котором вопросы охраны здоровья рассматривались в главе 15. Примечательно, что проблемам водоснабжения и удаления нечистот в ней почти не было уделено места, за исключением пары абзацев. «Внедрение защищенного водоснабжения может гарантировать здоровый образ жизни только в том случае, если будут приняты меры по гигиеническому “сбору и удалению коммунальных отходов”. Только 23 города из 48 с населением более 1 тыс. человек имеют канализационные системы. Еще 12 городов имеют частичную канализацию. В настоящее время канализацией охвачено около 3% от общей численности населения. Реки, озера, поля и пляжи часто загрязняются в результате сброса отходов и экскрементов частными лицами, муниципалитетами и предприятиями» [6].

Эта недоработка в Плане была вскоре устранена в опубликованной официальной версии. Важную роль в этом, по-видимому, сыграла небольшая группа экспертов-медиков во главе с доктором Б.С. Дас Гуптой (1892–1966), возглавившего специально созданный в 1948 г. при Министерстве здравоохранения Комитет по гигиене окружающей среды. Дас Гупта, выпускник Калькуттского медицинского колледжа (1919), получивший ученые степени по медицине и общественному здравоохранению в Дублине и Лондоне, с 1924 г. работал на различных ответственных должностях в колониальной администрации в сфере здравоохранения, в том числе в должности главного санитарного врача Бомбейской корпорации (1941) [7].

18 октября 1949 г. Дас Гупта направил в Министерство здравоохранения отчет своего комитета о характере санитарных проблем, стоящих перед страной. В преамбуле к отчету Дас Гупта отметил, что отчет запоздал на полгода, и поэтому текущее финансовое положение правительства может не позволить полностью реализовать заложенные в нем предложения. Тем не менее «скорейшая реализация намеченных планов... теснейшим образом связана со здоровьем, производительностью труда и счастьем нации» [8]. В отчете были рассмотрены вопросы: 1) санитарного состояния жилищ;

2) городского и сельского планирования; 3) водоснабжения; 4) санитарных мер по сбору и удалению коммунальных отходов; 5) санитарного состояния пищевых продуктов, напитков и молока; 6) освещения и вентиляции жилищ; 7) санитарных аспектов деятельности общин и конгрегаций; 8) загрязнений водоемов и др. [8].

Особое внимание было уделено вопросам водоснабжения. «Адекватное снабжение водой приемлемого качества каждого следует рассматривать как первую меру по улучшению обслуживания в сфере здравоохранения, в которой нуждается сообщество» [8]. Согласно приведенным в отчете данным, к осени 1949 г. лишь 16% от общего числа индийских городов были обеспечены водоснабжением, которое было доступно 6,15% всего населения Индии, или 48,5% городского населения [8, р. 44]. Иначе говоря, чистая вода, подаваемая через трубы, была привилегией преимущественно городских жителей, да и то лишь их половины. При этом суточное потребление воды на одного жителя оценивалось величиной от 2 до 40 галлонов (от 7,4 до 148 л) в сутки. Наилучшее положение дело с водоснабжением имело место в Западной Бенгалии (Калькутте), Мадрасе, Бомбее, Соединенных Провинциях и Дели, а худшее – в Ассаме, Ориссе, Бихаре и Центральных Провинциях [8, р. 44], т.е. фактически ситуация с обеспеченностью водой к осени 1949 г. выглядела так же, как и при британцах в первой половине XX в. В отчете отмечалось, что в последние годы из-за роста численности населения в крупных городах, притока беженцев и управлеченской неразберихи на уровне муниципалитетов и правительства нагрузка на системы водоснабжения возросла.

Доктор Дас Гупта в своем отчете сообщал, что в планах правительства на ближайшие 20 лет стоит задача обеспечить водой 50% всего населения Индии и еще 50% в следующие 15 лет. Кроме того, было отмечено, что 100% всех медицинских учреждений планировалось обеспечить чистой водой. Для реализации целей водоснабжения населения правительство должно было выделять средства в размере 14 крор (14 млн) рупий ежегодно в течение 20 лет. Особо подчеркивалось, что из-за стремительного износа существующей системы водоснабжения было необходимо принять меры для обеспечения водой населения в городах численностью более 50 тыс. человек немедленно. Учитывая специфику религиозно-культурной ситуации в Индии, автор отчета рекомендовал в

следующие пять лет провести трубный водопровод в места, являющиеся главными центрами религиозного паломничества, в частности в те, куда собираются свыше 10 тыс. человек. Все эти меры позволяют снизить риск быстрого распространения кишечных инфекций и поставить под контроль эпидемии, передающиеся водным путем. В отчете было упомянуто и о необходимости водоснабжения территорий, лишенных воды, в частности Деканского нагорья, Ахмедабада, Раджпутаны и т.п. Особое внимание в отчете обращалось на водоснабжение территорий, традиционно охватываемых вспышками холеры: рекомендовалось обеспечить водой 75% населения в регионах, где смертность от холеры превышала 100 на 100 тыс. человек в течение последних десяти лет. Для обеспечения контроля качества воды было рекомендовано создать сеть лабораторий, в особенности при заводах, являющихся крупными источниками промышленного загрязнения, а также обеспечить подготовку квалифицированного персонала для работы в таких лабораториях. С этой целью предполагалось создать специальную санитарно-инженерную службу при Министерстве здравоохранения. В целом, в течение следующих 40 лет планировалось обеспечить водой до 90% всего населения [8, р. 45–46].

В отчете Комитета по гигиене окружающей среды отмечались и другие моменты, связанные с вопросом о водоснабжении. Так, подчеркивалась связь между организацией водоснабжения и организацией работы в области противопожарной безопасности. Кроме того, подчеркивалась связь между модернизацией / созданием водопроводных сетей и нормальным функционированием систем канализации. В частности, была предложена следующая норма поставки объемов воды на душу населения в условиях отсутствия систем канализации (посуточный объем):

- А) для общин с населением 1–5 тыс. человек – 15 галлонов (55,5 л);
- Б) 5–20 тыс. человек – 20 галлонов (74 л);
- В) 20–50 тыс. человек – 25 галлонов (92,5 л);
- Г) 50–200 тыс. человек – 40 галлонов (148 л);
- Д) свыше 200 тыс. человек – 45 галлонов (166,5 л) [8, р. 52].

В отчете были также предложены конкретные нормы, касающиеся сроков разработки, введения в действие и сроков эксплуатации санитарно-технических сооружений, уровня давления в во-

допроводных трубах, исходя из средней численности населения и этажности в городах, характера материала (главным образом, железо) для изготавливаемых водопроводных труб, необходимого количества труб (40 тыс. т ежегодно) и химикатов (хлорина) для очистки воды (4500 тыс. т ежегодно), расходов на содержание Службы главного санитарного инженера и т.д. [8, р. 57].

Помимо прочего в отчете были определены сроки использования оборудования и водопроводных сетей для городов в зависимости от численности их населения и некоторые другие параметры технического задания, предлагаемого комитетом подрядчикам. Они приведены в таблице 1.

Таблица 1

**Планируемые сроки использования оборудования
и водопровода, предусмотренные Комитетом по гигиене
окружающей среды (1949) [8, р. 53]**

Города с населением	Срок использования насосов	Срок использования водопроводных сетей	Срок использования водных резервуаров	Время от момента проектирования до внедрения
До 50 тыс. человек	20	30	40	5
50–200 тыс.	15	25	40	3
Свыше 200 тыс.	15	20	40	3

Еще одной темой, заслуживающей внимания, в отчете стали меры по сбору и удалению коммунальных отходов. Дас Гупта выделил шесть главных: 1) канализация; 2) канализационные стоки и открытые водостоки; 3) отвод сточных вод; 4) уборка территории; 5) вывоз мусора; 6) сбор и удаление фекалий на территориях с отсутствующей канализацией. Согласно оценкам, представленным в отчете, лишь 23 города с населением свыше 100 тыс. человек и еще 12 городов с меньшей численностью жителей имели сети канализации. При этом в большинстве городов доля сооружений, не подключенных к канализации обслуживаемых предприятиями водоканала, составляла от 33 до 75% от общего числа. Согласно переписи 1941 г., лишь 10 млн человек из 320 млн всего населения номинально пользовались канализацией. Как замечает Дас Гупта, с

учетом, что первые подключения к канализации были осуществлены в Калькутте в 1867 г., «прогресс в этой сфере шел крайне медленно» [8, р. 60–61].

Предлагаемый в отчете план развития систем канализации на пятилетний период включал в себя шесть направлений работы: 1) срочное совершенствование существующих конструкций и преобладающих методов удаления отходов в городах с канализацией, чтобы справиться с перегрузкой и износом; 2) проведение канализации в новые жилые комплексы и расширение городской черты в городах, где уже имеется канализационная система; 3) прокладка канализации во всех постоянных местах паломничества; 4) прокладка канализации после введения удовлетворительного защищенного водоснабжения во всех городах без канализации с населением более 100 тыс. человек или с высокой плотностью населения; 5) прокладка канализации в промышленных городах; 6) более полная утилизация нечистот в районах с наличием канализации [8, р. 61]. Согласно заявленному плану общая сумма расходов на развитие систем канализации в течение следующих 5–10 лет должна была составить 15 крор (млн) рупий. При этом особое внимание следовало обратить на прокладку систем канализации в местах, являющихся центрами паломничества, – дабы предотвратить угрозу эпидемий. В городах, где уже имелись канализационные сети, рекомендовалось требовать от муниципалитетов подключить к канализации до 90% сооружений в течение следующих 10 лет. В качестве временной меры на срок, не превышающий 10 лет, допускалось использование пунктов утилизации фекалий с помощью традиционной системы ведер, что должно было позволить избежать загрязнения воды и почв в населенных пунктах, подключаемых к канализации. Из расчета периода жизни одного поколения срок службы системы канализации (как и системы водоснабжения) устанавливался в 30 лет [8, р. 61–62].

Особое внимание было обращено на вопрос об удалении нечистот в маленьких городах, управляемых муниципалитетами, общими собраниями или панчаятами. Отмечается, что там в основном действовала система открытых канализационных стоков, пребывающая в крайне антисанитарном состоянии. Как отмечал Дас Гупта, «даже устройство непроницаемых выгребных ям и транспортировка их содержимого в бочку на колесах – меньшее

зло, чем сточные канавы в районах, не оборудованных выгребными ямами» [8, р. 64].

Способы отвода сточных вод в разных частях Индии были разными. Канпур и Бенарес (Варанаси) сливали сточные воды в Ганг, не прибегая к их очистке; Патна и некоторые другие города использовали систему септических танков и поля орошения; Бомбей и Мадрас отводили свои сточные воды в море, из-за чего побережье оказалось там в крайне неудовлетворительном состоянии; Калькутта обладает большими отстойниками, но механическое оборудование там обслуживается не должным образом; в Дели есть односторонняя канализационная измельчающая система, которая хорошо работает, но весьма перегружена и нуждается в улучшении. Как отмечено в отчете, задачи в плане совершенствования систем отвода сточных вод стоят огромные: необходимы серьезные вложения, технические решения, подготовка персонала, создание лабораторий по контролю за состоянием водоотведения (к 1949 г. такие лаборатории были только в Дели, Бомбее, Пуне, Хайдарабаде, Патне и Джамshedпуре) [8, р. 67].

Должное внимание было удалено вопросам уборки территорий, вывоза мусора, сбора и удаления фекалий на территориях с отсутствующей канализацией. Отмечено, что правительству следует проявлять большую настойчивость по отношению к муниципалитетам в решении этих вопросов. Контроль за осуществлением такой работы на местах должны осуществлять санитарные врачи и санитарные инспекторы при муниципалитетах, а контроль над ними – Провинциальное министерство местного самоуправления. Особое внимание следует уделять уборке мусора в бустисах и городских трущобах. Каждый муниципалитет с населением более 100 тыс. человек должен иметь специальную технику и автомашины для вывоза мусора и нечистот [8, р. 68–69].

Согласно отчету, к 1949 г. лишь 3% (в лучшем случае 5–8%) населения Индии пользовались канализацией. В основном это было городское население. В сельской местности, где было сосредоточено 85% населения, в лучшем случае лишь 5% домохозяйств имели деревянные туалеты. Почва вокруг них была сильно загрязнена нечистотами [8, р. 71–72]. Еще в одном отчете отмечалось, что практика строительства деревянных туалетов была непопулярна среди сельских жителей, поэтому специально созданный еще в

последние годы существования британской колониальной администрации Комитет по надзору за здоровьем и развитием (1943) проводил большую агитационную работу в сельской местности, призывая жителей строить себе деревянные туалеты [9, р. 130–132]. Несложно догадаться, что эти агитационно-просветительские кампании не имели успеха, и поэтому в докладе своего комитета д-ру Дас Гулте вновь пришлось заострить внимание на этом вопросе. С его точки зрения, для решения этого вопроса властям на местах следует проявить политическую волю и добиться результатов в техническом плане. По его словам, им надо научиться воспринимать себя «не слугами правительства, а слугами общества» [8, р. 73]. Власть должна достучаться в этом вопросе до каждого крестьянина – через сельские панчаяты, социальные службы, все виды организаций, школы, медицинские пункты. Деятельность властей должна быть социально ориентирована. В сельской местности деревянные туалеты должны быть в каждом доме, и дело не должно сводиться только к строительству общественных уборных. В свою очередь общественные туалеты должны создаваться на железнодорожных вокзалах, автобусных остановках, парках, местах общего пользования, рынках, школах, хостелах, учреждениях, местах богослужения и т.д. При строительстве таких уборных необходимо помнить об обеспечении противомоскитного контроля и применении ДДТ, чтобы не допустить вспышек малярийной инфекции [8, р. 73].

Материалы, подготовленные Комитетом по гигиене окружающей среды, были использованы в рамках Первого пятилетнего плана развития Индии (1951–1956), принятого к исполнению правительством. Глава 32 Плана была посвящена проблемам гигиены окружающей среды (санитарии), в особенности вопросам водоснабжения. Понять актуальность этих планов позволяют следующие фрагменты из текста Плана: «Обеспечение благоприятных условий для здорового образа жизни – важнейшее условие поддержания здоровья населения. В странах, где уделяется внимание водоснабжению и утилизации отходов, холера, брюшной тиф и дизентерия практически исчезли, а случаи заболевания происходят благодаря личному контакту со здоровыми носителями и обработке ими продуктов питания. Эти меры также повлияли на уровень

младенческой смертности и заболеваемости кишечными паразитами. В Индии эти проблемы во многом остаются нерешенными» [10].

Содержание Первого пятилетнего плана свидетельствовало о готовности правительства Неру заниматься проблемами общественного здравоохранения, в том числе санитарными улучшениями. Однако совершенно очевидно, что для этого не доставало ресурсов. Так, правительство было готово выделять гранты в размере 30 крор (млн) рупий для оказания помощи местным органам власти, надеясь, что 10 крор (млн) из этой суммы будет выделено на вопросы водоснабжения. Но при этом даже в тексте плана подчеркивалось, что «вклад населения в виде добровольного труда или денег позволит значительно улучшить водоснабжение» [10]. Тем самым повторялась ситуация времен британского колониального правления, когда колониальные власти также пытались возложить решение этого вопроса на население. Представляется, что возвращение правительства к этой мере едва ли могло ускорить решение данного вопроса, имея в виду чрезвычайную бедность большей части индийцев к моменту образования независимого государства (в 1949 г. ежегодный доход на душу населения в Индии исчислялся в 50 долл. США) и неприятие населением такого рода политики.

Иначе говоря, темпы реализации национальной программы водоснабжения и санитарии, запущенной в рамках Первого пятилетнего плана, были более медленными, чем на это могли рассчитывать члены Плановой комиссии и д-р Дас Гулта. Именно на этот факт было обращено внимание разработчиками Второго пятилетнего плана (1956–1961), в котором было отмечено: «Потребности в чугунных и оцинкованных трубах для городского водоснабжения в последний год Первого плана составили около 100 тыс. т, а во Втором плане они возрастут до 125 тыс. т в год. По сравнению с этим, текущее производство составляет около 60 тыс. т в год, из которых около 50 тыс. т приходится на водопроводные трубы» [11].

В рамках Второго пятилетнего плана расходы центрального правительства и правительства штатов на водоснабжение и канализацию возросли. План предусматривал выделение 53 млн рупий на городское водоснабжение и канализацию, 28 млн – на сельское водоснабжение и специальное ассигнование в размере 10 млн рупий для городских районов, имеющих корпорации [11]. При этом в

Плане подчеркивалась необходимость учета растущей урбанизации и ее последствий для водоснабжения и санитарии. Но особенно непросто выглядела ситуация в сельской местности, где жила большая часть населения страны. В тексте Второго плана это оценивалось следующим образом: «Работы в сельской местности выполняются неудовлетворительно главным образом из-за отсутствия квалифицированного персонала и организации. Работы в сельской местности часто выполняются различными агентствами и превращаются в чисто строительные проекты, при этом санитарное просвещение жителей деревень по вопросам необходимости и использования санитарных объектов практически не ведется» [11].

Отмечалась в Плане и еще одна существенная проблема – нехватка квалифицированных инженерных кадров, способных разработать и реализовать сложные санитарно-технические проекты [11]. С этим был совершенно согласен и американский специалист Ч. Аткинс, работавший консультантом в службе санитарной инженерии при правительстве Индии. Он отмечал, что в 1950 г. на всю Индию было всего 50 санитарных инженеров. Хотя правительство предпринимало огромные усилия по подготовке новых кадров, но их явно не хватало. Но, похоже, Аткинс тоже оставался оптимистом. Наблюдая, с каким энтузиазмом работают члены реформаторской команды Неру и чиновники на местах, он полагал, что существенные результаты в области санитарных улучшений в Индии могут быть достигнуты через 20–25 лет [12].

Первые итоги реализации национальной программы водоснабжения и санитарии были подведены в тексте Третьего пятилетнего плана (1961–1966). Так, в нем отмечалось, что в течение первых десяти лет планового развития страны трубным водоснабжением было обеспечено 11 тыс. деревень [13]. В сущности, это была лишь капля в море. В рамках реализации Третьего плана акцент предлагалось сделать на санитарных улучшениях в сельской местности. Отмечалось, что до сих пор основное внимание уделялось водоснабжению деревень, испытывающих дефицит водоснабжения и страдающих от кишечных инфекций. Теперь ставилась задача активизировать усилия по обеспечению деревень водой, для чего требовалась: большая тщательность при планировании; координация усилий участвующих в таких проектах ведомствах; мобилизация местного населения. На сельское водоснабже-

ние в рамках Третьего пятилетнего плана планировалось выделить 67 млн рупий, в том числе 35 млн – непосредственно и остальную сумму на развитие здравоохранения, программы развития общин и поддержку «отсталых классов» [13]. Вновь подчеркивался вопрос об актуальности санитарного просвещения в сельской местности, который продолжал оставаться камнем преткновения все эти годы.

Более успешно выглядела ситуация с водоснабжением городов. Были отмечены определенные успехи в реализации проектов водоснабжения и водоотведения в Дели, Бомбее, Мадрасе, Банглоре, Калькутте, Ахмедабаде и некоторых других местах. Но и там хватало проблем: в проектах имелись технические недоработки, возникали сложности с планированием и отсутствием материалов, не хватало инженерных кадров. Для преодоления существовавших проблем предлагалось: 1) отдавать предпочтение крупным проектам; 2) не распылять средства на мелкие проекты; 3) требовать ответственности от муниципальных органов власти за содержание водопроводной сети, а также привлекать их к прокладке таковых на стадии строительства [13].

На развитие городского водоснабжения в период 1961–1966 гг. планировалось выделить 89 млн рупий, что должно было позволить решить вопросы со снабжением водой населения основных крупных городов. При этом впервые было обращено внимание на тот факт, что строительство сетей канализации в городах отстает от строительства водопроводных сетей. Плановая комиссия призывала учесть этот факт и добиваться комплексного осуществления проектов водоснабжения и канализации. Это должно было позволить уменьшить риск распространения малярии и предотвратить распространение антисанитарии. В городах с населением более 100 тыс. человек на канализацию предлагалось выделять 20–30% от сметной стоимости проектов водоснабжения [13].

Оценить эффективность работы правительства Неру в области санитарных улучшений непросто. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что эта работа основывалась на принципе централизованного руководства и планирования, характерного для стран с плановой экономикой. Но на всем протяжении первых 15 лет – трех первых пятилеток (1951–1966) – практика администрации «сверху» неизменно сталкивалась с недостатком ини-

циативы или технической некомпетентностью на уровне правительства штатов и местных органов власти, вызванной в свою очередь нехваткой политической воли и квалифицированных кадров. Испытывая постоянный дефицит ресурсов (труб, насосов, строительных материалов и др.), государственные планировщики и исполнители на местах вынуждены были сталкиваться и еще с одним фактором – быстрым демографическим ростом. Если в 1950 г. население Индии составляло чуть более 350 млн человек, то уже в 1960 г. оно перевалило за 440 млн человек и продолжало быстро расти. К 1970 г. численность индийцев превысила 550 млн человек. Не трудно представить, каким вызовом для правительства реформаторов это было. Весьма неслучайно, что уже в Третий план важнейшим по значимости вопросом для Плановой комиссии в области здравоохранения стал вопрос о планировании семьи (ограничении рождаемости) [13]. Поскольку вопросы водоснабжения и санитарии в рамках всех трех Планов проходили по ведомству здравоохранения, то рост значимости проблем рождаемости и планирования семьи постепенно оттеснил санитарную проблематику на второй план. Это позволяет объяснить, почему вопрос санитарных улучшений для правительства Неру оказался до конца нерешенным.

В целом, для правительства независимой Индии во главе с Дж. Неру вопрос о проведении санитарных улучшений стоял очень остро. При разработке первых трех планов пятилетнего развития Индии (1951–1966) вопросы санитарных улучшений рассматривались как составная часть более широкого комплекса проблем, связанных с охраной общественного здоровья. При разработке Первого пятилетнего плана Комиссия по планированию во главе с Неру использовала материалы отчета, подготовленного Комитетом по гигиене окружающей среды при Министерстве здравоохранения, который возглавил доктор Б.С. Дас Гупта. Этот специалист с обширным опытом работы в системе гражданской администрации в колониальный период проработал весь круг проблем в области санитарии, унаследованный независимой Индией от прошлых времен. Наиболее амбициозные из планов в сфере санитарных улучшений касались обеспечения всего населения страны доступными средствами водоснабжения и канализации в течение предстоящей четверти века. Существовало четкое понимание, что в

сельской местности реализация этих задач столкнется с большими проблемами, чем в городах. Однако практика реализации планов показала, что проблемы, вставшие на пути реформаторов, оказались более значительными, чем это могло показаться вначале. Серьезным вызовом на пути реализации национальной программы по водоснабжению и санитарии помимо нехватки кадров в области санитарной инженерии и дефицита ресурсов стал быстрый демографический рост, начавшийся в 1950-е годы. Осознание этого вызова нашло отражение уже в Третьем пятилетнем плане, где вопросы планирования семьи (ограничения рождаемости) потеснили вопросы санитарных улучшений на второй план.

Санитарные улучшения в период корректировки курса развития (1969–1990)

Планируя стратегию социально-экономического развития страны, правительство Индии во главе с Неру рассматривало вопросы водоснабжения и санитарии в контексте вопросов об охране общественного здоровья, в связи с чем важную роль в работе команды правительственных планировщиков играли медицинские эксперты, такие как Б.С. Дас Гулта. С началом второго периода в истории санитарных преобразований вопросы водоснабжения и санитарии перестали рассматриваться прежним образом и перешли в разряд вопросов, связанных с региональным развитием и жилищным строительством, а затем в разряд вопросов, касающихся социального обслуживания. При этом как в период реализации трех первых пятилетних планов (1951–1966), так и в рамках второго периода (1969–1990) основную роль продолжало играть государство, остававшееся главным агентом санитарных преобразований в Индии.

Как было показано ранее, уже в ходе реализации Третьего пятилетнего плана правительство столкнулось с серьезными трудностями, препятствующими поддержанию высоких темпов реализации национальной программы по водоснабжению и санитарии. Наряду с дефицитом ресурсов и нехваткой санитарных инженеров в 1950-е годы серьезным вызовом для правительства стал быстрый демографический рост, способствующий перетоку огромных масс сельского населения в города. В 1960-е годы властям Индии при-

шлось столкнуться и с другими серьезными проблемами, которые с неизбежностью наложили отпечаток на проводившийся правительством Неру курс. В 1962 г. разгорелась индо-китайская война, которая потребовала от страны значительной мобилизации всех ее сил, но тем не менее привела к досадному поражению и потере части территорий. В 1965 г. случилась Вторая индо-пакистанская война. Вслед за этим случилась сильная засуха, ужасным последствием которой стал массовый голод в Бихаре. Смерть Неру в 1964 г., изменение состава правительства и приход на место премьер-министра в 1966 г. И. Ганди (1917–1984) сделали закономерным неизбежную корректировку курса, которая коснулась и программ санитарных преобразований.

После того как на три года новые индийские власти вынуждены были отказаться от разработки планов пятилетнего развития, в 1969 г. был принят очередной – Четвертый – план развития страны на период до 1974 г. Предисловие к нему было написано И. Ганди, занявшей место председателя Плановой комиссии, которое прежде занимал ее отец. В предисловии Ганди упомянула о главных вызовах первой половины 1960-х годов, с которыми столкнулась страна, а также о растущей зависимости от международных кредитов и необходимости перехода в новой стратегии развития с опорой на собственные силы. Серьезной проблемой для нового правительства стали массовые протесты со стороны населения, охватившие страну в годы постигших ее испытаний и проведения политики чрезвычайных мер, поэтому Ганди писала: «Главным стимулом должно стать горячее чувство социальной справедливости. При всей важности увеличения производства не менее важно устраниТЬ или уменьшить, предотвратить концентрацию богатства и экономической власти. Блага, получаемые в результате развития, должны все в большей степени доставаться простым людям и слабым слоям общества, чтобы можно было полностью высвободить силы производства» [14].

Четвертый пятилетний план предусматривал дальнейший рост государственных расходов на водоснабжение и канализацию. Так, на проекты по развитию водоснабжения предусматривалось выделение 400 млн рупий, причем на сельское водоснабжение – 125 млн При этом разработчиками Плана была дана весьма критическая оценка результатам санитарных улучшений, достигнутых в

предыдущий период: «Пройдет немало времени, прежде чем в городах появятся полноценные системы канализации и санитарии. Проблема санитарии в городах, кроме тех, где есть канализационные системы, до сих пор рассматривалась с точки зрения улучшения условий жизни людей нечистых профессий; проблема санитарии в деревнях не затрагивалась. Общие проблемы санитарии требуют долгосрочного решения» [14].

В Плане также были отмечены упущения, касающиеся использовавшихся прежде технических подходов. Согласно выводам разработчиков, в городах вопросы утилизации нечистот потребуют новых решений – либо строительства подземной канализации, либо переоборудования «сухих туалетов» (dry latrines) в усовершенствованные. «В качестве первого шага в городах можно обеспечить улучшенные туалеты во всех государственных учреждениях, а также в общественных местах. В деревнях аналогичный шаг может быть сделан в отношении общественных учреждений, в частности школ. Можно надеяться, что после внедрения этих реформ они постепенно приживутся в частных учреждениях и среди населения в целом» [14]. Растущее внимание к вопросам утилизации нечистот, определяемым как вопросы санитарии, в Четвертом плане было отчасти новым словом. Во всех предыдущих планах вопросы санитарии смешивались с вопросами водоснабжения, водоотведения и канализации, и было сложно оценить объем средств, выделяемых непосредственно на санитарию.

Кроме того, в Плане обращалось внимание на проблему сброса промышленных и бытовых нечистот в водоемы, поэтому объявлялось о скором создании законодательства по предотвращению загрязнения водных источников и создании специального органа власти для контроля за исполнением этого законодательства. Наконец, утверждалось, что содержание водопроводов в сельской местности требует дополнительных расходов, поэтому предлагалось рассматривать сельское водоснабжение как услугу, за которую тем, кто ею пользуется, следует платить [14].

В годы реализации Четвертого пятилетнего плана стало очевидно, что приоритет в развитии водоснабжения и канализации до сих пор отдавался городам. С целью устранения сложившегося перекоса в 1972 г. правительством Ганди была инициирована специальная программа для развития сельского во-

доснабжения – Программа ускоренного развития сельского водоснабжения (Accelerated Rural Water Supply Programme). Она действовала всего год и была закрыта уже в 1973/74 фин. г. После непродолжительного времени, когда стало ясно, что прогресс в сельском водоснабжении опять замедлился, в 1977 г. эта программа была возобновлена и функционировала на протяжении еще четверти века [15].

Пятый пятилетний план (1974–1979) был принят в условиях, сложившихся после мирового экономического кризиса и разгула инфляции. В своем предисловии к Плану Ганди отметила эти обстоятельства и обратила внимание на то, что потребителям придется привыкать к мысли о том, что за некоторые получаемые ими от государства услуги, например за электроэнергию, им придется теперь платить. В почти неприкрытой форме она подвергла критике некоторые тенденции, возникшие в системе государственного управления, в особенности бюрократизацию и «признаки самоуспокоенности» в различных отраслях общественной жизни. Альтернативой этой самоуспокоенности она предложила считать научный подход к планированию [16].

В Пятом плане санитарные улучшения вновь рассматривались как составная часть инфраструктурных улучшений – городского развития и жилищного строительства. Важным направлением в этой сфере называлось обеспечение безопасного водоснабжения в проблемных деревнях (их насчитывалось 113 тыс.), а всего на сельское водоснабжение выделялось более 381 млн рупий. Городское водоснабжение на пятилетний период финансировалось в размере почти 540 млн рупий. Кроме того, на подготовку санитарно-инженерных специалистов выделялось более 10 млн рупий. Наконец, предполагалось построить 27 заводов по производству компоста, 60 механических фильтрационных установок в различных городах и переоборудовать 30–35 тыс. сухих уборных в санитарные туалеты [16].

Пятый пятилетний план был ориентирован на искоренение бедности, и поэтому план санитарных преобразований, изложенный в нем, был тесно связан с политикой благоустройства трубопроводов и улучшения жилищных условий. Составной частью программы санитарных улучшений, заложенной в рамках Пятого плана, стала принятая на первом году ее реализации Программа минимальных

потребностей (Minimum Needs Programme), которая была нацелена на повышение уровня жизни бедных слоев населения и в части санитарных улучшений дополнила Программу ускоренного развития сельского водоснабжения. В рамках Пятого плана большое внимание также уделялось использованию недорогих конструкций для строительства санитарных сооружений, обустройства сельской канализации и управления водостоками. В связи с уходом в 1977 г. Ганди в отставку этот план был досрочно прекращен.

В 1980 г. Ганди вновь возглавила индийское правительство и под ее началом был принят Шестой план пятилетнего развития Индийской Республики (1980–1985). Эпиграфом к своему предисловию к этому плану Ганди выбрала слова великого Рабиндраната Тагора: «День настанет. Храни свою веру крепко», а по содержанию это предисловие сильно напоминало политическое завещание – столь откровенно и пророчески звучали ее слова. «Достигнутый к настоящему времени прогресс является устойчивым и существенным, хотя и несколько более медленным, чем предполагалось. Сам процесс развития порождает новые ожидания и предъявляет новые требования к ресурсам... Мы решительно противостоим каждому новому вызову. Мы достигли того уровня, когда можем с уверенностью утверждать, что развитие способствовало укреплению нашей нации, несмотря на ее региональные, языковые, социальные и общинные различия. Оно укрепило нашу демократию и направляет наше общество к социализму... Пятилетние планы разрабатываются с учетом перспективы долгосрочного развития. Это позволяет поднять национальные усилия для достижения конкретных целей и решения важнейших задач... В течение этой пятилетки мы ожидаем постепенного снижения уровня бедности и безработицы, а также регионального неравенства... Мы полны решимости реализовать этот план. Демократическое планирование означает использование власти народа и его всестороннее участие. Мы плывем по бурным морям. Но индийский народ пережил много штормов. Его дух нестигаем, и он победит. Давайте поможем им направить свои силы на единство и дисциплину в великом стремлении к светлому будущему» [17].

По сравнению с Пятым планом в Шестом на развитие сельского и городского водоснабжения выделялись еще более значительные суммы – 1554 млн и 1753 млн рупий соответственно. Ше-

стой план пятилетнего развития по сравнению со всеми предыдущими Планами выглядел весьма самокритично. Так, разработчики Плана отмечали: «Несмотря на то что национальная программа водоснабжения была начата в 1954 г. в ходе первой пятилетки, а в последующие пятилетки на водоснабжение и санитарию выделялись все более значительные средства, достигнутый к настоящему времени прогресс в обеспечении безопасного водоснабжения и базовой санитарии трудно назвать удовлетворительным. Имеющиеся статистические данные о состоянии сельского и городского водоснабжения в Индии представляют собой неутешительную картину, особенно в сельской местности. К марту 1980 г. около 2 тыс. деревень в стране с населением около 160 млн человек еще не были обеспечены питьевым водоснабжением. Ситуация в городах относительно лучше, но и здесь, особенно в сотнях небольших городов, водоснабжение и канализация далеко не на должном уровне» [17].

Во многом впервые в нем были признаны недостатки прежних лет. Так, были озвучены серьезные проблемы в сельском водоснабжении. «Последние данные, полученные от правительства штатов, показывают, что в настоящее время в стране насчитывается около 1,901 млн деревень, нуждающихся в первоочередном обеспечении водоснабжением». Кроме того, названа одна из важнейших причин неэффективного использования систем водоснабжения в сельской местности. «Непривлечение местного населения к техническому обслуживанию, нехватка персонала и недостаток средств на обслуживание являются основными причинами того, что существующие системы водоснабжения не приносят ожидаемых результатов». О серьезных проблемах с сельской санитарией можно было, например, судить по тому, что «почти 98% сельских домовладений не имеют выгребных ям», и «за [прошедшие] десятилетия санитарные удобства смогли быть предоставлены только 25% сельского населения». О канализации и санитарии в городах утверждалось почти то же самое: «Положение с городской канализацией и санитарией еще менее удовлетворительно. Из 3119 городов только 198 обеспечены канализацией» [17].

Наконец, была выявлена и такая проблема, как постоянный перекос в финансировании городских проектов в области водоснабжения и канализации над сельскими. «До конца Четвертого

Санитарные улучшения в современной Индии (1947–2020-е гг.)

пятилетнего плана, т.е. в период 1951–1974 гг., общий объем инвестиций центрального правительства и правительств штатов в обеспечение водоснабжения и канализации составил порядка 855 млн рупий, из которых более 65% приходилось на городские районы» [17]. В ответ на это в Шестом плане было решено сделать акцент на решении санитарных проблем средних и малых городов, а в решении проблем сельской местности более активно прибегать к недорогим техническим решениям и более широко привлекать местные органы власти и местное население к обслуживанию построенных для них водопроводных сооружений. Одним из технических решений проблемы санитарии (удаления нечистот) должно было стать широкое использование простых туалетов с гидрозатвором (water-seal latrines). Наконец, впервые по сравнению с предыдущими пятилетиями в Шестом плане четко прозвучала мысль о том, что предоставляемые государством населению водоснабжение и канализация являются услугами, за которые надо платить, «по крайней мере окупать расходы на их эксплуатацию» [17]. Несомненно, это были новые веяния в политике государства, обусловленные проблемами эпохи экономических кризисов 1970-х годов.

Все же, несмотря на вскрытый груз тяжелейших проблем, в Шестом плане были представлены факты, позволяющие говорить хотя и о медленном, но прогрессе. В частности, он касался городского водоснабжения. О количестве городов и численности городских жителей, имеющих доступ к водоснабжению, позволяет судить следующая информация, представленная в Плане (табл. 2).

Таблица 2

Количество городов и численность населения, обеспеченного системами водоснабжения (к 1980 г.) [17]

Категории городов по классам (в тыс. человек)	Общее количество городов	Количество городов, использующих водоснабжение	Общая численность населения	Население, использующее водоснабжение
1	2	3	4	5
1-й класс (свыше 100)	151	149	5,538 млн	5,060 млн
1	2	3	4	5
2-й класс (от 50 до 100)	219	206	14,712 млн	12,480 млн

3-й класс (от 20 до 50)	652	542	19,947 млн	15,197 млн
----------------------------	-----	-----	------------	------------

1	2	3	4	5
4-й класс (от 10 до 20)	987	649	13,961 млн	8,504 млн
5-й класс (от 5 до 10)	820	423	6,197 млн	3,171 млн
6-й класс (менее 5)	290	123	0,896 млн	0,359 млн
Всего	3119	2092	109,093 млн	90,383 млн

В 1984 г. премьер-министр Индии И. Ганди погибла от рук террориста, и ее призыв «хранить свою веру крепко» стал как никогда актуальным. Многолетняя упорная борьба руководителей Индийского государства, касающаяся санитарных улучшений, все еще не была успешно завершена. Необходимы были не только новые силы и средства для ее продолжения, но и некие неординарные решения. Строго говоря, они уже были отчасти найдены и состояли в том, чтобы возложить хотя бы часть моральной и материальной ответственности за содержание водопровода и канализации на население. До сих пор правительство Индии занимало в этом вопросе чисто патерналистскую позицию и не было готово к тому, чтобы продавать своему народу воду и взимать с него плату за санитарное удаление нечистот. Но все же социалистический подход к водоснабжению и санитарии отбросить в одночасье было невозможно. При новом премьер-министре Р. Ганди (1944–1991) старая политика в данном вопросе все еще давала о себе знать, хоть поворот к трактовке водоснабжения и канализации как социальной услуге уже состоялся.

В рамках Седьмого пятилетнего плана были подведены итоги работы, выполненной правительством матери нового премьер-министра. Весьма впечатляющим выглядел рост численности населения в городах и сельской местности, получивших доступ к водоснабжению и санитарии в последние годы премьерства И. Ганди. Об этом позволяет судить табл. 3.

Задачи на период реализации Седьмого пятилетнего плана (1985–1990) были во многом продиктованы приверженностью нового индийского руководства позиции ООН, которая объявила де-

сятилетие с 1981 по 1990 г. временем, когда все население страны должно было получить доступ к защищенным системам водоснабжения, а значительная часть населения к санитарии – 80% городского и 20% сельского населения. Для решения этих задач предусматривалось выделение 652,247 млн рупий на водоснабжение и санитарию, или 3,62% от общего объема всех государственных расходов, что было совсем немногим больше, чем расходы на эти цели за почти четверть века с 1951 по 1974 г., когда они в совокупности составили 855 млн рупий. Причем расходы на эти цели со стороны штатов должны были составить 528,564 млн, а со стороны центрального правительства – 123,683 млн рупий [18].

Таблица 3

**Доступ населения к водоснабжению и санитарии
в ходе реализации Шестого пятилетнего плана [18]**

№	Сектор	Численность населения, получившее доступ к водоснабжению и санитарии на 31.03.1981	Ожидаемая численность населения, получившего доступ к водоснабжению и санитарии на 31.03.1985
1	Сельское водоснабжение	162,07 млн (31%)	299,78 млн (53,9%)
2	Городское водоснабжение	115,48 млн (77,8%)	133,91 млн (81,1%)
3	Сельская санитария	2,80 млн (0,5%)	5,70 млн (0,95%)
4	Городская санитария	40,03 млн (27,0%)	57,27 млн (33,0%)

В рамках Седьмого плана впервые было обращено внимание на проблему водоснабжения зарегистрированных каст, зарегистрированных племен и безземельных сельскохозяйственных рабочих, а также на обеспечение водой населения пустынных и горных территорий в штатах Раджастан, Харьяна и Мадхья-Прадеш. Было принято решение о выделении средств для обслуживания уже имеющихся насосных механизмов с целью продления их жизни. Вечно нерешаемых вопросах сельской санитарии было принято решение поддержать практику строительства дешевых туалетов с простейшими системами смыва. В управлеченском плане разработчики Седьмого плана рекомендовали властям штатов ши-

ре взаимодействовать со всеми без исключения органами местного самоуправления, чтобы добиться максимального вовлечения населения в вопросы санитарии. Кроме того, в ходе реализации Седьмого плана правительством Р. Ганди была запущена Правительственная программа сельской санитарии (Central Rural Sanitation Programme) (1986), призванная сдвинуть с мертвой точки вопросы санитарной очистки в сельской местности. Как покажет время, эта программа имела лишь относительный успех, но своей цели не достигла ни при Р. Ганди, ни при новом правительстве.

В целом, санитарные преобразования периода 1969–1990 гг., проводившиеся в Индии, в основном определялись политическим курсом, который осуществляли И. Ганди и ее преемник Р. Ганди. Правительство И. Ганди, вынужденное реагировать на масштабные вызовы первой половины 1960-х годов (две войны, засуху и голод), перешло к более рациональному использованию ресурсов в вопросах обеспечения населения водоснабжением и санитарией. Акцент был сделан на помочь большим городам, тогда как малые и средние города и сельская местность обеспечивались по остаточному принципу. Экономический кризис 1970-х годов, вызвавший рост инфляции и усугубивший проблемы бедности, побудил правительство И. Ганди к очередной корректировке своего курса, и в первой половине 1980-х годов акцент был сделан на поддержке малых и средних городов и сельской местности. В рамках планирования социально-экономического развития страны в годы Четвертой пятилетки (1969–1974) вопросы водоснабжения и санитарии перестали рассматриваться как вопросы общественного здоровья и были связаны с проблемами инфраструктурного развития. В годы Шестой пятилетки (1980–1985) под давлением экономических трудностей правительство начало трактовать их как продаваемую социальную услугу, побуждая местные органы власти и население нести расходы на содержание систем водоснабжения и канализации. Несмотря на определенный прогресс в плане санитарных улучшений к концу 1980-х годов города продолжали оставаться в лучшем положении, чем сельская местность, а проекты по водоснабжению реализовывались успешнее, чем проекты по санитарной очистке. Особенно удручающим продолжало оставаться положение дел с сельской санитарией.

Санитарные улучшения в условиях неолиберального развития (с 1991 г.)

На протяжении всех периодов развития Индии во второй половине XX в. особенности санитарных реформ в этой стране определялись характером политического курса, проводившегося правительством. При Дж. Неру в годы первых трех пятилеток (1951–1966) и при И. Ганди и Р. Ганди (1969–1990) инициатором санитарных улучшений в стране было центральное правительство, пытавшееся подталкивать региональные и местные органы власти и население на местах к более ответственному отношению к вопросам водоснабжения и санитарии. Фактически, все санитарные улучшения проводились сверху, и в этом смысле повторялась история с санитарными преобразованиями в колониальный период, когда импульсы такого рода исходили от британцев.

На рубеже 1980-х и 1990-х годов, когда Западный мир, избрав неолиберальный курс, сумел выбраться из затяжного экономического кризиса, и, напротив, начался распад мировой системы социализма во главе с СССР, Индия фактически пребывала в состоянии экономического упадка. Первые шаги в сторону перехода к политике открытости и либерализации экономики были сделаны уже при Р. Ганди, но решающие усилия в этом направлении были совершены уже после его смерти десятым премьер-министром Индии Нарасимхой Рао (1921–2004) и его министром финансов Манмоханом Сингхом (род. 1932), который впоследствии возглавил и индийское правительство (2004–2014). Неолиберальный курс Рао–Сингха, провозглашенный в 1991 г., привел к отказу государства от активной социально-экономической деятельности. Это напрямую коснулось и характера санитарных реформ: вместо стратегии на поставку бесплатных или частично оплачиваемых услуг в сфере водоснабжения и санитарии была избрана стратегия на формирование спроса на санитарные услуги. Данная стратегия нашла отражение в очередных планах пятилетнего развития Индии с Восьмого по Двенадцатый (1991–2017) и во многом сохраняется в настоящее время, когда планы пятилетнего развития перестали приниматься.

В предисловии к Восьмому плану (1992–1997) Рао, в качестве председателя Комиссии по планированию, писал: «Начало

реализации Восьмого плана приходится на период кардинальных перемен в мире и в Индии. Международный политический и экономический порядок ежедневно перестраивается, и по мере того как завершается XX век, многие из его отличительных философий и черт также уходят в прошлое. В этом неспокойном мире наша политика также должна учитывать меняющиеся реалии». Антикризисный характер Восьмого плана, заявленный в предисловии, включал в себя упоминание и о санитарных преобразованиях: «В Восьмом плане приоритетное значение придается созданию достаточных возможностей для трудоустройства с целью достижения практически полной занятости к началу века, развитию народных институтов, сдерживанию роста населения, всеобщему начальному образованию, ликвидации неграмотности, обеспечению всех безопасной питьевой водой и первичными медицинскими услугами» [19]. Восьмой план предусматривал средний рост ВВП на уровне 5,6% и вовлечение в его реализации всех «социальных партнеров» по развитию – правительства, бизнеса, профсоюзов, фермеров и т.д.

Вопросы водоснабжения и санитарии в Восьмом плане были определены в свете вопроса об экономике услуг. «Не меньшую тревогу вызывает и дефицит услуг. В 1985 г. только 28% городского населения имели доступ к надлежащей санитарии, а 27% городского населения не имели в пределах разумного расстояния источника безопасной воды» [20]. Как и прежде санитарные улучшения были напрямую увязаны с проблематикой жилищного строительства. Акцент был сделан на малозатратную санитарию и использование альтернативных технологий.

Восьмой пятилетний план основывался в вопросах водоснабжения и санитарии на четырех принципах.

1. Охрана окружающей среды и сохранение здоровья людей путем комплексного управления водными ресурсами, жидкими и твердыми отходами.

2. Организационные реформы, способствующие комплексному подходу и включающие изменения в процедурах, подходах и поведении, а также полное участие женщин на всех уровнях.

3. Управление услугами на уровне общин, подкрепленное мерами по укреплению местных институтов в реализации и поддержании программ водоснабжения и санитарии.

4. Рациональная финансовая практика, достигаемая за счет более эффективного управления имеющимися активами и широкого использования соответствующих технологий.

На программы водоснабжения и санитарии предусматривалось выделение 16 711,03 млн рупий, из них 10 743,03 млн – за счет средств штатов и 5968 млн за счет средств центрального правительства. В общем объеме расходов государственного сектора это составляло 3,85% [20], т.е. больше, чем в Седьмую пятилетку и до объявления новой экономической политики. В эту сумму были включены и средства, предоставленные Всемирным банком и другими международными организациями. Разработчики плана надеялись, что на реализацию программ санитарных улучшений поступят и дополнительные средства от местных органов власти, НПО и частного сектора.

Реализация программ санитарного улучшения происходила на фоне продолжающегося демографического роста. Если в 1980 г. численность населения составляла 688,856 млн человек, то в 1990 г. – 849,415 млн, а в 1992 г. – 910,065 млн. В 1997 г., т.е. к концу Восьмой пятилетки, население Индии перевалило за 1 млрд человек. В Восьмом плане эти обстоятельства были во многом учтены. Охват сельского и городского населения услугами водоснабжения и санитарии к 1992 г. и планируемый охват к концу 1997 г. представлен в таблице 4.

Таблица 4

**Доступ населения к водоснабжению и санитарии согласно
Восьмому пятилетнему плану [20]**

№	Сектор	Численность населения, получившего доступ к водоснабжению и санитарии на 31.03.1992	Ожидаемая численность населения, получившего доступ к водоснабжению и санитарии к концу 1997 г.
1	Сельское водо-снабжение	486,11 млн (78,4%)	674,80 млн (100%)
2	Городское водо-снабжение	185,67 млн (84,9%)	250,67 млн (94,03%)
3	Сельская санитария	16,96 млн (2,73%)	33,76 млн (5,0%)
4	Городская санитария	104,76 млн (47,9%)	184,76 млн (69,31%)

Таким образом, планы правительства Рао–Сингха в период реализации Восьмого плана были амбициозны, прежде всего, в вопросах обеспечения населения питьевой водой. Но городская и особенно сельская санитария продолжали оставаться трудно разрешимой проблемой, окончательное решение которой вновь откладывалось на будущее.

В 1996 г. после многолетнего доминирования на политической сцене Индии партии Индийский национальный конгресс (ИНК) должность премьер-министра получил выходец из рядов оппозиции – Бхарати Джаната парти (БДП) – Аталь Бихари Ваджпаи (1924–2018). При нем был реализован Девятый план пятилетнего развития (1997–2002) и начал реализовываться Десятый план (2002–2007). На фоне продолжающегося роста численности населения Индии и с учетом того, что Правительственная программа сельской санитарии (с 1986 г.) не достигла заявленных результатов, в 1999 г. правительство Ваджпаи инициировало очередную амбициозную программу – Программу всеобщей санитарии (Total Sanitation Campaign). Предполагалось, что она сможет поставить точку в затянувшихся попытках руководства довести санитарную реформу до конца.

По сравнению с предыдущими периодами в Девятом плане произошли некоторые терминологические изменения. Вместо термина «водоснабжение» (water supply) стал использоваться термин «питьевая вода» (drinking water). Это стало следствием проводимой политики приватизации и отражало стремление правительства побудить частный сектор к более активному участию в решении проблем управления водными ресурсами, дифференцировав различные группы потребителей воды – промышленность и население. Разработчики Плана заявляли: «Питьевое водоснабжение и санитария являются очень важными и решающими для достижения цели “Здоровье для всех”. Правительство взяло на себя обязательство в течение пяти лет обеспечить питьевой водой каждый населенный пункт страны» [21].

В рамках Девятого плана были подведены некоторые итоги реализации Восьмого плана. В частности, было показано, что сельское водоснабжение столкнулось с новыми трудностями – быстрым истощением грунтовых вод и износом насосов. Тем не менее в рамках Девятого плана ставилась задача обеспечить пить-

евой водой 100% населения страны [21]. Реализация программ городской санитарии оценивалась в основном отрицательно. «Результаты реализации программы на физическом и финансовом фронтах не впечатляют. Это объясняется целым рядом причин, в частности: недостаточностью проектов, предоставляемых правительствами штатов; задержками в подготовке документов и бумаг для выдачи кредита и субсидии (отдельно для каждого бенефициара); медленным получением субсидии из-за недостаточного физического прогресса, несоответствующей технологии, недостаточной информированности и нежелания правительств штатов давать гарантии» [21]. Итоги реализации программ сельской санитарии выглядели лучше, но все же были далеки от желаемого. С 1991 по 1997 г. «охват населения санитарными уборными увеличился с 11 до 16%» [21]. Насколько убедительны были эти данные, было неясно, поскольку в планах предыдущего правительства на 1997 г. значилась более скромная цифра – 5%.

Задачи области снабжения питьевой водой и санитарными услугами на 1997–2002 гг. связывались с комплексным подходом к предоставлению водоснабжения и санитарии. Акцент ставился на то, чтобы уменьшить масштабы заражения воды и предотвратить распространение болезней. Важным было решить проблему водоснабжения малых городов с численностью населения до 20 тыс. человек. В обеспечении питьевой водой сельской местности акцент делался на водоснабжение населенных пунктов, не имеющих воды. Отдельно ставилась задача по обеспечению водой домашнего скота. В области городской санитарии ставилась задача полностью отказаться от использования сухих туалетов и ручной уборки нечистот и ввести законодательный запрет на эту практику. Вместо этого предлагалось более активно внедрять санитарные туалеты с водяным смытом. В малых городах и центрах паломничества допускалось использование недорогих традиционных систем канализации. В связи с возникновением чумы в некоторых местностях была поставлена задача эффективной утилизации твердых отходов. Правительство предлагало ввести принцип «загрязнитель платит» и приватизировать эту сферу. В сфере сельской санитарии предлагалось практиковать подход, альтернативный городскому – основанный на спросе и низких затратах на санитарные услуги.

Для решения задач в области городского водоснабжения и санитарии на Девятую пятилетку выделялось 5250 млн рупий [21].

В Десятом плане пятилетнего развития (2002–2007) был изложен новый подход к воде: она рассматривалась как экономическое благо, а не как бесплатный товар. Утверждалось, что «поставки воды потребителям, как правило, должны осуществляться на основе принципа эффективного спроса, который в целом должен соответствовать тому уровню услуг, который пользователи как сообщество готовы поддерживать, эксплуатировать и финансировать. В то же время должны быть предусмотрены специальные условия для удовлетворения потребностей бедных слоев населения, имеющих меньшую платежеспособность» [22, р. 633–634]. Правительство широко открывало двери частному сектору. С целью формирования спроса со стороны населения на услуги в области водоснабжения и санитарии предлагалось создание магазинов санитарной техники (*sanitary mart*), которые должны были стать новыми центрами распространения санитарных услуг и создать у населения стимулы к поиску самостоятельных решений в сфере санитарии.

В Десятом плане был сделан новый шаг по снятию с правительства ответственности за водоснабжение. Теперь ответственность возлагалась на местные органы власти. «Хотя планирование сельского водоснабжения осуществляется на уровнях центра и штатов, ответственность за его реализацию должна лежать на местном уровне, на панчаятах и организациях потребителей» [22, р. 602]. Как и в Девятом плане, в Десятом ничего больше не сообщалось о расходах правительства на сельскую санитарию. Предполагалось, что решение этой проблемы в рыночных условиях станет делом населения и местных органов власти. «В сельских панчаятах должны быть приняты подзаконные акты о строительстве, в которых не допускается использование сухих уборных. Любая строящаяся уборная должна быть с гидрозатвором и с выгребной ямой. Это позволит предотвратить возникновение проблемы ручного сбора мусора» [22, р. 607]. При этом подчеркивалось, что приоритет должен отдаваться школьной санитарии. Расходы на городское водоснабжение и канализацию также снимались с правительства и становились делом инвесторов. Предполагалось, что совокупный уровень инвестиций в городскую ин-

фраструктуру водоснабжения и канализацию будет высоким. На период 1996–2001 гг. он оценивался в 28 297 млн рупий, а на период 2001–2006 гг. – 27 773 млн [22, р. 637].

С 2004 по 2014 г. очередным премьер-министром Индии был Манмохан Сингх (род. 1932), известный как один из самых решительных сторонников неолиберального курса. При нем были приняты последние два пятилетних плана развития Индии – Одиннадцатый (2007–2012) и Двенадцатый (2012–2017), после чего планирование на пятилетки прекратилось. Программы санитарных улучшений в годы премьерства Сингха во многом основывались на подходах, разработанных с его же участием при правительстве Рао. По-прежнему акцент делался на поддержке частных инициатив, и правительство предпочитало лишь дирижировать работой местных органов власти и частного сектора.

Период премьерства Сингха совпал с периодом бурного экономического роста индийской экономики, причиной которого стал проводимый им и его командой курс. Этот рост начался уже в годы Десятой пятилетки, когда Сингх был министром финансов в правительстве Рао. В предисловии к Одиннадцатому плану пятилетнего развития Сингх с гордостью говорил о том, что с 2004 по 2008 г. ежегодный рост индийской экономики составлял 8,9%, что сделало ее «одной из самых быстро растущих экономик в мире» [23, р. III]. С этим фактом был связан и амбициозный характер задач, которые ставила команда Сингха на предстоящее пятилетие. Уже налицо были огромные успехи в различных отраслях промышленности, финансовом секторе, цифровых технологиях, но в области обеспечения населения питьевой водой, санитарией и «чистыми условиями жизни» (clean living condition) еще сохранялись проблемы, которые предстояло решить. Но теперь эти проблемы уже не воспринимались как вековое проклятье. Появилась твердая уверенность, что с ними удастся справиться.

К моменту начала правления Сингха лишь 91% городского населения был обеспечен питьевой водой и 63% горожан могли пользоваться канализацией и туалетами низкой стоимости. За время действия Десятого плана водоснабжением было охвачено 352 992 населенных пункта. Сохранялись проблемы с качеством питьевой воды в сельской местности: миллионы людей пользовались водой с примесями железа, флюорита, солей, мышьяка, нит-

ратов [24, р. 162–163]. Предполагалось к концу реализации Одиннадцатого плана в 2012 г. охватить услугами водоснабжения 100% городского населения. Расходы на эти цели оценивались в 53 666 млн рупий. Новым подходом, который стал использоваться в Одиннадцатом плане, было стимулирование деревень и малых населенных пунктов, которые были свободны от «открытой дефекации», и вручение им премий, в частности премии Nirmal Gram Puraskar. Для стимулирования городских территорий в 2005 г. была внедрена премия Национальной миссии по обновлению городов имени Джавахарлала Неру в размере 75 тыс. рупий. На период Одиннадцатого плана планировалось выделить на сельское водоснабжение и санитарию 41 286 млн рупий. Весьма амбициозным выглядели планы по сельской местности. Планировалось достигнуть 100% охвата населения услугами по предоставлению питьевой воды к 2009 г. и санитарией к 2012 г. [24, р. 170, 181].

Реализовать задачи Одиннадцатого плана в полной мере вновь не удалось. Во многом потому, что темпы санитарного благоустройства попросту не успевали за ростом численности населения. Так, в 2000 г. население Индии составляло 1,053 млрд человек. В 2004 г., когда начал реализовываться Одиннадцатый план, оно достигло 1,122 млрд, в 2007 г. – 1,134 млрд, а в 2012 г. – 1,212 млрд человек. Возвращаясь к 1950 г., когда численность индийцев составляла чуть более 350 млн человек, приходится констатировать, что всего за 60 лет она увеличилась в четыре раза. Очевидно, что с таким демографическим давлением стране, строящей свою экономику фактически заново, справиться было непросто. Вот почему правительство Сингха было не склонно драматизировать ситуацию и продолжало свой курс, в том числе и в плане санитарных улучшений.

В предисловии к Двенадцатому плану (2012–2017) Сингх отмечал, что реализация Плана началась в условиях очередного финансового кризиса мировой экономики, «вызванного проблемами суверенного долга Европы». Этот кризис не мог не затронуть и Индию, темпы роста экономики уменьшились до 6,2%, а затем и до 5% [25, р. V]. При этом даже в такой сфере, как водоснабжение и санитария, успехи уже были значительными. Особенно серьезными они были в области водоснабжения. Индия с ее жарким климатом и огромными, почти безводными территориями, одну из

своих ставок сделала на использование подземных вод. По данным на 2010 г., Индия стала абсолютным мировым лидером среди стран по забору подземных вод (251 куб. км/год), опережая КНР и США (по 112 куб. км/год каждая страна) и быстро развивающиеся в этой сфере Пакистан (64 куб. км/год) и Иран (60 куб. км/год) [25, р. 155]. Использование подземных вод позволило Индии более успешно реализовывать свои программы водоснабжения, чем это могло бы быть при прочих случаях.

Масштабы инвестиций в сельское водоснабжение постоянно росли. Рост инвестиций в этот сектор в период с 1951 по 2012 г. позволяет оценить табл. 5.

Таблица 5

Инвестиции в снабжение сельского населения питьевой водой с 1951 по 2012 г. в млн рупий [26, р. 300]

Пятилетний период	Инвестиции правительства	Инвестиции штатов
Первый (1951–1956)	0	3
Второй (1956–1961)	0	30
Третий (1961–1966)	0	48
Четвертый (1969–1974)	34	208
Пятый (1974–1979)	157	348
Шестой (1980–1985)	895	1530
Седьмой (1985–1990)	1906	2471
Восьмой (1992–1997)	4140	5084
Девятый (1997–2002)	8455	10 773
Десятый (2002–2007)	16 254	15 102
Одиннадцатый (2007–2012)	39 211	49 000

С учетом постоянного роста населения достичь заветной величины 100% в обеспечении сельского населения питьевой водой едва ли было возможно. Вместо этого правительство Сингха ставило более рациональную задачу – достичь уровня потребления питьевой воды в размере 70 л на душу населения в день (л/дс/д). В период 1970–2010-х годов средняя норма потребления составляла 40 л/дс/д. В Двенадцатом плане ставилась задача достичь величины 55 л/дс/д [26, р. 301].

В сфере городского водоснабжения и санитарии, где прогресс был более явным, было решено сделать акцент на «универсализации водоснабжения и санитарии». В Двенадцатой пятилетке

ставилась задача «обеспечить всеобщий охват всего городского населения минимальным уровнем безопасной питьевой воды и воды для бытовых нужд, а также чистыми туалетами, канализацией, ливневой канализацией и утилизацией твердых отходов». Значимым был также тренд на «повторное использование очищенных сточных вод в промышленных целях». Потребности городского коммунального хозяйства с учетом различных секторов оценивались следующим образом (табл. 28).

Таблица 6

Потребность в инвестициях городского коммунального хозяйства на период 2012–2017 гг. [26, р. 350]

Сектор	Потребность в инвестициях из всех источников (в млн рупий)	Доля от потребностей в общем объеме инвестиций в городской сектор
Водоснабжение	320 908	10,4%
Канализация	242 688	7,8%
Обращение с твердыми бытовыми отходами	48 452	1,6%
Дренаж ливневых вод	191 031	6,2%
Итого	803 079	26%

В сфере сельской санитарии, где прогресс был крайне медленным, следовало выяснить причины этого отставания. В колониальный период, как и в первые десятилетия независимости, обычным объяснением этого было культурное невежество населения – его нежелание отказываться от традиционных гигиенических практик, в том числе открытой дефекации (*open defecation*). Используя данные регулярных переписей населения, разработчики Двенадцатого плана установили, что бытовые условия жизни в сельской местности постоянно улучшались, но во многих местах появление водопроводной воды, радио, телевидения и телефона опережало появление санитарных туалетов. Судить об этом позволяла ситуация с наличием бытовых удобств в штатах с наихудшими показателями по наличию туалетов в сельской местности. Она отражена в таблице 7.

Таблица 7

Доступ к бытовым удобствам в штатах с наихудшими показателями по наличию туалетов в сельской местности Индии на 2011 г. процент домохозяйств) [26, р. 303]

№	Штат	Туалет	Водопровод	Радио	Телевизор	Телефон
1	Джаркханд	7,6	3,7	17,3	13,7	38,7
2	Мадхья-Прадеш	13,1	9,9	13	18,6	36,4
3	Одиша (Орисса)	14,1	7,5	10,6	19,4	33,6
4	Чхаттисгарх	14,5	8,8	9,5	21,1	21,2
5	Бихар	17,6	2,6	25,8	10,2	53,5
6	Раджастан	19,6	26,9	13,9	25,6	66,2
7	Уттар-Прадеш	21,8	20,2	25	23,5	63,6
8	Тамил Наду	23,2	79,3	18,7	85,3	66,3
9	Карнатака	28,4	56,4	17,6	46,3	62,6
10	Андрха-Прадеш	32,2	63,4	6,1	49,3	54,8

Характерным признаком, которое прозвучало в Двенадцатом плане, было не только то, что сельское население было слабо обеспечено туалетами, особенно в таких штатах, как Джаркханд, Мадхья-Прадеш, Одиша и др. (см. выше), но и то, что в большом числе случаев туалеты не пользовались популярностью среди населения. Приводимые данные из Совместной программы мониторинга ВОЗ / ЮНИСЕФ показывали, что в 2008 г. около 638 млн человек в Индии по-прежнему испражнялись открытым способом, а использование санитарных сооружений составляло 30,7% при охвате санитарией в 57% за тот же год. Исследования ЮНИСЕФ 2008 г. в 56 грамм панчаятах (общинах) показали, что 70% семей предпочитали открытую дефекацию туалетам. Анализируя эти данные, разработчики Двенадцатого плана делали вывод, что причинами неприятия со стороны сельского населения туалетов было их низкое качество, недострой, а также загрязненность воды, которая в них поступала. Впервые особое внимание было обращено на гендерные аспекты этой проблемы. В частности, было показано, что в сельской местности туалетами избегают пользоваться прежде всего женщины. Вследствие этого разработчики Плана призвали местные общины и органы самоуправления более внимательно отнестись к потребностям женской половины населения при решении проблем сельской санитарии [26, р. 302–303].

На протяжении 2010-х годов деятельность индийского правительства, связанная с обеспечением населения питьевой водой и услугами санитарии, неизменно находилась в поле внимания международных организаций. Похоже, что особенно интересным в этом плане были сведения, касающиеся двух самых крупных азиатских держав – Индии и Китая – в их сопоставлении с европейскими странами. Некоторые из таких сведений могут быть почерпнуты из отчетов ВОЗ. В частности, отчет ВОЗ за 2015 г. позволяет увидеть прогресс обеих стран за период с 1990 по 2012 г. Выборочная информация из него приводится в таблице 8.

Таблица 8

Динамика обеспеченности населения Индии водопроводной питьевой водой и улучшенной санитарной техникой по сравнению с Китаем, а также Великобританией и Германией с 1990 по 2012 г. [27, р. 102–108]

Страны / годы	Обеспеченность водопроводной водой			Обеспеченность улучшенной санитарией		
	1990	2000	2012	1990	2000	2012
Индия	70	81	93	18	25	36
Китай	67	80	92	24	45	65
Великобритания	100	100	100	100	100	100
Германия	100	100	100	100	100	100

Исследования ВОЗ / ЮНИСЕФ конца 2010-х годов, которые были использованы при разработке Двенадцатого плана, вызвали широкий отклик у индийской общественности, породив целый шквал публикаций по проблемам сельской санитарии. В некоторых из них акцент был сделан на проблемах плохого управления сектором сельской санитарии, обращалось внимание на ведомственную неразбериху, коррупцию и т.п. Реализация запущенной в 1999 г. Всеобщей кампании по санитарии (Total Sanitation Campaign) признавалась неудачной [28–30]. В других исследованиях была предпринята критическая трактовка проблем индийской санитарии, предпринят анализ с позиций проблематики прав человека, особенно прав женщин, чьи потребности обычно не учитывались при строительстве и использовании санитарных сооружений, в особенности туалетов в сельской местности [31–33].

Характерно, что эти публикации появились именно в период неолиберального курса, когда государство сложило с себя ответственность за социальную сферу, возложив ее на частный сектор. Именно в этот период появился дискурс о «праве на санитарию», тогда как во времена Дж. Неру, И. Ганди и Р. Ганди государство скорее пыталось принуждать свое население к санитарии.

С приходом на место премьер-министра Нарендры Моди (1950), представляющего Бхарати Джаната Парти, практика государственного пятилетнего планирования была прекращена, и Пятилетки закончились. Из рук своего предшественника Моди получил динамично развивающуюся страну, чья экономика стремительно взошла на одно из первых мест в мире. В числе нерешенных до конца проблем ему досталась проблема сельской санитарии. Одним из самых первых его начинаний стала государственная инициатива Swachh Bharat – Swachh Vidyalaya (Чистая Индия – Чистые школы) [34]. Одно из заявлений, которое сделал нынешний премьер-министр, звучало весьма радикально: «Строительство туалетов для нас важнее строительства храмов» [35]. Выступая критиком политики, проводимой партией ИНК, в вопросах санитарии Моди фактически занял ту же самую линию, которую до него занимали М. Ганди, Дж. Неру и другие индийские лидеры, связанные с ИНК. Он провозгласил мысль о том, что строительства одних только туалетов недостаточно. «Для исправления ужасающих санитарных условий в Индии требуется... изменение привычек» [35].

Программа санитарных реформ «Чистая Индия», инициированная Моди, продолжается. Первые ее успехи уже очевидны, но до завершения дела пока не дошло. Решительность, с какой действует нынешнее правительство, дает о себе знать. Особенно показательны PR-кампании, которые сопровождают курс нынешнего главы правительства. При Моди в Индии ситуация с санитарией явно меняется, но для первой по численности населения страны, какой Индия стала в январе 2023 г., достигнув 1,423 млрд человек, это является сверхсложным вызовом, на который ответ дается прямо сейчас. Программа «Чистая Индия», призванная отучить сотни миллионов индийцев от открытой дефекации и привести их в комфортабельные туалеты постоянно анализируется как на

уровне специально учрежденного Министерства питьевой воды и санитарии [36], так и со стороны независимых экспертов [37].

В целом, санитарные улучшения в Индии после 1991 г. проходили в рамках неолиберального политического курса, осуществляемого правительствами Н. Рао, А.Б. Ваджпаи, М. Сингха и Н. Моди. Отказавшись от большинства социально-экономических обязательств, государство передало инициативу в проведении санитарных реформ органам местного самоуправления, частному бизнесу и населению. Пробуждение экономической инициативы снизу способствовало быстрому экономическому росту страны, который стал особенно очевиден с середины 2000-х годов. В новой ситуации питьевая вода стала товаром, появился рынок услуг в сфере водоснабжения и поставок санитарной техники. На фоне экономического роста стало возможным добиться существенных успехов в обеспечении городского населения питьевой водой и услугами канализации. Успехи Индии в добыче подземных вод во многом позволили решить проблему сельского водоснабжения. Вместе с тем сохраняется проблема, которую Индия продолжает решать и в наши дни – сельская санитария. Международные исследования ВОЗ / ЮНИСЕФ второй половины 2000-х годов вывели данную проблему в поле зрения широкой общественности, привели к появлению новых подходов к ее решению. Среди правительственные и неправительственные экспертов все более утверждается мнение, что одного лишь стремления за количественными показателями недостаточно, а санитарные улучшения в сельской местности должны осуществляться с учетом интимных потребностей местных жителей, особенно женщин. При этом в дискуссиях эпохи неолиберальных реформ все большее место занимает дискурс о «праве на санитарию». Впечатляющие данные о сохраняющихся в стране масштабах практик открытой дефекации побуждают индийских политиков, таких как Н. Моди, считать, что властям необходимо менять гигиенические привычки населения.

Список литературы

1. Maddison A. Development Centre Studies. The World Economy. Vol. 2. Historical Statistics. – Paris : OECD Publishing, 2006. – 656 p.
2. Adhia N. The History of Economic Development in India Since Independence // Education about Asia. – 2015. – Vol. 20 (3). – P. 18–22.

3. Неру Дж. Открытие Индии. Кн. 2. – Москва : Политиздат, 1989. – 507 с.
4. Rathi S. Importance of Gandhian Thoughts About Cleanliness. – URL: <https://www.mkgandhi.org/articles/gandhian-thoughts-about-cleanliness.html>
5. Benny G. Sanitation Programmes: A Glass Half-full // Economic and Political Weekly. – 2009. – Vol. 44 (8). – P. 65–67.
6. The First Five Year Plan. A Draft Outline. – New Delhi : Government of India : Planning Commission, 1951. – 296 p.
7. Dr. B.C. Das Gupta // Indian Public Health Association. – URL: <https://www.iphaonline.org/awards-of-ipha/dr-b-c-das-gupta-b-sc-m-b-m-r-c-p-l-m-d-p-h-d-t-m-h/>
8. Government of India. Ministry of Health. Report of the Environmental Hygiene Committee, October 1949. – Simla : Government of India press, 1950. – 208 p.
9. Report of the Health Survey and Development Committee. Vol. 1. – Calcutta : Government of India Press, 1945. – 198 p.
10. First Five-Year Plan, 1951–1956. – New Delhi : Planning Commission, 1951. – URL: <https://web.archive.org/web/20170804075046/http://www.planningcommission.nic.in/plans/planrel/fiveyr/welcome.htm>
11. The Second Five-Year Plan, 1956–1961. – New Delhi : Planning Commission, 1956. – URL: https://web.archive.org/web/20170814144042fw_/http://planningcommission.nic.in/plans/planrel/fiveyr/2nd/2planch25.html
12. Atkins C.H. Development of the National Water Supply and Sanitation Program in India // American journal of public health. – 1957. – Vol. 47 (10). – P. 1257–1264.
13. The Third Five-Year Plan, 1961–1966. – New Delhi : Planning Commission, 1961. – URL: https://web.archive.org/web/20170729084624fw_/http://planningcommission.nic.in/plans/planrel/fiveyr/3rd/3planch32.html
14. The Fourth Five-Year Plan, 1969–1974. – New Delhi : Planning Commission, 1969. – URL: https://web.archive.org/web/20170729080642fw_/http://planningcommission.nic.in/plans/planrel/fiveyr/4th/4ppre.htm
15. Accelerated rural water supply programme guidelines, 1999. – Geneva : International environmental law research centre, 1999. – URL: <https://www.ielrc.org/content/e9914.pdf>
16. The Fifth Five-Year Plan, 1974–1979. – New Delhi : Planning Commission, 1974. – URL: https://web.archive.org/web/20170713231434fw_/http://planningcommission.nic.in/plans/planrel/fiveyr/5th/5planch5.html
17. The Six Five-Year Plan, 1980–1985. – New Delhi : Planning Commission, 1980. – URL: https://web.archive.org/web/20170729085131fw_/http://planningcommission.nic.in/plans/planrel/fiveyr/6th/6planch23.html
18. The Seventh Five-Year Plan, 1985–1990. Vol. 2. – New Delhi : Planning Commission, 1985. – URL: https://web.archive.org/web/20170902093148fw_/http://planningcommission.nic.in/plans/planrel/fiveyr/7th/vol2/7v2ch12.html
19. The Eighth Five-Year Plan, 1992–1997. Vol. 1. – New Delhi : Planning Commission, 1992. – URL: <https://web.archive.org/web/20170731160411/http://planningcommission.nic.in/plans/planrel/fiveyr/welcome.html>

20. The Eighth Five-Year Plan, 1992–1997. Vol. 2. – New Delhi : Planning Commission, 1992. – URL: <https://web.archive.org/web/20170731160411/http://planningcommission.nic.in/plans/planrel/fiveyr/welcome.html>
21. The Ninth Five-Year Plan, 1997–2002. Vol. 2. – New Delhi : Planning Commission, 1997. – URL: <https://web.archive.org/web/20170731160411/http://planningcommission.nic.in/plans/planrel/fiveyr/welcome.html>
22. The Ten Five-Year Plan, 2002–2007. Vol. 2. – New Delhi : Planning Commission, 2002. – 1190 p.
23. The Eleventh Five-Year Plan, 2007–2012. Vol. 1. – New Delhi : Planning Commission, 2008. – 280 p
24. The Eleventh Five-Year Plan, 2007–2012. Vol. 2. – New Delhi : Planning Commission, 2008. – 219 p.
25. The Twelfth Five-Year Plan, 2012–2017. Vol. 1. – New Delhi : Planning Commission, 2013. – 336 p
26. The Twelfth Five-Year Plan, 2012–2017. Vol. 2. – New Delhi : Planning Commission, 2013. – 412 p.
27. World Health Statistics 2015. – Geneva : World Health Organization, 2015. – 161 p.
28. Huesco A., Bell B. An Untold Story of Policy Failure: the Total Sanitation Campaign in India // Water Policy. – 2013. – Vol. 15 (6). – P. 1001–1017.
29. Huesco A., Boni A., Fernandez-Baldor A. Embracing the Complexity of Policy Processes in Sanitation: Insights from India // Development Policy Review. – 2018. – Vol. 36 (2). – P. 203–219.
30. Velmurugan D., Josephvincent K., Balamurugan P. An Analysis of Rural Sanitation and Sustainable Rural Development in India // Indian Streams Research Journal. – 2014. – Vol. 4 (8). – P. 1–9.
31. Galvin M. Talking Shit: is Community-Led Total Sanitation a Radical and Revolutionary Approach to Sanitation? // WIREs Water. – 2015. – Vol. 2 (1). – P. 9–20.
32. The Right to Sanitation in India: Critical Perspectives / Cullet P., Koonan S., Bhullar L. (eds.). – Oxford : Oxford University Press, 2019. – 435 p.
33. Right to Sanitation in India: Nature, Scope and Voices from Margins / Joy K.J., Bhagat S. (eds.). – Pune : Forum for Policy Dialogue on Water Conflicts in India, 2016. – 87 p.
34. Swachh Bharat – Swachh Vidyalaya: a National Mission. Clean India: Clean Schools. A Handbook. – Delhi : Ministry of Human Resource Development : Government of India, 2014. – 54 p.
35. Sanitation in India: the Final Frontier // The Economist. – 2014. – July 19. – URL: <https://www.economist.com/asia/2014/07/19/the-final-frontier>
36. Swachh Survekshan Grameen 2022. – New Delhi : Ministry of Jal Shakti : Department of Drinking Water and Sanitation, 2022. – 98 p.
37. Pal D. The Government Effort Towards Rural Sanitation Since Independence // International Journal for Research Trends and Innovation. – 2022. – Vol. 7 (5). – P. 476–479.

МОЗИАС П.М.* «ТЕНЕВОЙ» БАНКИНГ В КИТАЕ

Аннотация. Сохраняющийся в Китае жесткий государственный контроль над банковской системой приводит к дефициту качественных финансовых продуктов для частных предпринимателей и домохозяйств. Спрос на них удовлетворяется «теневыми» банковскими структурами. Такой деятельностью занимаются сами государственные банки, а также различные категории институциональных инвесторов – участников финансовых рынков. Китайские и англоязычные экономисты активно обсуждают проблематику «теневого» банкинга. Они обычно констатируют, что экспансия «теневого» кредитования помогает поддерживать экономический рост в Китае, особенно в периоды ужесточения денежной политики. В то же время она усиливает системные риски в финансовом секторе и способствует общему снижению эффективности монетарного макрорегулирования.

Ключевые слова: Китай; «теневой» банкинг; денежная политика; кредит; «продукты по управлению активами».

MOZIAS P.M. Shadow Banking in China

Abstract. Tight government control over the banking system of China leads to a shortage of high-quality financial products for private entrepreneurs and households. The demand for them is met by shadow banking structures. Such activities are carried out by state-owned banks themselves, as well as various categories of institutional investors participating in financial markets. Chinese and English-speaking economists are actively discussing the problems of shadow banking. They

* Мозиас Петр Михайлович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН, доцент департамента мировой экономики НИУ ВШЭ.

usually state that the expansion of shadow lending helps to support economic growth in China, especially during periods of tightening monetary policy. At the same time, it increases systemic risks in the financial sector and contributes to a general decrease in the effectiveness of monetary macro-regulation.

Keywords: China; shadow banking; monetary policy; credit; wealth management products.

Для цитирования: Мозиас П.М. «Теневой» банкинг в Китае // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 1. – С. 125–158. – DOI: 10.31249/RVA/2024.01.07

Банковский сектор относится к числу тех сфер китайской экономики, где рыночные реформы протекают относительно медленно. Более половины активов национальной банковской системы до сих пор приходится на «большую четверку» банков (Промышленно-торговый банк Китая, Народный строительный банк Китая, Банк Китая, Сельскохозяйственный банк Китая), которые были в начале 1980-х годов выделены из структуры Народного банка Китая (НБК, он во времена командной экономики был по сути единственным банковским учреждением в стране наподобие Госбанка СССР, а в ходе реформ приобрел статус Центрального банка). Иногда к «большой четверке» добавляют еще Банк коммуникаций и Почтовый банк сбережений и говорят о «большой шестерке» крупнейших китайских банков.

Хотя все они были в первые два десятилетия XXI в. акционированы и прошли процедуры биржевого листинга, но государство и сейчас сохраняет за собой контрольные пакеты их акций. Впрочем, в государственной собственности остаются мажоритарные пакеты и в менее крупных банках, которые в китайской классификации имеются «акционерными» и «городскими коммерческими». Только применительно к этим двум категориям номинальными держателями госпакетов выступают крупные государственные предприятия (ГП) в первом случае и местные правительства – во втором.

Либерализация процентных ставок растянулась в Китае на несколько десятилетий. Она распространялась поэтапно: сначала на рынок векселей, затем на межбанковский кредитный рынок, после – на доходности государственных и корпоративных облига-

ций, ставки по кредитам и депозитам в иностранных валютах. А ставки по юаневым депозитам и кредитам в течение десятилетий могли варьироваться только в достаточно узких диапазонах, административно установленных НБК. Формально ставки по юаневым кредитам были полностью дерегулированы в 2013 г., а по депозитам – в 2015 г. Но фактически и сейчас банки исходят в своем ценообразовании из ориентиров процентных ставок, объявляемых НБК, хотя официально это теперь не более чем справочная информация о предпочтениях регулятора.

Преобладание государственной собственности в банковском секторе закономерно приводит к тому, что его деятельность направлена прежде всего на финансовую подпитку ГП. В этом есть свои «плюсы»: банки вовлечены в реализацию приоритетов государственной структурной политики. Но побочным результатом тесных связей властей, ГП и государственных банков является то, что кредиты недополучают субъекты частного предпринимательства, а на них давно уже приходятся гораздо большие доли ВВП и валовой продукции промышленности, чем те, которые производятся в госсекторе. Длительное административное занижение процентных ставок по депозитам означает, что не удовлетворяется и спрос домохозяйств на финансовые продукты, доход по которым перевешивал бы инфляцию, помогал людям сохранять покупательную способность их сбережений.

Обычно, если неповоротливость доминирующего госсектора и принятое в нем административное ценообразование порождают дефицит (в данном случае – дефицит финансовых услуг), то «свято место» начинает заполняться институтами «теневой» экономики. «Теневой» банкинг (ТБ) возник в Китае еще в 1980-е годы, первоначально – в виде коммерческих организаций, вроде бы легальных, но действовавших «на грани фола», использовавших пробелы и непроясненные места действовавшего законодательства, или же в виде попросту подпольных банков. Очень уж решительных мер против такой деятельности власти не предпринимали. О ней было широко известно: в газетах печаталась информация об условиях предоставления кредитов ТБ, а ученые-экономисты публиковали об этом статьи в академических журналах.

Так, Чжан Цзюнь (Центр исследований китайской экономики Фуданьского университета, Шанхай) [1] исследовал развитие

неформального финансового сектора в районе г. Вэньчжоу (пров. Чжэцзян), который в 1980–1990-е годы стал знаменит бурным ростом предпринимательских структур и быстрыми темпами индустриализации в сельской местности. Чжан Цзюнь прямо связал возникновение ТБ с сохранением жесткого государственного регулирования финансовой сферы – того, что в экономической литературе обычно называют «финансовыми репрессиями».

Индустриализация в районе Вэньчжоу происходила в первые десятилетия реформ главным образом усилиями волостных и поселковых предприятий (ВПП), номинально имевших коллективный статус, а также индивидуальных предприятий (ИП) и частных предприятий (ЧП). Но банковский сектор оставался под контролем государства, кредиты выдавались главным образом ГП, частники получить их в официальных банках практически не могли. Как следствие, спрос на финансовые ресурсы со стороны предпринимателей (а им особенно были нужны краткосрочные кредиты на закупку оборудования и сырья) стал удовлетворяться структурами ТБ [1, с. 546–547, 555].

На неформальном финансовом рынке наиболее распространены были следующие виды операций:

- кредитование по договоренности между кредитором и заемщиком, в том числе через посредников;
- создание на коллективной основе кредитных обществ, в пользу которых участники отчисляли часть своих сбережений, за счет этих средств в случае необходимости удовлетворялись временные потребности в финансовых ресурсах того или иного члена общества;
- создание локальных частных кредитных организаций, предоставлявших средства клиентам на упорядоченной основе, обычно на сроки в 1–3 года;
- привлечение учредителями промышленных предприятий средств наемных работников с последующей выплатой по ним процентного дохода;
- привлечение учредителями ВПП или ИП средств частных лиц с последующей выплатой им части прибыли предприятия в дивидендной форме [1, с. 549–550].

Процентные ставки по кредитам ТБ были обычно в 2–3 раза выше, чем в официальных банковских структурах. Причем ставки

ТБ практически не реагировали на изменения ставок в госбанках, т.е. официальная и неформальная части рынка кредита были сегментированными, слабо связанными друг с другом. По мнению Чжан Цзюня, тем самым лишний раз подтвердилось то, что кредитным рынкам свойственна сильная асимметрия информационного обмена. Кредитор обычно не располагает полной информацией о вероятности дефолта заемщика. Поэтому процентная ставка не является просто ценой, уравновешивающей спрос и предложение на кредитном рынке. Она выступает и как инструмент отбора кредитором заемщиков, от оценок рисков невозврата кредитов она зависит в большей степени, чем от величины спроса.

Соответственно, «теневые» финансовые структуры Вэньчжоу устанавливали высокие процентные ставки из-за самой неопределенности статуса (своего и заемщиков), из-за трудностей оценки финансового положения клиентов и связанного с этим взаимного недоверия. Такие ставки были устойчивы, на них не влияли прямые изменения ставок по кредитам в официальных банках. Но нельзя сказать, что два сегмента финансового рынка вообще не были связаны друг с другом, отметил Чжан Цзюнь. Высокие процентные ставки ТБ – это и результат «финансовых репрессий» в официальном банковском секторе: там ставки были занижены, и это само по себе формировало избыточный спрос на кредит, но при этом государственные банки просто не обслуживали значительную часть потенциальных заемщиков-частников [1, с. 559–561].

Но все же до начала 2010-х годов феномен ТБ оставался по преимуществу на периферии внимания и властей, и экспертного сообщества. Ситуация стала меняться по мере того, как выявлялись последствия осуществленной в 2008–2010 гг. антикризисной «накачки» экономики кредитами государственных банков. Она способствовала быстрому посткризисному оживлению, но привела и к существенному ускорению инфляции. А когда в 2011 г. началось антиинфляционное ужесточение денежной политики, то выяснилось, что привыкшие к избытку ликвидности предприятия стали все больше и больше полагаться на ее альтернативные источники – в виде кредитов ТБ.

При этом само явление ТБ приобрело совсем иные, чем раньше, количественные и качественные характеристики. Такой

деятельностью стали заниматься сами госбанки, включая «большую четверку», и легальные небанковские участники финансовых рынков. Схемы ТБ в современной китайской экономике многообразны. Наиболее распространенный вариант заключается в том, что банк, помимо традиционных депозитов, предлагает клиентам «продукты по управлению активами» (ПУА, wealth management products). Доходность по ПУА, как правило, на несколько процентных пунктов выше, чем по депозитным счетам.

ПУА размещаются на короткие сроки (не более 6 месяцев, а у многих таких инструментов сроки обращения составляют 1–3 месяца). По окончании срока действия ПУА его номинал и доход по нему появляются на официальном депозитном счете клиента в банке. Обычно сроки рассчитываются так, чтобы средства всплыли на счете в канун проверки банка регулятором. В отличие от традиционных депозитов, доходность по ПУА гарантируется банками не всегда. Негарантированные ПУА банки раньше предпочитали не отражать на своих балансах, но в 2017 г. им официально запретили так делать.

Вкладываются средства, иммобилизованные через размещение ПУА банками, прежде всего в активы, контролируемые компаниями доверительного управления (трастами). Промежуточным звеном между банком и трастом обычно выступает созданное банком специальное инвестиционное подразделение. Формально активы трастов – это их оплаченный капитал, но на деле это нередко портфели активов, собранные другими финансовыми институтами (в том числе теми же банками) и купленные у них трастами. Именно трасты, а не банки, в этой схеме выступают как непосредственные кредиторы проектов в промышленности, сфере недвижимости и других нефинансовых отраслях, а для банков это операции забалансовые.

Но возможны и другие варианты. ПУА могут выпускаться трастами независимо от банков. К эмиссии ПУА прибегают и некоторые страховые компании, фонды прямых инвестиций, брокеры фондового рынка и т.д. В этих случаях они и предоставляют собранные средства в качестве кредитов. Банки и финансовые компании могут также поддерживать «теневое» кредитование, посредничая при предоставлении нефинансовыми предприятиями средств взаймы друг другу. Бывает и так, что крупные ГП получа-

ют банковские кредиты по льготным, субсидируемым ставкам, а затем предоставляют эти средства взаймы частникам в тридорога.

Оценки по поводу масштабов, которые приобрел ТБ в китайской экономике в первой половине 2010-х годов, в литературе приводились очень разные. Насчет доли ТБ в ВВП они варьировались от 10 до 50%. В отношении удельного веса ТБ в совокупном кредитном финансировании экономики разнобой был меньше – от 25 до 35%. Как бы то ни было, к 2014 г. власти стали рассматривать такую деятельность как очень рискованную и начали регуляторный зажим ТБ. Несколько он успешен – это отдельный вопрос. Во всяком случае можно констатировать, что в 2010-е годы официальная банковская система и ТБ в Китае перестали быть сегментированными. Они, напротив, так тесно переплелись, что отделить одно от другого было уже очень затруднительно.

Проблематика ТБ в Китае активно обсуждается китайскими экономистами и их англоязычными коллегами. Но с самого начала перед ними встает фундаментальный методологический вопрос: требуется уточнить определения. Дело в том, что в последние 15 лет о широком распространении ТБ говорят применительно не только к КНР и другим развивающимся странам с их незрелыми финансовыми рынками, но и к развитым странам, начиная с США. При этом в отдельных странах под ТБ имеют в виду очень разные вещи.

Когда речь идет об американской и других западных экономиках, то под экспансией ТБ понимают изменение самой модели кредитного процесса в результате *секьюритизации* задолженности. Последняя теперь не просто фиксируется на банковских счетах, а сама выступает в качестве торгуемого актива, т.е. продается и покупается. Осуществляется это благодаря выпуску и продаже на рынке производных ценных бумаг, которые дают возможность их обладателям требовать в свою пользу выплаты задолженности по кредитам. А поскольку такие деривативы перепродаются много раз, то между банками и заемщиками выстраиваются длинные цепочки посредников из числа институциональных инвесторов (инвестиционных фондов, фондов доверительного управления недвижимостью, хеджевых фондов и т.д.). Они не только берут на себя у банков право получения назад выданных кредитов и риски невозврата, но и сами превращаются в «теневых» кредиторов. Иначе

говоря, банки все больше выступают только как первоначальные инициаторы кредитов, а полномочия финансировать последние и взыскивать задолженность по ним передаются другим финансовым институтам и инвесторам, которые выступают в качестве структур ТБ.

У секьюритизации кредитов есть очевидные достоинства. Банки страхуются от рисков неплатежа, так как те переносятся на держателей ценных бумаг, выпущенных в ходе секьюритизации. Такие бумаги могут использоваться в качестве залогов по новым кредитам. Они становятся и новым инструментом для размещения временно свободных средств домохозяйств и предприятий. В результате увеличивается общая сумма сбережений, вовлеченных в функционирование кредитно-денежной системы. Кредит и другие формы рыночного финансирования становятся более доступными, это поддерживает экономический рост, удлиняет периоды бескризисного развития экономики.

Но есть и оборотная сторона. Системные риски усиливаются из-за того, что объектами секьюритизации могут стать и активы сомнительного качества, а цепочки посредников между кредиторами и заемщиками становятся такими протяженными и запутанными, что уже неясно, кто в конце концов кому должен отдавать первоначальные долги. Справедливо считается, что эти обстоятельства выступили в качестве одного из триггеров финансового кризиса в 2007–2009 гг. в США и мире в целом. Тогда «теневые» посредники сами набрали много кредитов и сформировали крупные пакеты малоликвидных активов. Поэтому когда общие настроения на рынке изменились из-за начавшегося падения цен на недвижимость, то структуры ТБ оказались очень уязвимы. Инвесторы стали панически распродавать ценные бумаги таких организаций, котировки активов резко пошли вниз, по этим каналам финансовый стресс распространился и на традиционные банки.

Несложно, однако, заметить принципиальное отличие американской ситуации от китайской. В Китае экспансия ТБ – это прежде всего реакция субъектов только складывающейся рыночной экономики на «финансовые репрессии» и общую относительную неразвитость институтов финансового посредничества. А то, что называют «ТБ» в США, – это рискованные финансовые инновации на уже высокоразвитом, остроконкурентном финансовом

рынке. Можно ли вообще тогда обозначать одним и тем же термином столь разные явления?

Эксперты Международного валютного фонда [2] отвечают на этот вопрос утвердительно. Они отмечают, что в экономической литературе можно найти достаточно много определений ТБ. Консенсусное определение состоит в том, что ТБ – это финансовое посредничество или деятельность, связанная с кредитным посредничеством, осуществляемые за пределами формальной банковской системы и не предполагающие обязательств по обеспечению безопасности активов [2, р. 65–66]. Но отдельные специалисты обычно дают определения ТБ в привязке к субъекту такой деятельности или используемым инструментам и обслуживаемым рынкам. Двигаясь по такому пути, эксперты МВФ постулировали, что ТБ – это фондирование банков и небанковских институтов через представление «нетрадиционных пассивов» (*noncore liabilities*).

При этом под «традиционными пассивами» понимаются средства, поступившие в банки от конечных кредиторов (домохозяйств, нефинансовых компаний, общегосударственных и местных властей, страховых компаний, пенсионных фондов; инвестиционных фондов, не являющихся фондами денежного рынка). «Нетрадиционные пассивы» – это средства, поступившие к субъектам кредитования от фондов денежного рынка и всех других финансовых компаний, за исключением страховщиков, пенсионных фондов и инвестиционных фондов, не являющихся фондами денежного рынка. Если понимать ТБ так, то возможно включить в его структуру и нетрадиционные услуги финансового посредничества, которые оказывают обычные банки. В частности, тогда получается, что секьюритизация кредитных активов – это разновидность ТБ, как бы она ни проводилась – через баланс банка напрямую или через созданное банком специальное инвестиционное подразделение [2, р. 68, 91–92].

В развитых странах ТБ обычно заключается в том, что между конечными кредиторами и заемщиками вклинивается целая сеть посредников и процесс кредитования раскладывается на последовательность многочисленных дискретных операций. ТБ часто способствует повышению эффективности финансового сектора: секьюритизация вовлекает в оборот малоликвидные активы, а

сложные финансовые продукты делают распределение доходов более соответствующим пожеланиям инвесторов.

В развивающихся странах, где сети институциональных посредников слабы или отсутствуют, ТБ – это просто неортодоксальные формы отношений между кредиторами и заемщиками. В группе стран с «формирующими рынками» доля активов ТБ в ВВП увеличилась за 2002–2012 гг. в среднем с 6 до 35%, тогда как доля активов банковских структур вообще – с 30 до 70%, так что экспансию ТБ там можно рассматривать как составную часть процесса «финансового углубления»: структуры ТБ просто занимают пустующие ниши. ТБ предоставляет возможность получать кредиты тем хозяйственным агентам, которые не охвачены деятельностью обычной банковской системы: местным сообществам в районах, где официальные банки не представлены; крестьянским хозяйствам; фирмам с низким кредитным рейтингом, в том числе малым и средним предприятиям (МСП) [2, р. 63, 73, 75].

Но в любой экономике в связи с деятельностью субъектов ТБ формируется целая группа системных рисков для всего финансового сектора, в их числе:

1) *риск «набегов кредиторов и инвесторов» (run risk).* Структуры ТБ уязвимы, так как их активы – это преимущественно кредиты клиентам, но и пассивы их тоже формируются в значительной степени за счет заимствований, причем сроки кредитных обязательств на сторонах активов и пассивов часто не совпадают друг с другом, а значит, возможны перебои в поступлении ликвидности. Такие риски у структур ТБ присутствуют в большей степени, чем у обычных банков, поскольку они не имеют доступа к государственной финансовой помощи в форс-мажорных ситуациях, и к тому же они не склонны соблюдать установленные для банков пруденциальные нормы;

2) *агентские проблемы.* Разделение функций финансового посредничества между многими институтами порождает высокие издержки представительства интересов;

3) *запутанность процедур,* которая в периоды финансового стресса может побудить инвесторов к бегству к более качественным и прозрачным активам;

4) *процикличность.* В периоды роста цен на активы происходит экспансия ТБ, и долговая нагрузка на экономику растет. Но

когда цены на активы падают, то залоги по кредитам обесцениваются, процентные ставки растут, и кредиты ТБ становятся малодоступными для заемщиков;

5) *экстерналии (внешние эффекты)*. Стressовые ситуации в секторе ТБ могут передаваться в остальную финансовую систему через структуры перекрестного владения официальными и «теневыми» банковскими учреждениями, а также через панические распродажи активов инвесторами. В периоды хорошей конъюнктуры ТБ может способствовать надуванию «пузырей» на рынках активов, ибо структуры ТБ не склонны следовать регулятивным предписаниям, сдерживающим высокорискованные инвестиции.

Принимая во внимание все эти обстоятельства, можно дать и такое определение: ТБ – это небанковское кредитное посредничество, в результате которого системные риски нарастают, а регулятивный арбитраж (т.е. игра на несовершенствах пруденциальных норм), на котором строится такое посредничество, подрывает эффективность финансового регулирования [2, р. 68–69].

Экономисты МВФ сочли возможным выделить и определенные общие условия, которые способствуют расцвету ТБ как в развитых, так и в развивающихся странах. Во-первых, если банковское регулирование жесткое, то хозяйствующие субъекты склонны обходить ограничения, используя каналы небанковского посредничества. Причем такой эффект может даже усилиться, если регулирование дополнительно ужесточается ради борьбы именно с ТБ.

Так случилось на Западе в 2010-е годы. После мирового финансового кризиса власти в западных странах стали вводить инновации во взаимодействии банков и институциональных инвесторов в регулятивное поле. Но для обычных банков это был двойной стресс: им надо было одновременно и оздоровливать свои пострадавшие в ходе кризиса балансы, и нести повышающиеся издержки соответствия регуляторным требованиям. Как следствие, банки просто уходили из некоторых традиционных для них областей деятельности (таких, как кредитование МСП, проектное финансирование, хеджирование рисков), их там замещали в качестве кредиторов структуры ТБ (пенсионные фонды, электронные кредитные платформы Р2Р и т.д.).

Далее, благоприятные условия для развития ТБ создает избыток ликвидности в финансовой системе. Он может быть след-

ствием мягкой денежной политики (снижения процентных ставок, осуществления программ «количественного смягчения», как на Западе) или же административного регулирования спрэда (разницы процентных ставок по кредитам и депозитам), как это практикуется в некоторых развивающихся странах.

Наконец, эти две предпосылки действительно реализуются в виде экспансии ТБ, если в стране быстро развивается отрасль институционального инвестирования и ее участники заинтересованы в появлении новых высокодоходных финансовых инструментов [2, р. 66–67, 74–80]. Надо сказать, что применительно к китайской экономике начала 2010-х годов эти условия вполне соблюдались.

Впрочем, универсализм ТБ и лежащую в его основе связь банковского кредитования с функционированием рынков ценных бумаг можно при желании истолковать и по-другому. Д. Габор (Университет Западной Англии, Бристоль, Великобритания) [3] считает, что появление ТБ в развивающихся странах нельзя трактовать только как результат поиска экономическими игроками «жизнесспособной альтернативы» зарегулированному банковскому сектору. Нужно учитывать еще и возникновение класса международных спекулятивных инвесторов (хеджевых и облигационных фондов и др.), заинтересованных во вложениях в ценные бумаги развивающихся стран. Либерализация финансовых рынков в странах глобального Юга как раз создает предпосылки для проникновения туда таких инвесторов.

Поскольку же либерализационные рецепты экономической политики активно предлагаются развивающимся государствам международными организациями, в которых господствуют глобалистские веяния, то распространение ТБ выглядит и как результат сознательного продвижения в развивающиеся экономики элементов ангlosаксонской финансовой модели. В ней, как известно, рынки ценных бумаг всегда играли не меньшую роль, чем банковское кредитование, а с прогрессом секьюритизации их роль еще больше возросла. Фактически речь идет о том, что средства денежного рынка (т.е. инструменты с короткими сроками обращения) используются для кредитования на рынке капитала (т.е. выдачи средне- и долгосрочных кредитов) через подключение игроков денежного рынка к купле / продаже секьюритизированных кредитных активов. Подобные схемы заведомо уязвимы, так

как в качестве залогов по кредитам выступают деривативы, обеспеченные активами, а стоимость последних склонна к периодическим переоценкам, и это может вызывать волны нестабильности на рынках.

К сожалению, китайские власти тоже ведутся на глобалистские советы, утверждает Д. Гabor. После 2014 г. регуляторный захват ТБ сочетался с либерализационными мероприятиями, направленными на то, чтобы потребности, ранее удовлетворявшиеся ТБ, теперь реализовывались с помощью легальных инструментов рынка ценных бумаг. В китайскую экономику, таким образом, внедряются те самые механизмы, которые на Западе уже показали себя как источники финансовой нестабильности [3, р. 395–397, 401–406, 411, 413].

Хоу Чэнци и Хуан Тунтун (факультет экономики и менеджмента Уханьского университета) [4] оценивают ситуацию более спокойно. Они отмечают, что конкретные механизмы и структуры ТБ в Китае и США очень разные. В американской экономике инвестиционные фонды и другие субъекты ТБ просто замещают собой банки в качестве кредиторов. А в КНР «теневые» кредиты выделяют клиентам сами банки, но только делают они это окольными путями. Прибегая к регуляторному арбитражу, китайские банки обходят действующие механизмы контроля за достаточностью собственного капитала, уклоняются от государственных приоритетов финансирования тех или иных отраслей, избегают установленных НБК количественных квот на кредитную эмиссию.

Всплеск активности структур ТБ в начале 2010-х годов во многом был следствием ужесточения денежной политики, введения ограничений на финансирование высокорискованных отраслей и усиления пруденциального надзора над банками. Благодаря ТБ действительно удовлетворяются потребности части предприятий реального сектора в финансовых ресурсах. Но рост масштабов ТБ ведет к накоплению значительных рисков. «Теневые» кредиты охотно набирают созданные местными властями компании инфраструктурного строительства («инвестиционные платформы») и компаний сектора недвижимости. У таких предприятий долгов обычно много, инвестиционные циклы длительные, новые кредиты часто используются ими на погашение старых. Перебои в каких-то звеньях финансовых цепочек, связанных с ТБ, могут вы-

явить уязвимые места всего китайского банковского сектора, особенно если еще и упадут цены на недвижимость. Наличие регуляторного арбитража означает, что макропруденциальная политика реально влияет только на часть финансового сектора, а другую, «теневую» часть она непосредственно не затрагивает, а значит, эффективность политики заведомо оставляет желать лучшего [4, с. 58–59, 68].

Хоу Чэнци и Хуан Тунтун оценивают последствия экспансии ТБ, сравнивая ее с гипотетической ситуацией, при которой у официальных банков не было бы возможности переводить свои деньги в «теневые» структуры. Тогда банки реагировали бы на ужесточение денежной политики и регулятивных требований увеличением спрэда, т.е. разницы в процентных ставках по кредитам и депозитам, а также общим увеличением банковской маржи за счет повышения ставок по кредитам, и сохраняли бы тем самым свою способность удовлетворять регулятивным требованиям о достаточности капитала. Доходность банковской деятельности возросла бы, но при этом увеличились бы издержки мобилизации внешнего финансирования для промышленных предприятий и ослабла бы их инвестиционная деятельность.

Если же у коммерческих банков есть каналы вывода средств в структуры ТБ, то они могут кредитовать высокорискованные проекты производственных предприятий и поддерживать собственную рентабельность даже в условиях ужесточения монетарной политики. Так и было в 2011–2013 гг.: ослабление инвестиционного процесса, вызванное мерами властей по преодолению «перегрева» экономики, было смигировано ростом «теневого» кредитования. А эффект усиления пруденциальных требований был ослаблен тем, что часть кредитов производственным предприятиям выдавалась формально не самими коммерческими банками, а структурами ТБ, а стало быть, уменьшалась расчетная база, по которой оценивался собственный капитал банков.

Внедрение структурами ТБ инновационных финансовых инструментов объективно способствует прогрессу китайской банковской системы, признают Хоу Чэнци и Хуан Тунтун. Но одновременно ТБ усугубляет риски и снижает результативность государственной политики. Поэтому нельзя просто смотреть на ТБ

сквозь пальцы, рассматривая его как источник конкурентного начала [4, с. 73].

К. Хачем и Сун Цзэн (Школа бизнеса Чикагского университета, США) [5] рассмотрели вовлечение китайских банков в функционирование ТБ как пример асимметричной конкуренции. Они отметили, что в начале 2010-х годов резкий рост объемов средств, проходивших через структуры ТБ, был обусловлен комбинированным воздействием существовавших тогда регуляторных требований, с одной стороны, и ужесточения монетарной политики – с другой.

Еще при принятии в 1995 г. Закона КНР о коммерческих банках в него было заложено ограничение объема кредитования для каждого банка величиной в 75% от суммы средств, привлеченных на депозиты. В начале 2010-х годов ответственная за надзор Китайская комиссия банковского регулирования (ККБР) стала отслеживать соблюдение этого норматива банками не только по итогам года, но и в ежедневном режиме¹. Между тем повышать по своему разумению процентные ставки по депозитам банки по-прежнему не имели права. Ситуацию усугубили происходившие тогда повышения нормы обязательных резервов (НОР, в Китае этот инструмент задействуется в антиинфляционных целях гораздо чаще, чем в развитых странах).

Как следствие, многие малые и средние банки (МСБ) оказались просто не в состоянии осуществлять бесперебойное кредитование: их средства отвлекались на формирование обязательных резервов, а мобилизовать дополнительное фондирование путем повышения ставок по депозитам они не могли. Поэтому они предпочитали вывести соответствующие операции за баланс, в «тень». Эмиссия ПУА, равнозначная открытию срочных депозитов, обеспеченных активами, стала использоваться МСБ как альтернативный метод формирования пассивов.

Однако ПУА выпускали и банки «большой четверки», только они предпочитали держать значительную часть таких инструментов на балансах. Дело тут в том, что крупным банкам ПУА нужны были не для обеспечения фондирования, его и так было

¹ Этот норматив был отменен поправками в Закон КНР о коммерческих банках, внесенными в августе 2015 г. и вступившими в силу с 1 октября 2015 г.

достаточно ввиду неявных гарантий безопасности депозитов в столь значимых государственных банках, а также благодаря тому, что большие банки всегда могли докупить нужные им резервы на межбанковском кредитном рынке. Банки-гиганты эмитировали ПУА ради удержания за собой долей на рынках банковских услуг, которые иначе могли перейти в руки МСБ, побуждаемых к размещению ПУА из-за нехваткой ресурсов. В ответ МСБ прибегали к еще более агрессивному повышению доходностей по ПУА, так как у них к дефициту средств в качестве побудительного мотива добавлялась еще и необходимость выдерживать конкуренцию с «большой четверкой».

Медианный срок действия ПУА в период после 2008 г. составлял 3 мес. Но до четверти таких инструментов выпускалось на срок в 1 мес. и меньше. Тогда как мобилизованные таким образом средства часто использовались для кредитования гораздо более длительных проектов: средняя продолжительность инвестиций трастовых компаний, в том числе в форме кредитов, составляла 1,7 года. Диссонанс в сроках погашения обязательств компенсировался за счет заимствований банков на межбанковском кредитном рынке, а там главными поставщиками ресурсов были банки «большой четверки».

Спрос на межбанковском рынке в результате расширялся, процентные ставки там росли, а это само по себе ограничивало кредитование экономики теми банками, которых к уходу в «тень» подталкивал дефицит ликвидности. Так что у «большой четверки» было еще одно средство борьбы за рыночные сегменты: крупные банки могли сдерживать поступление ликвидности на межбанк, манипулировать этим рынком и тем самым подавлять само желание МСБ эмитировать ПУА и осуществлять «теневое» кредитование.

В итоге кредитная эмиссия росла благодаря двум факторам. С одной стороны, МСБ размещали ПУА и выдавали забалансовые кредиты. А с другой стороны, банки «большой четверки» наращивали кредитование, вместо того чтобы увеличить предложение резервов на межбанковском рынке, т.е. направляли средства заемщикам из нефинансового сектора, дабы они не достались конкурентам из числа МСБ. Общий объем кредитования экономики увеличивался, но происходило это параллельно с ростом равновесных ставок на межбанковском рынке [5].

Особенности мотивации тех или иных групп китайских банков к занятию «теневой» деятельностью рассматривают и Гао Бэй, Чэн Сюодун и Ли Чэн (финансово-экономический факультет Сианьского транспортного университета) [6]. Они также оценивают, как существование ТБ сказывается на эффективности трансмиссионного механизма денежной политики, т.е. ее способности влиять на конъюнктуру в производственном секторе.

Теоретически денежная трансмиссия осуществляется следующими путями:

1) при изменении НОР меняется и предложение кредита банками, так как становятся другими их финансовые возможности, это влияет и на уровень процентных ставок по кредитам, а через них – на инвестиции и выпуск продукции в реальном секторе;

2) изменения монетарной политики приводят к сдвигам в корпоративных балансах, что отражается на склонности банков кредитовать предприятия;

3) при ужесточении денежного курса банкам сложнее выдерживать нормативы достаточности собственного капитала, что приводит к уменьшению ими объемов кредитования.

Но в современном китайском хозяйстве действие этих закономерностей осложнено тем, что банки не просто находятся в государственной собственности, но и подчиняются политическим установкам правительства, это вообще делает нечеткой грань между их коммерческой деятельностью и выполнением указаний «сверху» по финансовой поддержке крупных ГП. В таких условиях сколько ни смягчай денежную политику, негосударственные предприятия все равно будут испытывать трудности в доступе к банковскому финансированию. К тому же в течение длительного времени регулятивное воздействие на кредитование не ограничивалось установлением НОР и нормативов достаточности капитала, банки должны были выдерживать и определенное соотношение объемов кредитования и средств, привлеченных на депозиты.

После 2010 г. на эффективности денежной политики стало сказываться и широкое распространение ТБ. Оно меняет сами механизмы денежной эмиссии; модифицирует действие денежного мультипликатора; приводит к тому, что реальный прирост денежной массы намного опережает наметки, установленные НБК [6, с. 53–54].

Сначала Гао Бэй и его коллеги проследили, как сказываются на денежной трансмиссии различия в структуре собственности банков (вариация конкретных показателей участия государства в их капиталах). Взаимное влияние объемов банковских кредитов, остатков средств на депозитах, денежного агрегата М1 и ВВП исследовано авторами с помощью панельной векторной авторегрессии (она позволяет выявить как прямые, так и обратные зависимости). В расчетах были использованы данные по 16 банкам, разместившим свои акции на китайских биржах за период с третьего квартала 2008 г. по третий квартал 2015 г., т.е. с начала мирового финансового кризиса до отмены в октябре 2015 г. нормативного соотношения кредитов и средств на депозитах. Выборка была поделена на две группы: одну составили крупные банки, которые, несмотря на произошедшее их акционирование, авторы считают возможным называть «государственными» (это «большая четверка» и Банк коммуникаций); другую – 11 «акционерных коммерческих банков» с меньшими госпакетами. Информация о кредитно-депозитной деятельности банков была взята из базы данных Wind, которая опирается на корпоративную отчетность [6, с. 58].

Гао Бэй и его соавторы исходили из того, что различия в структуре собственности банков влияют на их готовность к несению рисков. Государственные банки, безусловно, заинтересованы в высокой рентабельности, но еще больше они ценят устойчивость своего положения, так как от этого зависят карьерные перспективы их руководителей. Напротив, акционерные банки в большей мере склонны ради извлечения краткосрочной прибыли идти на риск, ибо благосостояние их акционеров (в том числе руководителей, менеджеров и части персонала) может от этого улучшиться [6, с. 56].

Вычисления по всей выборке показали, что увеличение прироста денежного предложения на 1 п.п. влечет за собой ускорение кредитной эмиссии на 0,9 п.п. Это не приводит автоматически к существенному оживлению экономического роста: на каждый дополнительный 1 п.п. прироста агрегата М1 приходится только 0,1 п.п. дополнительного увеличения ВВП. А обратное влияние кредитной эмиссии на прирост денежной массы сильно только поначалу, оно быстро начинает затухать. Прирост ВВП на динамике денежного предложения оказывается только со временем, а влия-

ние его на кредитную эмиссию волатильно. Так что в целом увеличение денежной массы и кредитная эмиссия происходят синхронно, но на экономическом росте это сказывается только с определенным временным лагом.

В разбивке по государственным и акционерным банкам ситуация выглядит следующим образом. Кредитная эмиссия госбанков менее выраженно влияет на денежное предложение и ВВП, чем кредитование экономики акционерными банками. Тем самым подтверждается, что структура собственности в банках значима для эффективности денежной трансмиссии [6, с. 58–59].

Широкое распространение ТБ после 2010 г. не могло не скаться на действии трансмиссионного механизма. Возник новый канал расширения денежного предложения, эмитированные таким образом деньги стали обходными путями поступать на рынки высокодоходных активов (акций, недвижимости), что сказалось на динамике цен на этих рынках. Но надо учесть, что склонность к «теневой» деятельности разная у отдельных групп банков. У акционерных МСБ клиентская база узкая, им не хватает источников фондирования, и поэтому они более склонны предлагать клиентам ПУА вместо обычных депозитов. К тому же МСБ трудно было соблюдать одновременно и показатели достаточности капитала, и нормативное соотношение кредитов и сбережений на депозитах, поэтому они активно искали пути обхода регуляторных требований. А у крупных госбанков денег обычно много. К ТБ они прибегали главным образом для того, чтобы обойти ограничения на кредитование тех или иных видов заемщиков.

Ради измерения последствий всего этого для результативности денежной политики Гао Бэй и его соавторы ввели в модель дополнительный параметр – объем операций ТБ. Величину его авторы рассчитали, оценив объем «нормальных» активов банков (кредитов, портфелей ценных бумаг и т.п.) и вычтя его из общего объема активов, тем самым была получена примерная величина «теневых» активов.

Если брать объемы кредитования в целом, не подразделяя их на легальные и «теневые», то расчеты показывают, что влияние динамики агрегата M1 на снабжение экономики кредитом после 2010 г. не претерпело особых изменений. А стимулирующее воздействие кредитной эмиссии на прирост ВВП сошло на нет. В ре-

зультате влияние монетарной политики на экономический рост стало краткосрочным и слабым.

Но расчеты обнаружили, что экспансия ТБ оказала выраженное стимулирующее влияние на динамику денежной массы, хотя этот эффект был склонен постепенно ослабевать со временем. Распространение «теневых» кредитов заметно усилило и продлило эффект воздействия кредитной эмиссии на экономический рост.

Носителями такого влияния выступают и государственные, и акционерные банки, но ТБ в исполнении акционерных банков дольше по времени стимулирует денежную экспансию и прирост ВВП, чем соответствующие операции госбанков, хотя последние могут вызывать более сильный краткосрочный эффект. Получается, что чувствительность монетарной политики к изменениям объемов «теневого» кредитования выше, чем к динамике кредитования легального, и в особенности это присуще операциям акционерных банков. ТБ сильнее влияет на экономический рост, чем обычные банковские кредиты, лидерами и тут выступают акционерные банки.

Неудивительно поэтому, что в самом начале 2010-х годов отношение к ТБ было двойственным: считалось, что он вносит некоторый элемент дезорганизации, но зато стабилизирует финансово положение банков и их способность кредитовать экономику. Однако с 2014 г. начался регуляторный зажим ТБ со стороны ККБР, прежде всего стали упорядочиваться процедуры эмиссии ПУА. Гао Бэй и его коллеги считают, что ничего хорошего из этого не вышло. Регуляторы взяли курс на превращение ПУА в стандартные инструменты финансовых рынков, возможности банков снабжать реальный сектор кредитом через других финансовых посредников (таких, как трасты, страховые и инвестиционные компании) ужалились. Мобилизованные через размещение ПУА средства теперь не столько шли на финансирование производственных проектов, сколько обращались на рынках финансовых активов, а это привело к резкому росту цен на активы на фоне происходившего с середины 2010-х годов устойчивого замедления прироста капиталовложений в основные фонды промышленности. Теперь уже не только масштабы легального кредитования, но и объемы операций ТБ стали малочувствительны к изменениям денежной политики. Исчезло и стимулирующее воздействие ТБ на экономический рост [6, с. 63–64, 67].

История с китайским ТБ подтверждает некое общее правило рыночной экономики, резюмируют Гао Бэй, Чэн Сяодун и Ли Чэн. Если предложение финансовых ресурсов не покрывает спрос на них из-за структурных особенностей финансовой системы, то возникают новые, более гибкие финансовые инструменты, компенсирующие дефицит предложения. ТБ, по сути, это финансовые инновации, он неизбежно порождает дополнительные риски, но на определенной стадии своего развития он восполнял нехватку капитала для реального сектора. Темпы прироста легальной кредитной эмиссии в 2010–2011 гг. резко замедлились, но темпы прироста ВВП оставались высокими благодаря поступлению финансовых ресурсов в производственную сферу по альтернативным каналам ТБ, особенно тут были важны «теневые» операции акционерных банков.

Но после регуляторного ужесточения ТБ практически перестал выполнять эту компенсаторную функцию, влияние его на экономический рост стало, скорее, отрицательным, это означает, что монетарная политика стала еще менее эффективной. А из этого следует, что просто ужесточать финансовое регулирование недостаточно. Рисков от этого становится не меньше, а больше. Нужно проводить дальнейшие либерализационные реформы в банковском секторе, ибо его недостаточная гибкость и зарегулированность как раз и порождают специфические «теневые» инновации [6, с. 67].

Ли Цзяньцзюнь (финансовый факультет Центрального университета экономики и финансов, Пекин) и Хань Сюнь (экономический факультет Пекинского второго института иностранных языков) [7] специально рассмотрели тот вариант китайского ТБ, когда в качестве кредиторов выступают промышленные предприятия. Они тоже отмечают, что в конце 2010-х годов сфера финансовых спекуляций в китайской экономике переживала подъем, тогда как прирост инвестиций в обрабатывающей промышленности резко замедлился из-за накопления избыточных производственных мощностей и общего превышения предложения над спросом на товарных рынках.

Промышленные предприятия в таких условиях предпочитают попутно заниматься и финансовым бизнесом, в том числе такими его видами, которые обычно относят к ТБ. Они не только

покупают и продают акции, облигации и деривативы, но и представляют кредиты через трастовые подразделения, сами эмитируют ПУА и покупают ПУА банков и инвестиционных фондов, выдают межфирменные коммерческие кредиты и структурированные кредиты, осуществляют финансовую деятельность на интернет-платформах. Масштабы такой деятельности увеличиваются по мере того, как углубляется разница в доходности между финансовыми и производственными операциями. Тем самым формируются новые системные финансовые риски, и они распространяются из отрасли в отрасль [7, с. 21–23].

Нефинансовые предприятия по каналам ТБ кредитуют преимущественно МСП, которых дискриминирует официальная банковская система. Такие отношения обычно характерны значительной асимметрией информационного обмена, правовой непроясненностью статуса участников, высокой закредитованностью заемщиков. Крупные предприятия становятся субъектами ТБ не исходя из мотивации сохранения корпоративных сбережений, а ради более высокой, чем в промышленности, рентабельности. Они заведомо отвлекают тем самым средства от инвестиций в основные производственные фонды и технологические инновации. Но при этом в управлении рисками они менее сведущи, чем финансовые компании. Поэтому риски невозврата выдаваемых в долг средств высоки, а от этого может пострадать и основная деятельность промышленных предприятий. Отсюда *первая гипотеза* Ли Цзяньцзюня и Хань Сюя: втягивание нефинансовых предприятий в операции ТБ усиливает риски их функционирования.

При всем многообразии конкретных методов ТБ можно сказать, что производственные предприятия в Китае осуществляют операции ТБ двух типов:

1) выступая непосредственно как финансовые посредники-заимодавцы, т.е. как инициаторы кредита (через трастовое кредитование, выдачу коммерческих кредитов или акционерные инновации);

2) покупая ПУА, эмитированные банками, инвестиционными фондами и трастами, а также инвестиционными компаниями, действующими на электронных платформах (т.е. в данном случае они вклиниваются в кредитные цепочки, инициированные другими).

Правда, эти два вида деятельности переплетены друг с другом – через взаимное участие в акционерных капиталах компаний, предоставление залогов по кредитам и т.п. А это подразумевает, что и риски между ними могут распространяться как заразные болезни, хотя проявляются они по-разному.

Если нефинансовая компания выступает как инициатор кредита, то ее платежеспособность непосредственно зависит от перспектив возврата средств. Проблемы с ликвидностью у такой компании могут возникнуть как из-за нерационального поведения заемщиков или покупателей долга на вторичном рынке, так и из-за неадекватных оценок платежеспособности заемщиков, присвоенных рейтинговыми агентствами. В таких случаях инвесторы будут избавляться от финансовых продуктов, эмитированных этой компанией. Если же нефинансовое предприятие входит в «чужие» кредитные цепочки, то оно уязвимо к общим колебаниям конъюнктуры на финансовых рынках.

Отсюда следующие гипотезы авторов. *Вторая гипотеза* состоит в том, что в случае если нефинансовое предприятие напрямую является поставщиком «теневого» кредита, то риск неплатежа со стороны заемщика транслируется в ухудшение финансового положения заимодавца через взаимосвязи бухгалтерских балансов этих двух хозяйствующих субъектов. И *третья гипотеза*: если нефинансовое предприятие осуществляет «теневые» банковские операции посредством участия в рыночных цепочках, созданных другими хозяйственными агентами, т.е. косвенно, то риски ухудшения ситуации на финансовых рынках передаются ему через всю совокупность взаимозависимостей, приводящих к распространению системных рисков [7, с. 23–24].

Для проверки первой гипотезы авторами построена регрессионная модель, в которой объясняемой переменной является операционный риск предприятия. Он измеряется с помощью индекса, учитывающего соотношение оборотного капитала и совокупных активов предприятия, а также соотношение полученной им донативной прибыли с активами. Чем ниже значение индекса, тем выше риск.

В роли объясняющих переменных выступают объемы выданных предприятием трастовых кредитов, эмитированных ПУА и выделенных межфирменных коммерческих кредитов. Они харак-

теризуют прямое участие нефинансовых предприятий в функционировании ТБ. Косвенную «теневую» банковскую деятельность предприятий в модели описывают величины покупок банковских ПУА и структурированных сберегательных инструментов. В модель включены и специальные показатели, измеряющие удельный вес обоих этих видов «теневой» банковской деятельности предприятия в его совокупных активах.

Также в модель включены контрольные переменные:

- доступность внешнего финансирования для предприятия (она измеряется соотношением между объемами средств, привлеченных через кредитные заимствования, эмиссию акций и облигаций, с одной стороны, и совокупными активами предприятия – с другой);
- разница в доходности инвестиций между финансовым и производственным секторами экономики;
- размеры предприятия (оцениваются по величине его совокупных активов);
- чистая доходность активов предприятия;
- длительность существования предприятия;
- структура собственности предприятия [7, с. 24–25].

Для проверки второй и третьей гипотез разработаны отдельные регрессии, в которых учтены эффекты распространения рисков между предприятиями и между финансовыми рынками и предприятиями. Во втором регрессионном уравнении объясняемой переменной является операционный риск, определяемый по той же формуле, что и в первой регрессии. Объясняющие переменные – это: 1) соотношение объемов прямого участия предприятия в ТБ-деятельности и его совокупных активов; 2) индекс способности предприятия к возврату выданных взаймы средств, который учитывает ликвидность предприятия и скорость оборота его средств.

В третьем уравнении величина операционного риска ставится в зависимость от колебаний процентных ставок на межбанковском кредитном рынке, индекса изменений ставок на рынке электронных финансовых посредников Р2Р и от направленности движения средств, имobiliзованных путем размещения ПУА.

Во вторую и третью регрессии включены те же контрольные переменные, что и в первую. В расчетах использованы данные по всем нефинансовым акционерным обществам (АО), разместившим

свои ценные бумаги на Шанхайской и Шэнъчжэньской фондовых биржах в 2004–2015 гг. [7, с. 24].

Расчеты показали, что с увеличением масштабов деятельности, относимой к ТБ, риски неплатежеспособности нефинансовых компаний увеличиваются, что подтверждает первую гипотезу. Авторы уточнили, насколько на проявление этой корреляции влияет качество корпоративного управления в нефинансовой компании – субъекте ТБ. По идеи, если оно невысокое, то увлечение менеджеров доходными операциями ТБ (например, выдачей кредитов девелоперам или покупателям жилья) может дополнительно усилить неопределенность с потоками ликвидности и увеличить операционные риски.

Для оценки качества менеджмента был использован индекс, учитывающий структуру собственности компании (степень участия в ней государства), долю независимых членов в ее Совете директоров и долю акций, принадлежащих высшим менеджерам, в совокупном акционерном капитале предприятия. Авторы исходили из того, что компании с низким качеством управления – это преимущественно такие, где сохраняются крупные госпакеты акций, независимых директоров мало, доля участия менеджеров в капитале тоже ниже, чем в целом по отрасли.

Введение этого параметра в первое уравнение позволило выявить, что вовлечение в операции ТБ нефинансовых предприятий с низким качеством менеджмента усиливает операционные риски в гораздо большей степени, чем на хорошо управляемых предприятиях. Последние, очевидно, обладают и гораздо лучшей способностью адаптации к рискам и минимизации их последствий.

Расчеты по второму и третьему уравнениям позволили уточнить, как действует механизм трансмиссии рисков, связанных с ТБ. Если нефинансовое предприятие напрямую выдает кредит, используя для этого собственные временно свободные средства или внешнее финансирование, то риски неплатежа заемщика проявляются как ухудшение баланса кредитора, ужесточение его ограничений по ликвидности и ослабление способности обслуживать собственную задолженность по кредитам.

Вычисления по второй регрессии подтвердили, что увлечение предприятия деятельностью, относимой к первому типу ТБ, ухудшает его потоки ликвидности и замедляет оборот средств, а

это затрудняет погашение предприятием взятых им краткосрочных кредитов. Применительно же к долгосрочным кредитам расчеты не дали статистически значимого результата. Но в целом и вторую гипотезу можно считать подтвержденной.

Расчеты по третьей регрессии обнаружили, что чем глубже нефинансовое предприятие погружается в операции ТБ косвенными путями (через покупку «теневых» финансовых инструментов, выпущенных другими субъектами), тем больше его потоки ликвидности оказываются зависимыми от колебаний рыночных процентных ставок, причем как по легальным, так и по «теневым» финансовым продуктам. Соответственно, усиливается уязвимость предприятия к различным шоковым сигналам, которые могут приходить с финансовых рынков.

А если в финансовой системе усиливается нестабильность, то кредитование по каналам ТБ ужимается, это само по себе увеличивает риски неплатежей и может негативно сказаться на рентабельности предприятия-кредитора и его инвестициях в проекты по основному профилю деятельности. От этого, в свою очередь, могут пострадать предприятия-смежники, взаимодействующие с данным предприятием в рамках межотраслевых кооперационных цепочек. Общее же нарастание нестабильности вследствие экспансии ТБ выражается в распространении «эффектов заражения» между финансовым и реальным секторами, а оно ставит под угрозу и макроэкономическую сбалансированность. Третья гипотеза, таким образом, тоже оказалась реалистичной [7, с. 26–32].

В принципиальном плане для решения этих проблем нужны преодоление дискриминационного подхода банков к финансированию ЧП и МСП, расширение доступа таких предприятий к ресурсам рынка ценных бумаг. Но нужно и ужесточение нормативных требований к прозрачности балансов АО с тем, чтобы предотвращать вовлечение их в ТБ, резюмируют Ли Цзяньцзюнь и Хань Сюнь [7, с. 33].

Чжоу Шанъяо и Ван Шэн (факультет экономики и менеджмента Уханьского университета) [8] спрогнозировали, как наличие структур ТБ может спровоцировать кризисную ситуацию в китайской экономике, каковы будут логика и последовательность развития кризиса.

Они тоже констатируют, что у китайского ТБ есть как сходства с американским, так и отличия от него. В обеих странах зарождение ТБ было реакцией на возможности регуляторного арбитража, реализовавшейся в виде финансовых инноваций. Но конкретные их виды в двух странах разные, а соответственно, неодинаковы и структуры ТБ в двух экономиках. В США функции традиционных коммерческих банков и ТБ не совпадают. Комбанки привлекают сбережения домохозяйств и превращают их в кредиты для предприятий, а структуры ТБ проводят секьюритизацию кредитных активов и предоставляют домохозяйствам опции покупать эмитированные этими структурами краткосрочные долговые обязательства, т.е. в США структуры ТБ – это по преимуществу посредники. А в Китае ТБ – это зеркальное отражение деятельности традиционных банков. Он развивается усилиями самих официальных банковских структур, которые пытаются тем самым обходить регулятивные ограничения, обеспечивать себе сверхприбыли.

Означает ли наличие определенных сходств, что и в Китае распространение ТБ заключает в себе угрозу финансового кризиса и последующей общекономической рецессии? Если ответ на этот вопрос утвердительный, то можно ли оценить такие риски количественно и разработать методику управления ими?

Первый шаг в поиске ответов на данные вопросы – это диагностика источников рисков. Опыт американского кризиса 2008 г. говорит, что ключевые проблемные звенья – это дисбаланс в сроках обращения финансовых обязательств на сторонах активов и пассивов и неполный охват сбережений, помещенных в структуры ТБ, системой страхования вкладов. Если произойдут панический сброс инвесторами активов ТБ, их обесценение, т.е. если материализуется угроза «набега вкладчиков», то негативное влияние будет оказано и на балансы других финансовых посредников, могут обостриться системные риски.

Однако оценивать непредсказуемые риски паники в структурах ТБ – это задача трудная уже потому, что данных о ТБ по определению немного, традиционные статистические методы тут не подойдут. Построение структурной модели по идеи может решить проблему: используя предсказуемые переменные, можно предвидеть динамику непредсказуемых. В экономической теории считается, что банковская паника – это самосбывающийся долго-

вой кризис, который имеет нелинейный характер. М. Джетлер и Н. Киетаки задействовали для описания таких ситуаций модель общего динамико-стохастического равновесия (DSGE). В их трактовке банковская паника объединяет в себе черты и самосбывающегося, и предсказуемого события. Если можно описать траекторию предсказуемых переменных, то можно предвидеть последовательность шоков и возникающих вследствие них состояний, а значит, можно оценить и вероятность банковской паники в тех или иных временных точках¹.

Если придерживаться такого подхода, то тогда и системные риски, связанные с ТБ, станут количественно определимыми, полагают Чжоу Шанъяо и Ван Шэн. Еще более важно то, что если возможно проследить всю цепочку шоковых событий, то можно оценить и потенциальный ущерб от них для реального и финансового секторов. А предположив несколько альтернативных сценариев развития событий, можно подсчитать выгоды и издержки, связанные с управлением рисками с помощью экономической политики [8, с. 79].

Чжоу Шанъяо и Ван Шэн построили собственную модель DSGE, учитывающую специфические черты ТБ в Китае, а именно: 1) тесную связь официальных и «теневых» банковских структур и обмен капиталом между ними; 2) дифференциацию рисков невозврата кредитов в официальном и «теневом» секторах банковской системы и наличие между ними дисбалансов в сроках, на которые выдаются кредиты; 3) различия регулятивных режимов в отношении двух секторов.

В модели предполагается наличие следующих хозяйствующих субъектов: предприятий-заемщиков (они делятся на две категории: с высокой и низкой вероятностью просрочек платежей по набранным кредитам); коммерческих банков, структур ТБ, домохозяйств, производителей товаров конечного спроса и производителей промежуточной продукции. Домохозяйства помещают свои сбережения в банки, а те предоставляют их в кредит на длительные сроки обеим группам предприятий-заемщиков. При этом рис-

¹ Getler M., Kiyotaki N. Banking, Liquidity, and Bank Runs in an Infinite Horizon Economy // American Economic Review. – 2015. – Vol. 107, N 7. – P. 2011–2043.

ки неплатежей возникают просто уже из-за различных непредсказуемых шоков.

Предполагается, что источниками фондирования для ТБ выступают легальные банки. Структуры ТБ тоже могут привлекать сбережения домохозяйств и совершать краткосрочные кредитные заимствования у официальных банков, а предприятиям они выдают долгосрочные кредиты.

Но воздействие регуляторов банковской отрасли на привлечение средств «теневыми» структурами от населения и от комбанков различается по интенсивности. Во втором случае оно более строгое, поэтому из легального банковского сектора ТБ собственно по договорам кредитования может получить относительно мало средств, более доступны для него заимствования на межбанковском кредитном рынке.

Модель предусматривает, что в условиях равновесия официальные коммерческие банки, испытывающие регуляторные ограничения, не выдают высокорискованных кредитов, их можно получить только у ТБ. Но если на рынках возникают ожидания кризиса, то структуры ТБ покидают рынки, т.е. средства поддержания равновесия тут специфические [8, с. 80–84].

Используав аналитическую методику «фильтра Калмана», авторы построили историческую траекторию внешних шоков, с которыми столкнулся китайский банковский сектор, и описали последовательность их влияния на переменные модели в период с первого квартала 2004 г. по четвертый квартал 2017 г. Подтвердилось, что главным шоком, вызвавшим экспансию ТБ, было ужесточение денежной политики властей в начале 2010-х годов, спровоцировавшее волну «теневых» финансовых инноваций. Но, по оценке Чжоу Шанъя и Ван Шэна, накопление активов ТБ очень слабо сказалось на экономическом росте, по существу не оказалось на него стимулирующего воздействия.

Объяснить это можно следующим образом. Финансовые инновации уменьшили «трения» при движении средств между двумя секторами банковской системы, и это побудило официальные банки увеличить переводы денег в пользу ТБ, причем в ущерб кредитованию предприятий – низкорискованных заемщиков. В результате капитал стал более доступным для предприятий с высоким уровнем риска неплатежа, они смогли получать кредиты под более

низкие процентные ставки у структур ТБ, но цепочки кредитных обязательств при этом удлинились.

Однако структуры ТБ направили на кредитование предприятий только часть денег, пришедших из официальной банковской системы, а другую часть они пустили на спекулятивные операции с акциями, недвижимостью и другими активами. В результате цены на активы выросли, и это само по себе оказалось угнетающее воздействие на капиталовложения производственных предприятий. Поэтому-то при расцвете ТБ средства в известной мере «ушли в пустоту», рост ВВП они поддержали еле-еле.

Кроме того, инновации, связанные с ТБ, увеличили вероятность невозврата кредитов. Иными словами, рост предложения высокорискованных кредитов увеличил задолженность предприятий, но ухудшил перспективы ее обслуживания. Процентные ставки по кредитам остались высокими, и это в конечном счете стало одной из причин дальнейшего замедления экономического роста во второй половине 2010-х – начале 2020-х годов [8, с. 86–88].

Однако фундаментальная причина ослабления потенциала экономического роста в КНР – это устойчивое замедление прироста производительности в реальном секторе, оно началось в конце первого десятилетия XXI в., т.е. еще до того, как под влиянием ужесточения монетарной политики на передний план вышла проблема ТБ. Тем не менее проведенный Чжоу Шанъяо и Ван Шэном анализ засвидетельствовал, что в первой половине 2010-х годов нарастание системных рисков в финансовой системе было обусловлено по преимуществу именно расцветом ТБ, а не трудностями с производительностью в реальном секторе. А отсюда следует, что распространение ТБ создало на какое-то время обстановку нездорового бума, не подкрепленного ростом производительности, а из-за этого накопились риски финансово-экономической дестабилизации [8, с. 90–91].

При прогнозировании возможной кризисной ситуации надо прежде всего учитывать, что официальные банки в каждый конкретный момент времени оценивают вероятность того, что их отказ от финансирования ТБ вызовет перебои в обслуживании обязательств «теневыми» структурами, сброс теми активов и уход с рынка. Новое равновесие тогда будет обеспечиваться только ле-

гальными банками, но оно снова изменится, как только на рынке опять появятся какие-либо структуры ТБ.

Цепочка кризисных явлений будет выглядеть как изменения цен активов и доходности ТБ. Если структуры ТБ с рынка уйдут, то высокорискованных заемщиков из производственного сектора придется обслуживать официальным банкам. Они будут при этом повышать процентные ставки, что сделает активы в виде высокорискованных кредитов менее ликвидными, а стало быть, цены на такие активы будут падать. Это скажется и на состоянии балансов самих банков, так как часть их активов обесценится. В такой ситуации банки станут более дозированно кредитовать клиентов, объем ликвидности на рынках будет сжиматься.

В конечном счете нарастание системных рисков приведет к превращению большей части активов в «токсичные». Резко возрастут риски неплатежей по кредитам как высоко-, так и низкорисковых заемщиков, а это усугубит дефицит ликвидности, что окажет негативное воздействие и на динамику ВВП. При этом непосредственной причиной роста неплатежей по кредитам со стороны промышленных предприятий станет падение цен на товары производственного назначения, а оно произойдет потому, что рост процентов по кредитам обернется снижением доходности капиталовложений и, соответственно, ослаблением инвестиционного спроса в реальном секторе.

Итак, изменения ожиданий легальных банков как раз и могут вызвать панику среди клиентов ТБ. Если же негативных ожиданий у коммерческих банков не возникнет, то цены на активы не будут резко колебаться, чистые активы у структур ТБ останутся положительными величинами, паники и неплатежей в этом секторе не будет. Тогда получается, что чем дешевле активы ТБ, тем выше системные риски и вероятность кризиса, который проявится как «набег» клиентов на структуры ТБ. А зависимость формирования цепочки обстоятельств, ведущих к кризису, не только от общего состояния экономики, но и от ожиданий банков, как раз и делает его самосбывающимся предсказанием [8, с. 88–90].

Ужесточение надзора после 2014 г. заключалось главным образом в перекрытии каналов для неупорядоченных финансовых инноваций, т.е. оно было направлено собственно против структур ТБ. Те действительно утратили былые возможности перепродажи

активов; прямого и косвенного участия в деятельности третьих сторон, предоставляющих залоги и т.д. Сократилось «кредитное плечо» трастов, инвестиционных фондов и компаний по управлению портфелями ценных бумаг. Масштабы ТБ-деятельности стали сокращаться, системные риски и потенциальные потери от кризиса тоже пошли на убыль.

Однако на активность в секторе ТБ можно влиять и по-другому: ужесточая контроль за рисками в легальных банках, считают Чжоу Шанъяо и Ван Шэн [8, с. 91]. Если контроль усилится, то риски кредитования официальными банками структур ТБ возрастут; доходность активов ТБ, находящихся на балансах легальных банков, снизится; желание банков держать такие активы ослабнет, а значит, возможности фондирования для ТБ будут урезаны.

Однако более отдаленные последствия такого регуляторного ужесточения будут неоднозначными, полагают Чжоу Шанъяо и Ван Шэн. Оно приведет к резкому увеличению спрэда; издержки мобилизации финансовых ресурсов структурами ТБ возрастут, а значит, существенно подорожает кредит для высокорискованных инвестиционных проектов в промышленности и сфере недвижимости. У предприятий в этих отраслях снизится рентабельность, они уменьшат свои капиталовложения в производство товаров инвестиционного назначения. Вслед за ослаблением спроса таких предприятий на кредит уменьшатся не только объемы кредитования со стороны ТБ, но и его способность мобилизовать фондирование.

Высокорискованные предприятия реального сектора будут уходить с рынка, главными источниками предложения производственных активов станут низкорискованные предприятия. Но доходность по капиталовложениям, которая будет в таких условиях преобладать на рынке, будет невысокой. Это само по себе будет угнетать инвестиционный спрос и прирост ВВП.

Так что регуляторный зажим ТБ действительно может перекрыть каналы поступления туда капитала, но достигнуто это будет ценой перераспределения ресурсов в пользу низкорискованных и низкодоходных предприятий, а значит, и снижения эффективности использования ресурсов, ослабления инвестиционного процесса и негативного воздействия на экономический рост в долговременной

перспективе. Тем не менее системные риски в финансовом секторе при этом будут купированы. Если потоки капитала в сторону ТБ усохнут, то снизится вероятность финансового кризиса с возможными потерями реального ВВП, т.е. ограничение финансовых рисков поможет предотвратить рецессию [8, с. 91–93].

Подводя итоги своей работы, Чжоу Шанъяо и Ван Шэн констатируют, что при существующей структуре ТБ в Китае паника в этом секторе может породить «эффект заражения» легальных банков и возникший на этой основе кризис может распространиться на производственный сектор. Предотвращение такого развития событий с помощью регуляторного зажима может перекрыть каналы фондирования для ТБ, но оборотной стороной станет снижение нормы накопления и эффективности распределения ресурсов в экономике. Поэтому ужесточение политики в отношении ТБ надо проводить очень осторожно, тщательно взвешивая издержки и выгоды от таких решений.

Кроме того, такое ужесточение заведомо не сведет к нулю вероятность банковского кризиса, вызванного обострением негативных ожиданий. На случай подобного кризиса надо иметь совершенную систему экстренного предоставления ликвидности коммерческим банкам со стороны НБК как «кредитора последней инстанции» [8, с. 93–94].

Список литературы

1. Чжан Цзюнь. Неформальный финансовый сектор в пореформенной китайской деревне : модель Вэньчжоу = Гайгэ хоу Чжунго нунцунь дэ фэйчжэнгуй цзиньжун бумэнь : Вэньчжоу аныли // Гайгэ, чжуаньсин юй цзэнчжан : гуаньча юй цзинь. Чжан Цзюнь чжу. – Бэйцзин : Бэйцзин шифань дасюэ чубаньшэ, 2010. – С. 546–566. – Кит. яз.
2. IMF. Global Financial Stability Report : Risk Taking, Liquidity, and Shadow Banking – Curbing Excess While Promoting Growth (October 2014). – Washington, DC : International Monetary Fund, 2014. – 191 p.
3. Gabor D. Goodbye (Chinese) Shadow Banking, Hello Market-based Finance // Development and Change. – 2018. – Vol. 49, N 2. – P. 394–419.
4. Хоу Чэнци, Хуан Тунтун. «Теневой» банкинг, регуляторный арбитраж и макропруденциальная политика = Инцэ иньхан, цзяньгуань таоли хэ хунгуань шэншэнчжэнцэ // Цзинцзи янцыю. – 2020. – № 7. – С. 58–75. – Кит. яз.
5. Hachem K., Song Zeng M. The Rise of China's Shadow Banking (January 2015). – URL: <https://ideas.repec.org/p/red/sed015/931/html> (дата обращения: 4.09.2023).

6. Гао Бэй, Чэн Сюодун, Ли Чэн. Гетерогенность структуры собственности в банках, «теневой» банкинг и эффективность денежной политики = Иньхан чаньцюаань ичжисин, инцэ иньхан юй хоби чжэнцэ юсяосин // Цзинцзи яныцю. – 2020. – № 4. – С. 53–69. – Кит. яз.
7. Ли Цзяньцюнь, Хань Сюнь. Превращение нефинансовых предприятий в субъектов «теневого» банкинга и их операционные риски = Фэйцзинъжун цие инцэ иньханхуа юй цзинъин фэнсянь // Цзинцзи яныцю. – 2019. – № 8. – С. 21–35. – Кит. яз.
8. Чжоу Шанъяо, Ван Шэн. Причины, структура и системные риски «теневого» банкинга в Китае = Чжунго инцэ иньхан дэ чэнинь, цээгоу цзи ситунсийн фэнсянь // Цзинцзи яныцю. – 2021. – № 7. – С. 78–95. – Кит. яз.

ФИЛИППОВ Д.А.* ДИСКУССИИ В ЯПОНИИ ОТНОСИТЕЛЬНО ЯДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ СТРАНЫ НА ТЕКУЩЕМ ЭТАПЕ

Аннотация. В данной статье анализируется современная ядерная политика Японии, которой присуща неоднозначность вследствие, с одной стороны, усилий Токио по ядерному разоружению, а с другой – зависимости в вопросе национальной безопасности на «ядерный зонтик» США, а также статуса страны как пороговой ядерной державы. Хотя начиная с 1960-х годов Япония придерживалась так называемых трех неядерных принципов, а обсуждение возможности ядерной программы считалось табу, японские лидеры периодически заявляли о законности обладания ядерным оружием. В 2022 г. бывший премьер-министр Синдзо Абэ призвал к активной дискуссии относительно потенциального размещения на территории Японии ядерного оружия США вследствие ухудшающихся условий безопасности в Восточной Азии. Хотя нынешний премьер-министр Фумио Кисида не рассматривает подобную возможность и является сторонником ядерного разоружения, дальнейшее изменение климата безопасности вокруг Японии, а также взгляды следующего премьер-министра могут привести к более активным дискуссиям о создании Японией ядерного оружия.

Ключевые слова: Япония; ядерное оружие; ядерная политика; три неядерных принципа; Кисида.

FILIPPOV D.A. Contemporary Discussions in Japan Regarding its Nuclear Policy

Abstract. The article examines Japan's contemporary nuclear policy, which is characterised by ambiguity due to, on the one hand,

* Филиппов Дмитрий Александрович – PhD: научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

Tokyo's efforts to promote nuclear disarmament, and on the other, relying in its national security on the US "nuclear umbrella" and being a nuclear threshold power. While Japan has adhered to the so-called three non-nuclear principles since the 1960 s and any discussions around developing a nuclear programme have been considered taboo, Japan's leaders have occasionally argued that Japan could legally possess nuclear weapons. In 2022, former prime minister Shinzo Abe called for a robust discussion on potentially hosting US nuclear weapons on Japanese soil due to the worsening security environment in East Asia. While current prime minister Fumio Kishida has ruled out such possibility and advocates for nuclear disarmament, further changes in the security climate around Japan and the next prime minister's views on the matter may result in more active debates around Japan acquiring nuclear weapons.

Keywords: Japan; nuclear weapons; nuclear policy; three non-nuclear principles; Kishida

Для цитирования: Филиппов Д.А. Дискуссии в Японии относительно ядерной политики страны на текущем этапе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканстика. – 2024. – № 1. – С. 159–169. – DOI: 10.31249/RVA/2024.01.08

Япония – единственная в мире страна, ставшая жертвой ядерного оружия, когда в августе 1945 г. США сбросили ядерные бомбы на города Хиросима и Нагасаки. В ходе последующей американской оккупации в Японии была принята конституция, Девятая статья которой провозглашала, что японский народ навеки отказывается от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров [16]. Антиядерные настроения в Японии лишь укрепились после 1954 г., когда японское рыболовное судно Дайго Фукурю-мару оказалось под воздействием радиации в районе испытания США водородной бомбы на атолле Бикини [5].

В 1967 г. премьер-министр Эйсаку Сато выдвинул «три неядерных принципа», согласно которым Япония отказывалась от владения и производства ядерного оружия, а также его размещения на своей территории [12]. Во многом именно стараниями Сато Япония присоединилась в 1976 г. к Договору о нераспространении

ядерного оружия (ДНЯО), а сам Сато получил за свои усилия Нобелевскую премию мира.

В последующие десятилетия Япония последовательно выступала за ядерное разоружение, ежегодно предлагая на рассмотрение Генеральной ассамблеи ООН проекты резолюций по уменьшению глобального ядерного арсенала начиная с 1994 г. Вместе с этим стоит отметить, что Япония не присоединилась к Договору о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО), принятому в 2017 г. и ратифицированному 68 государствами, поскольку в вопросах национальной безопасности полагается на «ядерный зонтик» США и позиционирует себя в качестве своего рода мостика в отношениях между ядерными и неядерными державами.

Кроме того, Япония поддерживает использование ядерной энергии в мирных целях – это связано с тем, что страна сильно полагается на импорт в сфере энергетики (согласно официальным данным, Токио закупает 94% энергоносителей за рубежом [18]), следовательно, ядерная энергия является для нее инструментом поддержания своей энергетической безопасности.

В целом же вопрос об обладании Японией ядерным оружием традиционно считался в общественно-политических кругах страны табуированным, и в тех редких случаях, что японские политики все же высказывались на эту тему, речь шла скорее о легальной плоскости данного вопроса, и они всегда подтверждали приверженность Японии «неядерным принципам». Например, в 1957 г. тогдашний премьер-министр Нобусукэ Киси отметил в ходе своего выступления в японском парламенте, что Конституция страны, строго говоря, не запрещает обладание маломощным ядерным оружием (это заявление вызвало тогда сильное недовольство со стороны ряда парламентариев). Позже, в 1973 г. премьер-министр Кацуэй Танака подтвердил актуальность «трех неядерных принципов», однако подчеркнул разницу между стратегическим ядерным оружием, используемым в наступательных целях, и оборонительным тактическим ядерным оружием. Как заявил Танака, тот факт, что Япония не может владеть именно наступательным ядерным оружием, не значит, что такого оружия у Токио не будет никогда. Похожую мысль высказал и премьер-министр Такэо Фукуда в 1978 г. – по его словам, японская Конституция не запрещает облада-

дание ядерным оружием в том случае, если оно направлено на минимальный уровень защиты страны.

Стоит упомянуть, что Япония на данный момент считается «околоядерной» державой, так как обладает достаточным экономическим и научно-техническим потенциалом для создания ядерного оружия в краткие сроки [3]. В частности, Токио далеко прошёл в разработке технологий ядерного топливного цикла, что также позволяет говорить о его ядерном пороговом статусе.

В последние годы главным сторонником возобновления дискуссии относительно ядерного оружия в Японии был бывший премьер-министр Синдзо Абэ (который, к слову, являлся внуком премьер-министра Киси по материнской линии). В ходе своего второго премьерства в 2012–2020 гг. как сам Абэ, так и ряд членов его кабинета, например несколько министров обороны, заявляли [1], что Япония может задуматься о приобретении ядерного потенциала в зависимости от международной обстановки. Несмотря на уход в отставку в сентябре 2020 г., Абэ оставался лидером крупнейшей фракции в правящей Либерально-демократической партии и продолжал оказывать значительное влияние на японскую политику, вплоть до своего убийства в июле 2022 г.

Вскоре после начала российской «специальной военной операции» (СВО) в феврале 2022 г. Абэ заявил, что Япония должна рассматривать различные варианты в вопросе обеспечения собственной безопасности на фоне неблагоприятных для Токио региональных условий, таких как все более наступательная внешняя политика Китая и увеличение ядерного и ракетного арсенала КНДР [20]. В качестве примера Абэ указал на соглашения НАТО о совместных ядерных миссиях, которые предполагают участие стран-участниц без собственного ядерного оружия в дискуссиях о его использовании и, что важнее, размещение ядерных боеголовок на территории этих стран и даже их боевое применение военно-воздушными силами того или иного государства. Следует отметить, что в настоящий момент из трех ядерных держав НАТО (США, Великобритании и Франции) лишь США предоставляют другим странам ядерное оружие в рамках данных соглашений. Конкретно для Японии такое соглашение означало бы прямое нарушение «неядерных принципов», которые, хотя и не имеют статуса закона, являются краеугольным камнем ядерной политики

страны. Обсуждение потенциального соглашения между Японией и США о совместных ядерных миссиях вскоре продолжилось в Либерально-демократической партии. Так, генеральный секретарь партии Тосимицу Мотэги заметил, что такое соглашение будет означать не физическое обладание Японией ядерным арсеналом, а лишь совместное принятие решений и политическую ответственность относительно использования американского ядерного оружия [13].

Несмотря на то что, как отмечалось ранее, японские лидеры изредка позволяли себе высказываться относительно законности обладания Японией ядерным оружием, дискуссию об изменении политики в этой сфере было практически невозможно представить всего 10–15 лет назад. Тот факт, что Абэ, пусть и в неофициальном статусе, поднял в 2022 г. вопрос о потенциальном размещении американских ядерных боеголовок на территории страны, подчеркивает, насколько негативно в Японии оценивают сложившийся вокруг нее региональный климат – японские чиновники называют его наименее благоприятным со временем американской оккупации после Второй мировой войны [8].

Китайский военный потенциал превосходил японский уже к началу второго срока Абэ в 2012 г., а за это время это превосходство стало лишь более существенным. Если в конце 1990-х годов оборонные бюджеты Китая и Японии были сопоставимы, то к 2023 г. Китай тратил на военные нужды в 6 раз больше, чем Япония. В настоящее время Китай занимается постройкой нескольких сотен шахт для запуска межконтинентальных баллистических ракет в районе Синьцзян, а также увеличивает радиус действия баллистических ракет, размещенных на подводных лодках [7]. В августе 2022 г. запущенная Пекином в ходе военных учений баллистическая ракета упала в японской эксклюзивной экономической зоне (существование которой Пекин не признает).

Правительство Си Цзиньпина также недавно отказалось от концепции минимального ядерного сдерживания, что, как ожидается, приведет в следующие несколько лет к резкому увеличению числа располагаемых Китаем ядерных боеголовок. Кроме того, КНДР продвинулась за эти годы в разработке ядерного оружия и баллистических ракет, что в глазах японской политической элиты повышает риск конфликта между Пхеньяном и Токио. Наконец,

СВО России в Украине, прекращение российско-японских переговоров о мирном договоре и попытки стратегического сближения Москвы с Пекином привели к тому, что Япония теперь воспринимает Россию как третий фронт потенциального военного конфликта вдобавок к Китаю и Северной Корее: в сингапурской речи в июне 2022 г. нынешний премьер-министр Фумио Кисида предостерег, что «Украина сегодня может стать Восточной Азией завтра» [16].

В то же время есть основания полагать, что высказывания как Абэ, так и его предшественников, сочетающие приверженность «неядерным принципам» с заявлениями о законности обладания Токио ядерным оружием или размещением ядерного оружия США на своей территории, еще не подразумевают изменения ядерной политики страны и предназначены одновременно для нескольких аудиторий [6].

Так, первым «адресатом» является японская общественность. Тот факт, что Япония обладает необходимыми для создания ядерного оружия технологиями, но не использует их, во-первых, подчеркивает степень защищенности страны, а во-вторых, позиционирует ее как ответственного члена международного сообщества и авторитета по вопросу ядерного разоружения. Кроме того, подобные заявления направлены в сторону региональных соперников Японии – Китая и Северной Кореи – и могут быть интерпретированы как часть стратегии их сдерживания. Если Пекин и Пхеньян рассматривают вероятность, какой бы незначительной она ни была, создания Токио ядерного оружия, это снижает риск вооруженного конфликта между данными государствами. Наконец, заявления японских лидеров могут быть обращены и в сторону США. Одним из постоянных опасений японской элиты в контексте японо-американского союза является возможность того, что в случае конфликта с Северной Кореей и особенно с Китаем США могут не прийти Японии на помощь, а поскольку двусторонний союз является краеугольным камнем японской национальной безопасности, то в этом случае Токио окажется в военно-политической изоляции. Периодически заявляя о том, что создание ядерного потенциала не противоречит Конституции страны, японские лидеры как бы проверяют союз с США на прочность.

Обсуждение возможности размещения американского ядерного оружия (каким бы гипотетическим оно в настоящий момент

ни являлось) можно считать одним из звеньев в цепочке изменений, свидетельствующих о быстрой эволюции японской политики в области безопасности и снятия общественно-политических ограничений на обсуждение определенных тем. Так, в 2021 г. тогдашний заместитель премьер-министра Таро Асо неожиданно заявил, что Япония может оказать военную помощь Тайваню в случае нападения со стороны Китая [10]. Традиционно политике Японии в отношении Тайваня была присуща неоднозначность, связанная с внутриполитическими факторами, а именно: противостоянием между прокитайскими и протайваньскими политиками внутри Либерально-демократической партии (нынешний премьер-министр Фумио Кисида, например, возглавлял дружественную к Пекину умеренную фракцию под названием Котикай). Однако в последнее время японское правительство находится под давлением со стороны «ястребов» из консервативного крыла партии, выступающих за более жесткие позиции по ряду военно-политических вопросов, включая Тайвань. В 2022 г. группа японских чиновников, включая экс-министра обороны Сигэру Исиба, посетили Тайбэй и заявили о желании подписать с Тайванем оборонительное соглашение, а чуть раньше Япония впервые направила на Тайвань постоянного военного атташе.

Также в декабре 2022 г. Япония обнародовала новую стратегию национальной безопасности (впервые принятую в 2013 г. и остававшуюся в течение девяти лет неизменной), которая предполагает ряд беспрецедентных и амбициозных реформ в оборонной сфере [14]. Особого внимания заслуживает создание Японией так называемого контрударного потенциала – возможности наносить как превентивные, так и ответные удары по местам запуска вражеских ракет (уже сейчас ракеты поверхность–корабль Типа 12, находящиеся в распоряжении Токио, могут достигать прибрежных районов Китая и КНДР).

Наконец, историческим можно назвать и планы японского правительства по увеличению оборонного бюджета. Хотя постепенное повышение расходов на оборону началось еще в 2012 г., они тем не менее составляли менее 1% ВВП Японии. Однако в 2022 г. было принято решение по постепенному увеличению оборонного бюджета до 2% ВВП в течение пяти лет, а бюджет на 2023 г. уже превышает эквивалент 1%.

Что касается нынешнего премьер-министра Кисида, то тема ядерного оружия имеет для него не только политическую, но и личную значимость – он родился в Хиросиме, и несколько членов его семьи погибли во время бомбардировки города 6 августа 1945 г. В качестве министра иностранных дел в администрации Абэ Кисида сыграл важную роль в организации исторического визита Барака Обамы в Хиросиму в мае 2016 г. – это был первый случай, когда действующий президент США посетил этот город. В течение своей политической карьеры Кисида выступал за ядерное разоружение и нераспространение, а уже в качестве премьер-министра подверг критике высказанную Абэ идею о размещении в Японии американского ядерного оружия. В августе 2022 г. он стал первым японским лидером, выступившим на прошедшей в Нью-Йорке конференции ООН по Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), на которой представил «хиросимский план действия», направленный на сокращение запасов ядерного оружия в мире [19]. Среди мер, предложенных им в рамках данного плана: работа по снижению риска ядерного конфликта; достижение прозрачности ядерной политики государств; сохранение тренда на сокращение ядерных арсеналов; поддержание мирного использования ядерной энергии; повышение информированности стран мира относительно ядерных бомбардировок Японии и их последствий.

Хотя Кисида подвергается критике со стороны японских неправительственных организаций и *хикакуся* (выживших жертв ядерных бомбардировок) за неприсоединение к ДЗАО, премьер-министр по-прежнему исключает возможность размещения американских ядерных боеголовок в Японии, тогда как совместное заявление, обнародованное по итогам прошедшего в мае 2023 г. в Хиросиме саммита «Группы семи», подчеркивает отказ Токио от создания собственного ядерного потенциала [11]. Недвусмысленно в этом смысле настроена и японская общественность – 75% граждан выступают за подписание ДЗАО, а 82% и 69%, соответственно, высказываются против обладания Японией ЯО и его размещения на территории страны [9]. Интересен контраст японской публики с южнокорейской, 71% которой теперь выступают за то, чтобы их страна обладала ядерным потенциалом, а 56% поддерживают возвращение американских ядерных боеголовок, которые были вывезены с Корейского полуострова в начале 1990-х годов [17].

Сделанное в апреле 2023 г. заявление тогдашнего министра иностранных дел Ёсимаса Хаяси об отказе Японии от совместного обладания ядерным оружием свидетельствует о том, что на сегодняшний день любые дискуссии в политических кругах о пересмотре ядерной политики страны остаются исключительно гипотетическими [4]. На то, что в ближайшем будущем Токио, вероятнее всего, не станет размещать на территории страны американские боеголовки и тем более запускать собственную ядерную программу, позволяют надеяться и взгляды премьер-министра Кисида, а также общественное мнение. Тем не менее восприятие японскими политическими элитами международной обстановки за последнее десятилетие стало куда более пессимистичным, а вместе с этим правительство провело ряд исторических реформ в сфере национальной безопасности, тогда как окно допустимых общественных дискуссий на эти темы существенно расширилось. Таким образом, можно предположить, что если японское правительство будет оценивать региональные условия безопасности как все более неблагоприятные для страны, то связанное с обсуждением ЯО табу будет размываться и далее.

Кроме того, стоит отметить, что для японской политической системы характерна частая смена премьер-министров – начиная с 2000 г. лишь трое японских лидеров провели на этом посту более одного года. Одним из них является Кисида, опытный дипломат и политик, который остается премьер-министром с октября 2021 г. Тем не менее, если он и дальше продолжит подвергаться давлению со стороны более консервативно настроенных членов правящей партии, а общественная поддержка его правительства, на сентябрь 2023 г. составляющая лишь 25% (2), будет опускаться все ниже, не исключено, что он столкнется с кризисом доверия и будет вынужден уйти в отставку. И если Кисида, возглавляющий в Либерально-демократической партии умеренную, прокитайскую фракцию, имеет в дипломатических вопросах репутацию «голубя» и придерживается либеральных по японским меркам взглядов, то можно с высокой степенью уверенности предположить, что следующий японский премьер-министр будет куда более консервативной фигурой и откажется от столь выраженных позиций отказа от ядерного оружия.

Список литературы

1. Асахи симбун. Киси бо: эй сё: какубусо: рон о хитэй како ни кэнто: но кано: сэй ни гэнкю: (Газета Асахи. Министр обороны Киси отрицает дебаты о ядерном оружии, однако в прошлом упоминал о возможности рассмотрения этого вопроса). – URL: <https://www.asahi.com/articles/ASN9K0H3NN9JUTFK054.html> (дата обращения 08.10.2023). – Яп. яз.
2. Майнити симбун. Найкаку сидзирицу екобай нидзю: го па: сэнто майнити симбун ерон тё: са (кугацу дзю: року, дзю: сити нити) (Газета Майнити. Рейтинг поддержки кабинета министров стабилизируется на 25% согласно опросу общественного мнения газеты Майнити (16, 17 сентября)). – URL: <https://mainichi.jp/graphs/20230917/mpj/00m/010/017000f/20230917k0000m010074000p> (дата обращения 06.10.2023). – Яп. яз.
3. ПИР-Центр. Военная ядерная программа Японии. – URL: <https://pircenter.org/2023/01/01/voennaaja-jadernaja-programma-japonii/> (дата обращения 08.10.2023).
4. ТАСС. Япония отказалась рассматривать вопрос размещения у себя ядерного оружия. – URL: <https://tass.ru/mezhunarodnaya-panorama/17634351> (дата обращения 09.10.2023).
5. Bulletin of the Atomic Scientists. How the unlucky Lucky Dragon birthed an era of nuclear fear. – URL: <https://thebulletin.org/2018/02/how-the-unlucky-lucky-dragon-birthed-an-era-of-nuclear-fear/> (дата обращения 08.10.2023).
6. Bulletin of the Atomic Scientists. The legacy of Shinzo Abe: a Japan divided about nuclear weapons. – URL: <https://thebulletin.org/2022/08/the-legacy-of-shinzo-abe-a-japan-divided-about-nuclear-weapons/> (дата обращения 08.10.2023).
7. Center for Strategic and International Studies. Kishida's Realism Diplomacy: Nuclear Disarmament. – URL: <https://www.csis.org/analysis/kishidas-realism-diplomacy-nuclear-disarmament> (дата обращения 08.10.2023).
8. Center for Strategic and International Studies. Now the Real Work Begins: The U.S.-Japan Alliance after the Upper House Elections. – URL: <https://www.csis.org/analysis/now-real-work-begins-us-japan-alliance-after-upper-house-elections> (дата обращения 08.10.2023).
9. Hiroshima Peace Media Center. 75% of Japan's public backs TPNW, in poll by U.S. researchers, revealing divide with resistant Japanese government. – URL: <https://www.hiroshimapacemedia.jp/?p=104736> (дата обращения 08.10.2023).
10. Kyodo News. Deputy PM Aso says Japan would defend Taiwan with U.S., irking China. – URL: <https://english.kyodonews.net/news/2021/07/4303060a680b-deputy-pm-aso-says-japan-would-defend-taiwan-with-us-irking-china.html> (дата обращения 08.10.2023).
11. Ministry of Foreign Affairs of Japan. G7 Hiroshima Leaders' Communiqué. – URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100506907.pdf> (дата обращения 05.10.2023).
12. Ministry of Foreign Affairs of Japan. Three Non-Nuclear Principles. – URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/un/disarmament/nnp/index.html> (дата обращения 08.10.2023).

Дискуссии в Японии относительно ядерной политики страны на текущем этапе

13. Nikkei Asia. Senior Japanese lawmakers eye ‘nuclear sharing’ option with US. – URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/Senior-Japanese-lawmakers-eye-nuclear-sharing-option-with-U.S> (дата обращения 09.10.2023).
14. Office of Policy Planning and Coordination on Territory and Sovereignty. National Security Strategy of Japan. – URL: https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenho_shou/nss-e.pdf (дата обращения 07.10.2023).
15. Prime Minister’s Office of Japan. Keynote Address by Prime Minister Kishida Fumio at the IISS Shangri-La Dialogue. – URL: https://japan.kantei.go.jp/101_kishi_da/statement/202206/_00002.html (дата обращения 06.10.2023).
16. Prime Minister of Japan and His Cabinet. The Constitution of Japan. – URL: https://japan.kantei.go.jp/constitution_and_government_of_japan/constitution_e.html (дата обращения 06.10.2023).
17. The Chicago Council on Global Affairs. Thinking Nuclear: South Korean Attitudes on Nuclear Weapons. – URL: <https://globalaffairs.org/research/public-opinion-survey/thinking-nuclear-south-korean-attitudes-nuclear-weapons> (дата обращения 08.10.2023).
18. The Federation of Electric Power Companies of Japan. Japan’s Energy Supply Situation and Basic Policy. – URL: https://www.fepc.or.jp/english/energy_electricity/supply_situation/ (дата обращения 06.10.2023).
19. The Government of Japan. Leading the World Towards a Future Without Nuclear Weapons. – URL: https://www.japan.go.jp/kizuna/2022/09/future_without_nuclear_weapons.html (дата обращения 06.10.2023).
20. The Japan Times. Japan should consider hosting US nuclear weapons, Abe says. – URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/02/27/national/politics-diplomacy/shinzo-abe-japan-nuclear-weapons-taiwan/> (дата обращения 06.10.2023).

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 9

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА

2024 – № 1

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор О.В. Шамова

Подписано к печати 20.01.2024
Формат 60×84/16 Бум. офсетная № 1
Печать офсетная Цена свободная
Усл. печ. л. 10,75 Уч.-изд. л. 8,7
Тираж 300 экз. Заказ №
(1–100 экз. – 1-й завод)

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литер У